

РАЙЧЕЛ МИД

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

книга вторая
ЛЕДЯНОЙ УКУС

Annotation

Академия вампиров, где представители этой загадочной расы обучаются искусству высокой магии, распущена на каникулы. Юную принцессу Лиссу и ее подругу и верного стража Розу ждет горнолыжная база. Солнце, снег, высота, скорость и бесконечный драйв! Главная задача девчонок — оторваться по полной программе, оставив в прошлом кровавые бойни, которые устраивают стригои, извечные враги вампирского рода. Мало того, стригои, похоже, обзавелись помощниками среди людей. Единственное, чего они пока не знают, — опасность следует за ними по пятам, и сейчас главная задача неумерших — не умереть. Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров.

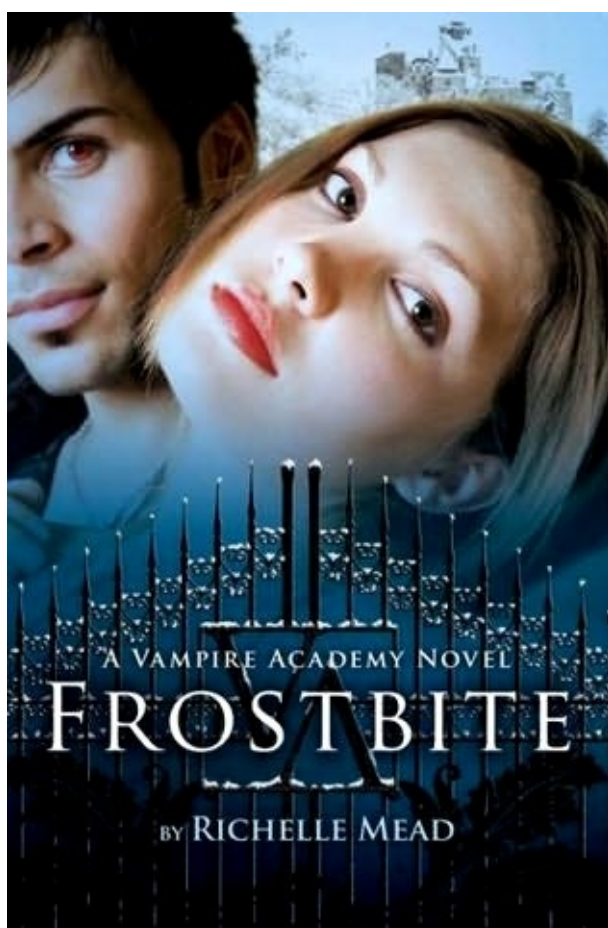
- [Райчел Мид](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ОДИН](#)
- [ДВА](#)
- [ТРИ](#)
- [ЧЕТЫРЕ](#)
- [ПЯТЬ](#)
- [ШЕСТЬ](#)
- [СЕМЬ](#)
- [ВОСЕМЬ](#)
- [ДЕВЯТЬ](#)
- [ДЕСЯТЬ](#)
- [ОДИННАДЦАТЬ](#)
- [ДВЕНАДЦАТЬ](#)
- [ТРИНАДЦАТЬ](#)
- [ЧЕТЫРНАДЦАТЬ](#)
- [ПЯТНАДЦАТЬ](#)
- [ШЕСТНАДЦАТЬ](#)
- [СЕМНАДЦАТЬ](#)
- [ВОСЕМНАДЦАТЬ](#)
- [ДЕВЯТНАДЦАТЬ](#)
- [ДВАДЦАТЬ](#)
- [ДВАДЦАТЬ ОДИН](#)
- [ДВАДЦАТЬ ДВА](#)

- [ДВАДЦАТЬ ТРИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

Райчел Мид
АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ
Книга вторая
ЛЕДЯНОЙ УКУС

Кэт Ричардсон, которая так мудра

ПРОЛОГ

Вы что-нибудь слышали о живых мертвецах-вампирах? Их называют стригоями, и если до сих пор они не являлись вам в ночных кошмарах, то рано или поздно это непременно случится. Наделенные недюжинной силой и ловкостью, они убивают своих жертв без малейших колебаний, а понятие «милосердие» для них не существует вовсе. Более того, стригои бессмертны, а борьба с ними опасна и трудна. Есть лишь три способа убить стригоя: всадить серебряный кол в сердце, обезглавить или сжечь.

К счастью, морои не такие. Они почти как люди, но обладают невероятной магической силой в одной из четырех стихий — земля, воздух, вода или огонь. К сожалению, теперь они практически не используют магию как оружие, потому что убеждены — к ней следует прибегать исключительно в мирных целях. Таково одно из важнейших правил сообщества. Морои высокие, худощавые и плохо переносят солнечный свет. Однако их недостатки компенсируются сверхчеловеческим зрением, обонянием и слухом.

И тем и другим вампирам требуется кровь — собственно, это и делает их вампирами. Морои не убивают ради нее. Есть люди, добровольно жертвующие кровью в небольших дозах, поскольку при укусе вампира выделяются эндорфины, что в высшей степени приятно и может вызвать привыкание. Этих людей называют «кормильцами», по существу, они становятся зависимыми от вампирских укусов. И все же держать при себе «кормильцев» лучше, чем поступать так, как стригои, которые ради крови идут на убийство. Думаю, им нравится убивать.

Морой, в процессе «кормления» лишивший жизни свою жертву, сразу превращается в стригоя. Некоторые морои поступают так по собственному выбору, отказываясь ради бессмертия от принципов и магии. Если стригой напьется крови, а потом заставит жертву выпить свою, ну... опять-таки получится новый стригой. Такое может произойти с кем угодно: с мороем, с человеком или с... дампиром.

Я — дампир, такие, как я, наполовину люди, наполовину морои. Мне нравится думать, что мы унаследовали лучшие черты обеих рас. Я сильная, выносливая и как человек сколько угодно могу находиться на солнце. Однако я обладаю обостренным восприятием и быстрыми рефлексам, как истинный морой. В результате из дампилов получают лучшие телохранители, кем, собственно, большинство из нас и становится. Нас

наливают стражами.

Всю жизнь я буду защищать мороев от стригоев, для этого я изучаю курс специальных дисциплин в Академии Святого Владимира, частной школе для мороев и дампиров. Я умею пользоваться всеми типами оружия и владею рукопашным боем, частенько побеждала парней вдвое крупнее меня — и на уроках, и за пределами школы. Хотя я только парней и побеждаю, поскольку в школе девушек-дампиров очень мало.

Увы, наследуя самые лучшие черты обеих рас, одного мы лишены — дампир не может иметь ребенка от другого дампира. Не спрашивайте почему — я далека от генетики и всего такого. Дампиры рождаются от союза людей и мороев; однако теперь подобное случается редко — морои сторонятся людей из-за еще одной генетической случайности. Но дампиры могут рождаться от союза мороев и дампиров. Знаю-знаю: такое запросто покажется безумием. Вы думаете, в итоге получится малыш, который на три четверти будет вампиром? А вот и нет. Наполовину человек, наполовину морой.

Большинство дампиров сейчас рождаются от мужчин-мороев и женщин-дампиров. Практически получается, что мужчина-морой развлекается с женщиной-дампиром, а потом бросает ее. В результате среди женщин-дампиров много матерей-одиночек, поэтому мало кто из них становится стражем. Но те, кто решил защищать мороев, относятся к своей работе чрезвычайно серьезно. Дампиры нуждаются в мороях. Мы вынуждены защищать их. Плюс это просто... ну достойное дело. Стригои злобные, противоестественные создания, их жертвами становятся невинные. Дампирам, собирающимся стать стражами, внушают с малолетства: стригои — зло, мороев необходимо защищать. И стражи верят в это. Я верю в это. И есть одна моройская девушка, которую я хочу защищать больше, чем кого бы то ни было на свете: моя лучшая подруга Лисса. Она принадлежит к одной из двенадцати королевских семей, последняя из Драгомиров. Лисса особенная. Помните, я говорила — каждый морой обладает магической силой в одной из четырех стихий? Так сложилось, что Лисса обладает магической силой в стихии, о существовании которой никто до недавнего времени даже не подозревал. Эта стихия называется дух. Много лет все полагали, что у Лиссы просто не развиты магические способности. Потом рядом с ней стали происходить странные события. Например, все вампиры обладают способностью принуждения, что позволяет им навязывать свою волю другим. У стригоев эта способность по-настоящему сильна, у мороев слабее, да еще и находится под запретом. У Лиссы, однако, она развита почти в той же

степени, как у стригоев. Она похлопает ресницами — и люди исполняют ее волю.

Кстати, мертвецы не всегда остаются мертвецами. Я — одна из них. Не волнуйтесь — я не стригой. И все же была мертва (никому такого не пожелаю). В автокатастрофе погибли я, родители Лиссы и ее брат. Тем не менее в том хаосе — ничего не осознавая — Лисса воззвала к духу и вернула меня к жизни. Долгое время ни она, ни я не осознавали случившегося. Фактически мы не знали о существовании духа.

К несчастью, так получилось, что кое-кому стало известно о духе еще до нас. Виктор Дашков, умирающий моройский принц, осознал, какой силой обладает Лисса, и задумал сделать ее личной целительницей, заперев в четырех стенах до конца дней. Я поняла, что кто-то тайно преследует ее, и решила взяться за это дело сама. Под моим давлением мы сбежали из школы и затерялись среди людей. Забавно, конечно, но действовало на нервы — муторно находиться в бегах. Таким образом мы скрывались два года. Все это время администрация Академии разыскивала нас. В конце концов несколько месяцев назад нас нашли и доставили обратно.

Вот тогда-то Виктор и сделал свой ход. Решив вывести из игры меня и моего наставника Дмитрия, он наложил на нас заклинание вожделения. Его люди похитили Лиссу и доставили в безлюдную местность, где Дашков вынудил ее уступить его требованиям. Виктор заставил Лиссу так усиленно эксплуатировать целительские способности, что она чуть не лишилась рассудка. Однако со своей дочерью Натальей он поступил еще хуже — уговорил ее стать стригоем, лишь бы та помогла ему сбежать. В итоге она погибла. Оказавшись в заключении, Виктор не сожалел ни о чем. У меня даже невольно возникла мысль — много ли я потеряла, не зная отца?

Тем не менее сейчас я должна защищать Лиссу и от стригоев, и от мороев. Лишь немногие посвященные знают о ее способностях, но, не сомневаюсь, найдутся другие злоумышленники, готовые воспользоваться ее даром. К счастью, у меня имеется особое оружие. После автомобильной аварии между нами возникла необычная духовная связь. Я могу видеть и чувствовать все, что переживает Лисса, это помогает мне приглядывать за ней, хотя иногда странно и дико — оказываться в голове другого человека. Я стараюсь быть образцовым стражем. Главное для меня — безопасность Лиссы. Но существуют два фактора, время от времени мешающие моим занятиям. Во-первых, частенько я сначала действую, а потом думаю. Я работаю над этим и кое-чего достигла, но стоит завестись — и я забываю об осторожности. Когда близкие подвергаются опасности... все правила утрачивают силу.

Вторая проблема — Дмитрий. Это он убил Наталью, он по-настоящему крутой парень. И очень хорош внешне. По правде говоря, более чем хорош. Дмитрий потрясающий — если увидишь такого на улице, то остановишься как вкопанная, рискуя угодить под машину. Но, как я говорила, он мой инструктор. И ему двадцать четыре. Вот почему мне никак нельзя влюбляться в него. Но, честно говоря, самая главная причина, почему это невозможно, состоит в том, что, когда Лисса окончит школу, мы оба станем ее стражами. Если мы сосредоточимся друг на друге, то вряд ли сможем хорошо выполнять свои обязанности.

Я не слишком преуспела в том, чтобы выкинуть своего наставника из головы, и уверена — он испытывает те же чувства. Сильно мешает, в частности, то, что, находясь под воздействием заклинания вождения, мы почувствовали необыкновенное влечение друг к другу. А все благодаря проискам Виктора! Я даже собиралась расстаться со своей девственностью. В последнюю минуту мы разрушили заклинание, но воспоминания всегда остаются со мной, и временами бывает трудно сосредоточиться на боевых приемах.

Между прочим, меня зовут Роза Хэзевей. Мне семнадцать, я учусь защищать и убивать вампиров, влюблена в совершенно неподходящего парня, а моя лучшая подруга обладает сверхъестественными магическими способностями, которые рано или поздно сведут ее с ума.

Эй, никто никогда не утверждал, будто средняя школа — это легко!

ОДИН

Я думала, хуже быть не может, пока лучшая подруга не сообщила мне, что ей снова угрожает безумие.

— Что ты сказала?

В этот момент я находилась в здании ее спального корпуса и, наклонившись, поправляла шнурки на ботинке. Услышав печальное известие, я резко вскинула голову и уставилась на Лиссу через спутанную, скрывающую половину моего лица завесу темных волос. После занятий я заснула и, проснувшись, не стала расчесываться. Лисса — блондинка, волосы у нее гладкие и, конечно, всегда прекрасно лежат. Она с веселым удивлением смотрела на меня.

— Я сказала, по-моему, таблетки больше не помогают.

Я выпрямилась и откинула с лица волосы.

— Как это понимать? — спросила я. Вокруг сновали морои, торопясь на обед или на встречу с друзьями.

— Твоя сила... — Я понизила голос — Твоя сила начала возвращаться?

Она покачала головой, и я увидела в ее глазах сожаление.

— Нет... Я чувствую себя ближе к магии, но по-прежнему не могу использовать ее. В последнее время меня одолевают сомнения другого рода. Ну, ты знаешь... Иногда впадаю в депрессию. Нет-нет, совсем не так, как раньше, — торопливо добавила она, заметив выражение моего лица.

До того как Лисса стала принимать таблетки, у нее случались такие приступы депрессии, что она могла изувечить себя.

— Просто сейчас чуть-чуть хуже, чем вначале.

— А как насчет другого? Тревога? Бредовые мысли?

Лисса рассмеялась; она не относилась ко всему этому так серьезно, как я.

— Ты прямо учебников по психиатрии начиталась.

Да, я действительно их читала.

— Просто беспокоюсь о тебе. Если ты считаешь, что таблетки больше не работают, нужно посоветоваться с кем-нибудь.

— Нет-нет, — поспешно заюлила она. — Со мной все хорошо. Они работают... просто дают меньше эффекта. Не думаю, будто есть причины впадать в панику. В особенности тебе, по крайней мере сегодня.

Она сменила тему разговора, и это сработало. Час назад я узнала, что сегодня у меня квалификационный экзамен или скорее собеседование, —

нее новички стражи проходили через него на предпоследнем курсе обучения в Академии Святого Владимира. Поскольку в прошлом году я и Лисса были в бегах, то, следовательно, я все пропустила. Сегодня какой-то страж, не из наших, академических, собирался протестировать меня. Спасибо за предупреждение, парни.

— Не беспокойся обо мне, — с улыбкой повторила Лисса. — Если станет хуже, я тебе сообщу.

— Ладно, — неохотно согласилась я.

Тем не менее на всякий случай я воспользовалась нашей духовной связью и открыла свое сознание чувствам, которые она сейчас испытывала. Подруга сказала правду — этим утром она ощущала себя спокойной, довольной и ни о чем не тревожилась. Однако в глубине сознания я ощутила клубок мрачных, беспокойных чувств. Они не поглощали ее целиком, нет, ничего такого, но несли оттенок тех приступов депрессии и гнева, которые бывали прежде. Совсем крошечный узелок, и все равно я ощутила беспокойство. Я попробовала проникнуть еще глубже, но внезапно испытала странное чувство чьего-то прикосновения. Мне стало не по себе, и я торопливо вернулась. По телу побежала дрожь.

— Что с тобой? — Лисса нахмурилась. — Ты выглядишь так, словно тебе нехорошо.

— Просто... нервничаю из-за теста, — соврала я.

И, колебавшись, снова потянулась к ней через нашу связь. Мрачность полностью исчезла. Ни следа. Может, в конце концов, с ее таблетками действительно все в порядке.

— Я в порядке.

Она кивнула на часы.

— Тебе лучше поторопиться.

— Проклятье! — Она была права, я торопливо обняла ее. — Увидимся позже!

— Удачи!

Я поспешно пересекла кампус и нашла своего наставника Дмитрия Беликова. Он ожидал меня рядом с «хондой-пилот». Какая скука! Я, конечно, не рассчитывала на поездку по горным дорогам Монтаны в «порше», но все же хотелось чего-нибудь покруче.

— Знаю, знаю, — сказала я, разглядев выражение его лица. — Прости за опоздание.

Тут я вспомнила, что мне предстоит одна из самых важных проверок в жизни, и внезапно позабыла и о Лиссе, и о ее таблетках. Я хочу защищать ее, но для этого требуется с отличием окончить среднюю школу и стать ее

официальным стражем. Отвлекаясь от мыслей, я оглянулась. Массивное кирпичное здание, неясно вырисовывались на фоне сумеречного предрассветного неба, отбрасывало на нас длинные тени. Пошел снег. Я смотрела, как медленно падают легкие кристаллические снежинки. Некоторые из них опускались на темные волосы Дмитрия и быстро таяли. Дмитрий выглядел великолепно — как всегда.

— Кто еще едет? — спросила я.

— Только ты и я.

Мое настроение резко подскочило от просто жизнерадостного до восторженного. Я и Дмитрий. Одни. В автомобиле. Не иначе, меня ждет тест-сюрприз.

— Сколько нам ехать?

Про себя я молилась, чтобы поездка оказалась по-настоящему долгой. Можно и с неделю. Даже с ночевками в роскошных отелях. Может, нас где-нибудь занесет снегом, и лишь тепло прижатых друг к другу тел позволит выжить.

— Пять часов.

— А-а...

Меньше, чем я надеялась. Но пять часов лучше, чем ничего. Да и возможность снежного заноса по-прежнему не исключалась.

Человеку трудно вести машину по темной заснеженной дороге, но для дампирских глаз — никаких проблем. Я смотрела вперед, стараясь не думать, как чистый, острый запах лосьона после бритья заполняет салон, заставляя меня трепетать от присутствия наставника. И я попыталась снова сосредоточиться на предстоящем экзамене. К подобной проверке нельзя подготовиться. Ты либо выдержишь испытание, либо нет. Достигшие высокого положения стражи индивидуально встречаются с учениками предпоследнего курса и оценивают их готовность. Я не знаю точно, какие вопросы задают, хотя, конечно, слухи просачиваются и за школьные стены. Старших стражей интересует степень преданности, в результате некоторых новичков даже отстраняют от должности стража.

— Разве они не приезжают в Академию? — спросила я Дмитрия. — В смысле, я ничего не имею против экскурсии, но почему мы едем к ним?

— На самом деле ты едешь не к ним, а к нему. — Легкий русский акцент не портил речь Дмитрия, просто указывал на его происхождение; во всем остальном он владел английским лучше меня. — Поскольку здесь особый случай, нам оказывают любезность и едем именно мы, а не он.

— Кто он?

— Артур Шунберг.

Я оторвала взгляд от дороги и посмотрела на Дмитрия.

— Что?

Артур Шунберг — живая легенда, один из величайших убийц стригоев. Прежде он был главой Совета стражей — группы, принимающей решения, кто будет стражем конкретного мороя. Со временем он оставил свой пост и вернулся к защите одной из королевских семей — Бадика. Даже в отставке Шунберг по-прежнему смертоносен. Его подвиги входят в учебный план наших занятий.

— А... никого больше в наличии не оказалось? — спросила я севшим голосом.

Дмитрий попытался скрыть улыбку.

— Все будет прекрасно. Кроме того, если Арт одобрит тебя, лучшей рекомендации не потребуется.

Арт. Дмитрий был накоротке с одним из самых выдающихся стражей. Конечно, чему тут удивляться — Дмитрий и сам крут. В машине воцарилась тишина. Покусывая губу, я задавалась вопросом, буду ли соответствовать стандартам Шунберга. Оценки у меня хорошие, но такие провинности, как побег и драки в школе, могут создать впечатление, будто я отношусь к своей будущей карьере без должной серьезности.

— Все прекрасно, — повторил Дмитрий. — Хорошее в твоём личном деле перевешивает плохое.

И как он умудряется читать мои мысли? Я улыбнулась и осмелилась украдкой бросить на него изгляд. Это было ошибкой. Высокий и стройный красавец с бездонными темными глазами, темно-каштановые волосы, собранные сзади в пучок, которые на ощупь казались шелковыми. Я перебирала их, когда мы находились под воздействием заклинаний Виктора Дашкова. С огромным напряжением я заставила себя перевести взгляд.

— Ну спасибо, наставник, — поддразнила его и откинулась на сиденье.

— Я здесь, чтобы помочь тебе.

Его голос звучал весело и расслабленно — большая редкость. Обычно он напряжен, всегда готов отразить любое нападение. Наверное, внутри «хонды» он чувствовал себя в безопасности — ну по крайней мере, в той степени, в какой это возможно, когда я рядом. Не мне одной тяжело игнорировать романтическое притяжение между нами.

— Знаешь, чем ты можешь реально помочь? — спросила я, избегая его взгляда.

— Ммм?

— Если выключишь эту дерьмовую музыку и поставишь что-нибудь,

появившееся после падения Берлинской стены.

Дмитрий засмеялся.

— По истории ты успеваешь хуже всего, но каким-то образом знаешь все о Восточной Европе.

— Ну, должна же я иметь базу для своих шуток, товарищ.

Все еще улыбаясь, он повернул радио на станцию, передающую «кантри».

— Эй, вовсе не это имелось в виду! — воскликнула я.

Он был на грани того, чтобы рассмеяться снова.

— Выбирай. Или эта, или та. Я вздохнула.

— Тогда возвращайся в восьмидесятые.

Я скрестила на груди руки. Он переключил радио. Зазвучала дурацкая европейская группа, поющая о том, как из-за появления кино зашла звезда радио. Вот бы уничтожил кто это радио! Внезапно пять часов показались весьма продолжительным сроком.

Артур и находящееся под его защитой семейство жили в маленьком городке у шоссе 1-90, неподалеку от Биллингса. О том, где мороям лучше жить, однозначного мнения нет. Некоторые утверждают, что большие города предпочтительнее, поскольку позволяют вампирам затеряться в толпе, а ночной образ жизни не привлекает внимания. Другие выбирают маленькие городки, делая ставку на безлюдье и отшельничество.

По дороге я уговорила Дмитрия перекусить в круглосуточной закусочной, потом мы останавливались еще раз на заправку и в результате прибыли на место где-то около полудня. Это был одноэтажный дом с большими эркерами, увитый ползучими растениями, между которыми проглядывала деревянная обшивка. Он выглядел дорогим и немного нездешним — то есть примерно так, как я и представляла себе резиденцию королевской семьи:

Я выпрыгнула из машины, ботинки примерно на дюйм утонули в снегу. День выдался спокойный, тихий — если не считать случайных порывов ветра. Мы с Дмитрием шли к дому по каменистой дорожке, которая пересекала передний двор. Я видела, как он снова проникается деловым духом, но настроение оставалось таким же жизнерадостным, как и мое. Мы оба получили заслуживающее порицания удовольствие от совместной поездки. Нога поскользнулась на покрытой ледяной коркой дорожке, и Дмитрий мгновенно подхватил меня. Возникло странное ощущение дежавю — припомнилась первая ночь, когда мы встретились, тогда он тоже не дал мне упасть. Несмотря на мороз, я чувствовала тепло его руки даже через парку.

— Ты в порядке?

К моему огорчению, он убрал свою руку.

— Да. — Я бросила осуждающий взгляд на обледенелую дорожку. — Интересно, эти люди когда-нибудь слышали о соли?

Дмитрий внезапно остановился. На его лице проявились напряжение и тревога. Поворачивая голову, он изучал широкие белые равнины вокруг. Потом взгляд остановился на доме. Я хотела спросить его, в чем дело, но что-то заставило меня хранить молчание. Он разглядывал дом почти минуту, затем перевел взгляд на обледенелую дорожку, на подъездную аллею, засыпанную снегом.

Очень настороженно он подошел к передней двери, и я за ним. Тут он снова остановился, на этот раз пристально осматривая дверь. Она была закрыта, но не совсем. Словно ее поспешно закрыли, но не заперли. По краю двери шли царапины, будто ее взламывали. Дмитрий провел пальцами по косяку, его дыхание маленькими облачками вырывалось в воздух. Он дотронулся до дверной ручки, она слегка покачнулась.

В конце концов он негромко скомандовал:

— Роза, подожди в машине.,

— Но поче...

— Иди.

Одно слово, исполненное такой силы, сразу напомнило мне — передо мной человек, запросто расшвыривавший людей и всадивший кол не в одного стригоя. Я пошла обратно по засыпанной снегом лужайке, не рискуя идти по скользкой дорожке. Дмитрий стоял на месте, пока я не села в машину и не захлопнула дверцу, стараясь вести себя как можно тише. Потом он еле заметным движением толкнул незапертую дверь и исчез внутри. Сгорая от любопытства, я досчитала до десяти и выбралась из машины.

Я понимала, идти за ним неразумно, и в то же время должна была выяснить, что с этим домом не так. Нечищенная дорожка и нетронутая подъездная аллея свидетельствовали — по крайней мере, пару дней в доме никого не было; с другой стороны, это могло означать, что никто из семьи Бадика какое-то время не выходил на улицу. А возможно, они стали жертвами самого заурядного, совершенного людьми взлома Или их что-то напугало и заставило сбежать — скажем, появление стригоя. Судя по мрачному выражению лица Дмитрия, он тоже не исключал такой возможности, и все же она представлялась маловероятной — ведь их охранял не кто-нибудь, а сам Артур Шунберг. Стоя на подъездной аллее, я подняла взгляд к небу. Свет был, хоть бледный и бесцветный. Полдень.

Солнце в самой высокой точке. Стригои не выносят солнечного света, а вот я его не боюсь, и вообще я боюсь только гнева Дмитрия. Я пошла вокруг дома, обходя его справа, там снега было больше, почти на фут. Пока ничего странного я не заметила. Сосульки свисали с крыши, сквозь затененные окна никаких тайн не разглядеть. Внезапно нога ударилась обо что-то, и я глянула вниз. Наполовину зарытый в снег, там торчал серебряный кол. Нахмурившись, я вытащила его и отчистила от снега. Как он тут оказался? Серебряные колья очень ценные. Это самое смертоносное оружие стража, таким можно убить стригоя одним-единственным ударом в сердце. Когда такой кол выковывают, четыре мороя накладывают на него магическое заклинание четырех стихий. Я пока не умела пользоваться ими, но, стиснув кол в руке, внезапно почувствовала себя в большей безопасности и продолжила путь.

Огромная застекленная дверь в задней части дома выходила на деревянный помост, на котором, скорее всего, летом происходили всякие увеселения. Однако стекло двери оказалось разбито, причем в образовавшуюся дыру с рваными краями явно мог пролезть и человек. Я тихонечко поднималась по ступеням помоста, стараясь не поскользнуться и понимая, какие у меня будут серьезные неприятности, когда Дмитрий узнает, что я делаю. Несмотря на холод, на шее выступил пот.

«Дневной свет, дневной свет», — напоминала я себе.

Не из-за чего беспокоиться. Добравшись до двери, я внимательно изучила темное стекло. Трудно сказать, чем его разбили. Сквозь дыру внутрь нанесло немного снега, на бледно-голубом ковре появился небольшой занос. Я потянула за ручку двери, но она оказалась заперта. Впрочем, с такой большой дырой это особого значения не имело.

Стараясь не задеть острые края, я просунула в отверстие руку и отперла замок изнутри, затем осторожно потянула в сторону раздвижную дверь, открывая ее. При этом она издала шипящий звук, совсем тихий и все же показавшийся слишком громким в противоестественной тишине.

Я вошла внутрь, остановилась на пятне солнечного света, падающего сквозь открытую дверь, и дождалась, когда глаза приспособятся к полутьме. Сквозь открытую дверь врвался ветер, играя с занавесками. Я оказалась в гостиной. Ничего неожиданного. Кушетки. Телевизор. Кресло-качалка.

И тело. Это была женщина, она лежала на спине. Темные волосы разметались по полу. Широко распахнутые глаза слепо глядели вверх, лицо бледное — слишком бледное даже для мороя. На мгновение показалось, будто длинные волосы покрывают и шею, но потом до меня дошло: темная

полоса на коже — кровь. Засохшая кровь. Ей перерезали горло.

Открывшаяся моим глазам ужасная сцена выглядела так сюрреалистично, что я даже не сразу осознала увиденное. Вдруг женщина просто заснула на полу? Потом я заметила второе тело: мужчина лежал на боку, на расстоянии пары футов от нее. Ковер залила темная кровь. Третье тело лежало рядом с кушеткой: маленькое, явно ребенок. На другом конце комнаты еще одно и еще. Тела повсюду, тела и кровь.

Внезапно до меня дошло, сколько трупов вокруг, и сердце бешено заколотилось. Нет-нет. Сейчас же день. При дневном свете ничего плохого не происходит. В горле застрял крик, внезапно заглохший, когда появившаяся из-за спины рука в перчатке накрыла мне рот. Я начала вырываться, но потом почувствовала запах лосьона Дмитрия.

— Почему ты никогда не слушаешься? — спросил он. — Если бы они все еще находились здесь, ты уже была бы мертва.

Я не могла отвечать — и из-за его руки, и из-за шока. Мне приходилось видеть смерть, но никогда в таком масштабе. Спустя почти минуту Дмитрий убрал руку, но остался за моей спиной. Я не хотела больше смотреть, но, оказалось, не могу оторвать взгляда от жуткого зрелища. Тела повсюду. Тела и кровь. В конце концов я повернулась к нему.

— Сейчас же день, — прошептала я. — Ничего плохого днем не случается.

В моем голосе звучала отчаянная мольба маленькой девочки, умоляющей убедить ее, что все вокруг — просто дурной сон.

— Плохое случается в любое время, — ответил он. — Убийство произошло не днем. Скорее всего, пару ночей назад.

Я рискнула снова бросить взгляд на тела, и живот у меня свело. Два дня. Их убили два дня назад, погасили их жизнь, как свечу, — и никто в целом мире даже не знал, что их больше нет. Мой взгляд упал на тело мужчины рядом с выходом в коридор. Высокий, слишком хорошо сложен для моря. Дмитрий заметил, куда я смотрю.

— Артур Шунберг, — тихо бросил он.

Я посмотрела на окровавленное горло Артура.

— Мертв, — шепнула я, как будто это и так не было очевидно. — Почему он мертв? Как мог стригой убить Артура Шунберга?

Подобное казалось совершенно немыслимым. Нельзя убить легенду.

Дмитрий не отвечал. Его рука скользнула вниз и обхватила мою, стискивающую кол. Я вздрогнула.

— Где ты взяла его? — спросил он, забирая у меня кол.

— Снаружи. В снегу.

Он поднял мою находку, изучая сверкающую в солнечном свете поверхность.

— Им взломали защиту.

Я была так ошеломлена, что не сразу поняла смысл его слов. Потом до меня дошло. Защитой называют создаваемые мороями магические кольца. Как и в случае с кольями, при их создании используется магия всех четырех стихий. Для этого требуются очень могущественные в магии морои, иногда с каждой стихией они работают даже по даос. Защитные кольца создают препятствия стригию, поскольку магия заряжена жизнью, а стригои — нет. Однако защитные кольца быстро ослабевают, их требуется постоянно поддерживать. Большинство мороев не пользуются кольцами защиты, но некоторые места окружены ими, например Академия Святого Владимира.

Здесь тоже имелись защитные кольца, но они разлетелись вдребезги, когда кто-то протащил сквозь них кол. Две магии вступили в конфликт друг с другом, и магия кола победила.

— Стригой не может касаться кола, — выдохнула я, осознавая, как часто употребляю выражения «не может» или «немыслимо».

Нелегко, когда ставится под сомнение то, во что незыблемо веришь.

— Ни один морой или дампир не способен на такое.

— А вот человек сделал бы. Наши взгляды встретились.

— Люди не помогают стригоям...

Я оборвала себя. Опять то же самое — «не помогают». Но я ничего не могла с собой поделать. Единственное, на что можно рассчитывать в борьбе со стригоями, — солнечный свет, магия кола, защитные кольца и так далее. Мы используем их слабости. Если же им помогают другие — люди, — не имеющие этих ограничений...

На суровом лице Дмитрия, как всегда готового к любому повороту событий, мелькнула крошечная тень сочувствия, когда он наблюдал за моими внутренними терзаниями.

— Оно меняет все, правда? — спросила я.

— Да, — ответил он.

Дмитрий сделал один телефонный звонок, и появилась группа специального назначения.

Правда, прошло часа два, и каждая минута ожидания растянулась на год. В конце концов, не в силах выносить сцену побоища, я вернулась в машину. Дмитрий закончил осмотр дома и присоединился ко мне. Ни он, ни я не произнесли ни слова. Жуткие сцены внутри дома снова и снова прокручивались в сознании. Я чувствовала себя испуганной, одинокой, мне хотелось, чтобы Дмитрий как-то успокоил меня. И тут же бранила себя за это желание, в тысячный раз напоминая себе, что он мой инструктор и не его дело утирать сопли, какая бы ситуация ни сложилась. Кроме того, я хотела быть сильной. Не хотела искать поддержки каждый раз, когда ситуация становилась критической.

Прибыла первая группа стражей. Дмитрий открыл дверцу машины и повернулся ко мне.

— Ты должна понять, как все случилось.

Я не хотела больше смотреть на трупы, но пошла за ним. Стражи были мне незнакомы, но Дмитрий знал их. Казалось, он всегда всех знает. Они удивились присутствию новичка, но никто не запротестовал.

Я плелась за ними, пока они осматривали дом. Никто ни к чему не прикасался, но они опускались на колени рядом с телами, внимательно изучали пятна крови и разбитые окна. По-видимому, стригои проникли в дом не только через переднюю или заднюю дверь. Стражи перебрасывались отрывистыми замечаниями, не выказывая ни отвращения, ни страха, которые я чувствовала. Они действовали как роботы. Одна из них, единственная женщина в группе, присела рядом с Артуром Шунбергом. Мне стало интересно: женщины-стражи — редкость. Я слышала, как Дмитрий называл ее Тамарой, на вид ей было лет двадцать пять. Темные волосы не доходили до плеч — как обычно у женщин-стражей.

В ее серых глазах промелькнула печаль.

— Ох, Артур... — вздохнула она.

Прямо как Дмитрий, в двух словах сумев выразить тысячу вещей.

— Никогда не думала, что доживу до этого дня. Он был моим наставником.

Тамара снова вздохнула и встала. Ее лицо приняло деловое

выражение, как будто тот, кто обучал ее, не лежал сейчас бездыханным. Я просто глазам не верила. Он же был ее наставником. Как можно до такой степени контролировать себя? Всего на долю секунды я представила себе, что па полу распростерся мертвый Дмитрий. Нет. На се месте я не смогла бы сохранять спокойствие. Я пришла бы в ярость, кричала бы, пинала вещи ногами. Может, даже ударила кого-нибудь, пытавшегося меня успокоить.

По счастью, я убеждена, Дмитрия никто не может одолеть. Я видела, как он убил стригоя, не моргнув глазом. Он неодолим. Он крут. Он бог. Конечно, к Артуру Шунбергу все это тоже относилось.

— Как они сумели сделать это? — выпалила я вопрос.

Шесть пар глаз обратились ко мне. Я думала, вслед за моей вспышкой последует осуждающий взгляд Дмитрия, но его лицо выражало лишь любопытство.

— Как смогли убить его?

— Точно так же, как убивают остальных, — ответила Тамара, сохраняя спокойное выражение лица. — Он смертен, как и все мы.

— Да, но он... Ты же понимаешь — Артур Шунберг.

— Вот ты и расскажи нам, Роза, — взглянул на меня Дмитрий. — Ты же видела дом. Расскажи, как они это сделали.

Я внезапно осознала, что сегодня все равно подвергнусь испытанию, и задумалась об увиденном. Сглотнула, пытаясь сообразить, как невозможное стало возможным.

— Здесь есть четыре точки входа. Значит, речь идет, по крайней мере, о четырех стригоях. Тут присутствовали семь мороев... Семья Бадика как раз принимала гостей, что увеличило размеры кровавой бойни. Три жертвы были детьми. И три стража. Слишком много убитых. Четыре стригоя на такое неспособны. Шесть — еще туда-сюда, если сначала они напали на стражей, сумев застать их врасплох. Морои были охвачены паникой, чтобы оказывать сопротивление.

— А как они сумели застать стражей врасплох? — спросил Дмитрий.

Я заколебалась. Как правило, стражей никому не удается застать врасплох.

— Кольца защиты были разрушены. В семье, не имеющей защиты, выделяют стража, по ночам охраняющего двор. Но здесь пренебрегли этим.

Я ждала следующего очевидного вопроса о том, как оказалась разрушена защита, но Дмитрий не задал его. Не было нужды. Мы все знали ответ. Все видели кол. И снова дрожь пробежала по спине. Люди, работающие со стригоями... с большой группой стригоев.

Дмитрий просто кивнул в знак одобрения, и осмотр продолжился.

Когда мы добрались до ванной, я отвела взгляд. Раньше я туда заглядывала вместе с Дмитрием и не имела желания соваться еще раз. Там тоже был мертвый мужчина, его засохшая кровь резко контрастировала с белыми плитками. А поскольку эта комната находилась в глубине дома, здесь было теплее, чем в гостиной с разбитой дверью, мороз тут не защищал от разложения. Тело еще не пахло скверно, но запах стоял... сомнительный.

Однако, отворачиваясь, я заметила на зеркале мазки чего-то темно-красного или скорее коричневого. Прежде я не обратила на них внимания, все затмило жуткое зрелище. Что-то было написано на зеркале кровью. Теперь я прочла надпись: «Бедные, бедные Бадика. Одна королевская семья почти уничтожена. Остальные последуют за ней».

Тамара пренебрежительно фыркнула и отвернулась от зеркала, продолжая изучать ванную. Зато в моей голове эти слова прокручивались снова и снова.

«...Одна королевская семья почти уничтожена. Остальные последуют за ней».

Бадика являлись одним из самых маленьких королевских кланов. И все же вряд ли погибшие здесь были последними из них. Осталось, мне кажется, еще около двухсот Бадика. Это не так уж много, если сравнивать, к примеру, с семьей Ивашковых, огромной и широко распространенной. Но были королевские семьи гораздо меньше, чем семья Бадика. Такие, как Драгомиры. Из них уцелела одна Лисса...

Если стригои хотят уничтожить представителей всех королевские родов, то разумнее всего начать с нее.

Кровь мороев поддерживает стригоев, поэтому их желание понятно. А то, что они нацелились конкретно на королевские семьи, скорее всего, просто следствие их жестокого, садистского мировоззрения. Злая ирония состояла в том, что стригои страстно жаждали стереть с лица земли моройское сообщество, хотя сами некогда были его частью.

Пока мы оставались в доме, мои мысли вертелись вокруг надписи на зеркале. В результате страх и шок трансформировались в ярость. Как могли они поступить так? Насколько злым и испорченным нужно быть, чтобы убить целую семью? И как можно идти на такие преступления, если когда-то был таким, как я и Лисса?

Мысль о Лиссе, о том, что стригои захотят уничтожить и ее, расшевелила темную ярость в глубине души, такую мощную, что мне чуть не стало плохо. Внутри кипело нечто ядовитое, нарастающее — грозовое облако, готовое взорваться. Внезапно меня охватило острое желание голыми руками разорвать каждого стригоя, до которого я смогу добраться.

Садясь в машину, я так сильно хлопнула дверцей, что удивительно, как она не отвалилась.

Дмитрий удивленно посмотрел на меня.

— Что случилось?

— Ты серьезно?! — недоверчиво воскликнула я. — И ты еще спрашиваешь? Ты же был там, видел все.

— Да. Однако машина тут ни при чем.

— Ненавижу их! — рычала я, пристегиваясь. — Ненавижу всех их! Хотела бы я быть здесь. Уж я вспорола бы им глотки!

Я едва не кричала. Дмитрий пристально смотрел на меня, лицо спокойное, но чувствовалось, он поражен моим взрывом.

— Ты и вправду так думаешь? — спросил он. — Думаешь, будто справилась бы лучше Артура Шунберга, несмотря на увиденное? Даже после того, как Наталья обошлась с тобой?

Я заколебалась. Когда кузина Лиссы превратилась в стригоя, у меня было короткое столкновение с ней, но вскоре появился Дмитрий и спас положение. Она была еще «свежим» стригоем — слабым, некоординированным — и тем не менее буквально швыряла меня по комнате. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох. И внезапно почувствовала себя ужасно глупо. Я знала, на что они способны. Импульсивное вмешательство в попытке спасти положение имело бы единственный результат — мою гибель. Постепенно я становилась настоящим стражем, но мне предстояло еще многому научиться — и одна семнадцатилетняя девушка уж точно не выстояла бы против шести стригоев.

Я открыла глаза.

— Прости.

Я снова обрела контроль над собой. Бушевавший внутри гнев рассеивался. Уж не знаю, откуда он взялся. Я вспыльчива и часто действую необдуманно, но этот всплеск был слишком вздорный даже в моих глазах. Странно.

— Все в порядке, — успокоил меня Дмитрий, протянул руку и на несколько мгновений накрыл своей ладонью мою. — Это был долгий день. Для всех нас.

Когда мы около полуночи вернулись в Академию, все уже знали о кровавой бойне. Учебный день в школе только закончился. Я не спала больше суток, была вялая, с мутными глазами, и Дмитрий приказал мне немедленно отправиться к себе и лечь спать. Он сам не выглядел уставшим и, казалось, мог принять любой вызов. Иногда я сомневаюсь, спит ли он

вообще. Он ушел обсудить нападение с другими стражами, а я пообещала ему, что отправлюсь напрямик в постель. Однако едва он скрылся из виду, свернула к библиотеке. Требовалось увидеться с Лиссой, и благодаря нашей связи я знала, где она.

Когда я шла по каменной дорожке от моего спального корпуса к основному зданию средней школы, темнота стояла хоть глаз выколи. Трава полностью скрылась под снегом, но сама дорожка была тщательно очищена. Это напомнило мне о дворе бедных Бадика. Огромное здание школы в готическом стиле больше подходило для съемок какого-нибудь средневекового кино, чем для учебного заведения. Атмосфера тайны и древней истории сохранялась и внутри здания: искусно обработанные каменные стены и старинные картины успешно соперничали с компьютерами и флуоресцентными лампами. Современная технология проникла сюда, но не занимала доминирующего положения. Пройдя сквозь электронный вход, я направилась в дальний угол, где хранились книги по географии и путешествиям. И очень быстро обнаружила Лиссу. Она сидела на полу, прислонившись спиной к книжному шкафу.

— Привет.

Она подняла взгляд от лежащей на одном колене открытой книги и откинула с лица прядь светлых волос. Ее бойфренд Кристиан лежал на полу рядом, положив голову на другое ее колено. Он приветствовал меня кивком. Учитывая антагонизм, временами вспыхивающий между нами, это было равносильно тому, как если бы он заключил меня в медвежьи объятия. Лисса сдержанно улыбалась, но я чувствовала внутри ее напряженность и страх.

— Ты слышала, — констатировала я, усаживаясь рядом с ней со скрещенными ногами.

Улыбка исчезла, чувство страха и тревоги нарастало. Я рада, что наша духовная связь позволяет мне лучше защищать ее, но в данный момент меньше всего нуждалась в усилении собственного беспокойства.

— Ужасно, — с содроганием прошептала она.

Кристиан слегка переместился, переплел пальцы Лиссы со своими и сжал ее руку. Она в ответ сжала его. Эти двое были так влюблены и так приторно нежничали друг с другом, что каждый раз после общения с ними у меня возникало желание почистить зубы. В данный момент, однако, оба выглядели подавленными, и ясное дело, по какой причине.

— Говорят... Говорят, стригоев было шесть или семь. И люди помогли им разрушить защиту.

Я прислонилась головой к полке. Быстро же распространяются

новости. Внезапно я почувствовала головокружение.

— Правда.

— В самом деле? — спросил Кристиан. — А я посчитал, что это просто преувеличение и паранойя.

— Нет... — До меня внезапно дошло, что никто, собственно, не знал, где именно я находилась сегодня. — Я... Я была там.

Глаза Лиссы расширились. Ее охватил шок, и я тут же ощутила его. Даже Кристиан — известный своей самоуверенностью — явно испытывал ужас. Если бы не жуть всего происшедшего, я почувствовала бы удовлетворение оттого, что сумела его огорошить.

— Шутишь, — буркнул он не слишком уверенно.

— Я думала, ты проходишь свое квалификационное...

Голос Лиссы сошел на нет.

— Так и предполагалось, просто я оказалась в неподходящем месте в неподходящее время. Страж, который должен был подвергнуть меня испытанию, жил там. Мы с Дмитрием вошли внутрь и...

Закончить я не смогла. В сознании снова вспыхнули образы крови и смерти. По лицу Лиссы скользнула тень беспокойства, просочившись через нашу связь.

— Роза, как ты? — Она ласково посмотрела на меня.

Лисса — моя лучшая подруга, но я не хотела, чтобы она знала, до какой степени все происшедшее напугало и расстроило меня. Я хотела быть сильной.

— Нормально, — процедила я, стиснув зубы.

— Как все это выглядело? — спросил Кристиан.

В его голосе звучало любопытство, но одновременно и чувство вины — он понимал, что нехорошо расспрашивать о таких страшных вещах. Но удержаться от вопроса не смог, импульсивность — одна из немногих черт, роднивших нас.

— Это выглядело... — Я покачала головой. — Не хочу об этом говорить.

Кристиан начал возражать, но Лисса коснулась рукой его блестящих черных волос. Ее мягкое прикосновение успокоило его. Между всеми нами возник момент неловкости. Проникнув в сознание Лиссы, я поняла, что она отчаянно хочет сменить тему.

— Говорят, это нарушит все праздничные визиты, — произнесла она после некоторой паузы. — Тетя Кристиана, правда, все равно собирается приехать, но большинство мороев сейчас не хотят путешествовать и пожелали, чтобы их дети тоже оставались в безопасном месте. Мысль о

том, что где-то действует банда стригоев, ужасает всех.

— Многие родственники не смогут увидеться, — пробормотала я.

— И планы множества королевских вечеринок тоже пойдут прахом, — заметил Кристиан, краткий миг его серьезного настроения прошел, зато ехидная манера вернулась. — Известно, как они ведут себя в это время года — всегда соперничают друг с другом, чья вечеринка круче. Теперь не будут знать, куда себя деть.

Вполне вероятно. Вся моя жизнь вращалась вокруг борьбы, а мороев раздирали внутренние раздоры — в основном это касалось королевских семей и аристократов. Они сражались друг с другом с помощью слов и политических союзов, и, по правде говоря, я предпочитала более прямой метод нанесения ударов. Лиссе и Кристиану в особенности приходилось плавать в очень беспокойных водах. Оба они были из королевских семей, что привлекало к ним внимание и внутри Академии, и за ее стенами.

Для них ситуация обстояла даже хуже, чем для большинства членов моройских королевских семей. На семью Кристиана густую тень отбрасывало то, что сделали его родители, которые сознательно стали стригоями, обменяв магию и нравственные законы на бессмертие и существование за счет убийства других. Сейчас его родители были мертвы, но люди по-прежнему не доверяли ему. Казалось, они думали, будто он в любой момент может стать стригоем и увлечь за собой тех, кто сто окружает. Его колкости и мрачное чувство юмора не способствовали улучшению ситуации.

Внимание к Лиссе объяснялось в большой степени тем, что она осталась единственной представительницей своей семьи. Среди мороев не было больше ни одного, в ком хватало бы крови Драгомиров, чтобы носить эту фамилию. Где-то на генеалогическом древе ее будущего мужа обязательно должны присутствовать Драгомиры, пусть даже в качестве дальних родственников, только в этом случае ее дети будут считаться бесспорными Драгомирами. Пока же она стала знаменитостью именно как единственная представительница своего рода. Эти мысли внезапно заставили меня вспомнить о надписи на зеркале, и к горлу подкатила тошнота. Снова зашевелились гнев и отчаяние, но я решила отмахнуться от них с помощью шутки.

— Вам, ребята, нужно учиться решать свои проблемы, как мы. При случае немного помахать кулаками — это и вам, королевским особам, не помешает.

Лисса и Кристиан рассмеялись. Он посмотрел на нее с лукавой улыбкой.

— Спорю, я одолею тебя, если мы сойдемся один на один.

— Ты бы этого хотел, да? — поддразнила она его.

Тревога Лиссы начала рассеиваться.

— А то, — сказал он, не отрывая от нее взгляда.

В его голосе прозвучали такие откровенно чувственные нотки, что сердце Лиссы заколотилось чаще. Меня обожгла ревность. Мы с ней были лучшими подругами всю свою жизнь. Я могла читать ее мысли. Но факт остается фактом: теперь Кристиан играл в ее жизни огромную роль, причем такую, какую я никогда не получу, — точно так же, как он оставался в стороне от существующей между нами связи. Мы оба мирились с тем — хотя и не были в восторге от ситуации, — что ее внимание распределено между нами, и временами казалось, перемирие, которое мы сохраняем ради нее, не прочнее бумаги.

Лисса провела рукой по его щеке.

— Будь паинькой.

— Я стараюсь, — все еще слегка охрипшим голосом ответил он. — Временами. Но временами ты и сама не хочешь, чтобы я...

Я застонала и встала.

— Господи, по-моему, мне пора оставить вас наедине.

Лисса оторвала взгляд от Кристиана, внезапно у нее сделался смущенный вид.

— Извини. — Ее щеки приобрели нежно-розовую окраску, это необыкновенно ей шло — учитывая, что обычно она выглядела бледной, как все морои. Хотя она всегда смотрелась очень даже неплохо. — Тебе вовсе не нужно уходить...

— Нет, я просто с ног валюсь, — заверила я ее, тем более что Кристиана мой уход явно не слишком огорчал. — Увидимся утром.

Я двинулась к выходу, но Лисса окликнула меня:

— Роза? Ты... Ты уверена, что с тобой все в порядке? После всего?

Я посмотрела в ее зеленые глаза. Ее беспокойство было столь сильным и глубоким, что у меня заныло сердце. Может, ближе меня у нее и нет никого в мире, но я не хочу, чтобы она тревожилась из-за меня. Это моя работа — защищать ее, а не ее — защищать меня, и нечего ей по этому поводу париться. В особенности если стригои внезапно решили выкорчевать все королевские семьи. Я улыбнулась ей самой ослепительной улыбкой, на какую была способна.

— Я в порядке. Меня беспокоит лишь, чтобы вы, ребята, не начали срывать друг с друга одежду еще до того, как я уйду.

— Тогда тебе лучше поторопиться, — сухо заметил Кристиан.

Она подтолкнула его локтем, и он закатил глаза.

— Доброй ночи, — пожелала я.

Едва я повернулась спиной к ним, моя улыбка погасла. Я шла к себе с тяжелым сердцем, от всей души надеясь, что Бадика не явятся мне в ночном кошмаре.

ТРИ

Вестибюль моего спального корпуса гудел от скопления народа, когда я мчалась вниз по лестнице перед началом уроков на тренировку. Суматоха не удивляла меня. Добрый ночной сон отчасти смыл жуткие образы вчерашнего дня, но, без сомнения, ни я, ни мои школьные товарищи не забудем то, что произошло неподалеку от города Биллингса. И все же, вглядываясь в лица других новичков, я заметила нечто странное. Страх, напряженность — все это по-прежнему присутствовало, но появилось и кое-что новенькое: возбуждение. Две первокурсницы почти визжали от радости, хриплым шепотом обсуждая что-то. Неподалеку от них собравшиеся группой парни моего возраста, разговаривая, яростно жестикулировали, а на их лицах расплывались полные энтузиазма улыбки.

Наверное, я что-то пропустила — если только случившееся вчера не было сном. Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не подойти к кому-нибудь и не спросить, что происходит. Если я задержусь, то опоздаю на тренировку. Тем не менее я сгорала от любопытства. Может, стригоев и их помощников-людей нашли и убили? Это, без сомнения, было бы замечательной новостью, но мне в такой исход не верилось. Открывая наружную дверь, я сокрушалась, что теперь придется ждать до завтрака.

— Хэзевей, ножки пожалей, — почти пропел голос у меня за спиной.

Я оглянулась и улыбнулась. Меня догонял Мейсон Эшфорд, тоже новичок и мой добрый друг.

— Что-то я забыла — тебе двенадцать уже исполнилось?

— Почти. Я не видел вчера твое улыбающееся лицо, — продолжал он, шагая рядом со мной в сторону гимнастического зала. — Куда ты подевалась?

По-видимому, о том, что я была в доме Вадика, пока еще мало кто знал. Я не собиралась делать из этого тайну, но мне не хотелось обсуждать чудовищные детали бойни.

— Тренировалась с Дмитрием.

— Господи! — пробормотал Мейсон. — Парень заставляет тебя постоянно вкалывать. Он не понимает, что лишает нас твоей красоты и очарования?

— Красота и очарование? — Я засмеялась. — Тебе не кажется, что ты немного перебарщиваешь?

— Эй, я просто говорю как есть. На самом деле тебе повезло, такой

обходительный и яркий парень, как я, уделяет тебе столько внимания.

Я продолжала улыбаться. Мейсон силен по части флирта, и в особенности ему нравится флиртовать со мной. Отчасти мне и самой это нравится, и я никогда за словом в карман не лезу. Однако я знала, он питает ко мне более чем дружеские чувства, и все никак не могла разобраться в собственном отношении к нему. Мы оба обладали хорошим чувством юмора и часто привлекали к себе внимание в классе и в компании. У него были чудесные голубые глаза и спутанные рыжие волосы, которые, казалось, никогда не удавалось пригладить. Ему это очень шло. Однако начать встречаться с кем-то еще я пока не могла, поскольку я не забыла тех моментов, когда, полуобнаженная, лежала в постели с Дмитрием.

— Обходительный и яркий, ха! — Я покачала головой. — Думаю, ты уделяешь мне меньше внимания, чем своему эго. Неплохо бы слегка сбить с тебя спесь.

— О, неужели? Ну, может, попытаться сделать это на склонах.

Я остановилась.

— Что?

— На склонах. — Он наклонил голову. — Ну, на лыжне.

— На какой такой лыжне? По-видимому, я пропустила что-то серьезное.

— Где ты была нынче утром? — спросил он, глядя на меня с таким выражением, словно я не в своем уме.

— В постели! Я поднялась всего минут пять назад. Теперь давай-ка с самого начала и объясни, о чем ты толкуешь. — Я вздрогнула, начав замерзать. — И пошли.

— Ну, тебе известно, как все теперь боятся забирать детей домой на Рождество? В Айдахо есть огромная лыжная база, где обычно отдыхают только члены королевских семей и богатые морои. Люди, которым она принадлежит, готовы предоставить ее студентам Академии, их родственникам и любому другому морю, который пожелает. Все соберутся в одном месте и, конечно, с целым сонмом стражей. Абсолютно безопасное место.

— Ты серьезно?

Мы добрались до гимнастического зала и, спасаясь от холода, вошли внутрь. Мейсон энергично закивал.

— Правда-правда. Говорят, там изумительно. — Он улыбнулся — такой улыбкой, что я, как обычно, не смогла не ответить ему тем же. — Мы будем жить по-королевски, Роза. По крайней мере, неделю или около того. Отбываем сразу после Рождества.

Я замерла, взволнованная и ошеломленная. Чего-чего, а этого я никак не ожидала. Блестящая идея, которая позволит родственникам встретиться, не подвергая себя опасности. И в каком месте! На королевской лыжной базе. Я рассчитывала провести большую часть каникул, слоняясь по Академии и пялясь в ТВ с Лиссой и Кристианом, а теперь, оказывается, смогу пожить в условиях пятизвездочного отеля. Омары на обед. Массаж. Симпатичные лыжные инструкторы... Энтузиазм Мейсона оказался заразителен. Я чувствовала, как волна радостного возбуждения поднимается во мне, но...

Он смотрел мне в лицо и, конечно, заметил перемену.

— Что такое? Это же круто.

— Круто, — согласилась я. — И мне понятно, почему все в таком восторге. Однако вспомни, почему мы окажемся в этом фантастическом месте? Потому что погибли люди. В смысле, разве не дикость?

Жизнерадостность Мейсона тоже немного пошла на убыль.

— Да, но мы-то живы, Роза. Жизнь не останавливается, когда кто-нибудь умирает. И мы должны сделать все, чтобы и другие не погибли. Вот почему идея настолько хороша. Там безопасно. — Глаза у него снова засверкали. — Господи, я жду не дождусь, когда начну наконец по-настоящему работать. Когда я услышал, что произошло, мне хотелось одного — разорвать на части какого-нибудь стригоя. Жаль, нам не разрешают делать это уже сейчас. Почему, спрашивается? У них были помощники, а чем мы хуже? Мы уже обучены всему, что необходимо.

Возмущение в его голосе напомнило мне собственную вчерашнюю вспышку, хотя он разошелся не до такой степени, как я. Его жажда действий выглядела импульсивной и наивной, а мою породила странная, мрачная иррациональность, природу которой я до конца не понимала.

Видя, что я молчу, Мейсон удивленно посмотрел на меня.

— Ты разве не хочешь того же?

— Не знаю, Мейс. — Избегая его взгляда, я уставилась на носки собственных туфель. — В смысле, я не хочу, чтобы где-то расхаживали стригои, нападая на людей. И я хотела бы остановить их... теоретически... но... Знаешь, нам до готовности еще ой как далеко. Я видела, на что они способны. В общем, не знаю. Вот так с ходу взять и ввязаться в борьбу... Нет, это не решение проблемы. — Я покачала головой.

Боже мой! Я рассуждала так логично, осмотрительно, я рассуждала, как Дмитрий.

— Ладно, не важно, поскольку ничего такого все равно не произойдет. Полагаю, нужно просто радоваться поездке.

Настроение Мейсона тут же снова улучшилось.

— Ага! И лучше постарайся вспомнить, как кататься на лыжах, потому что я призываю тебя там обломать рога моему эго. Хотя и не верю в твои силы.

Я снова улыбнулась.

— Парень, будет грустно, когда я заставлю тебя расплакаться. Меня уже гложет чувство вины.

Он открыл рот, без сомнения для очередного самоуверенного высказывания, но потом заметил что-то — или кого-то — у меня за спиной. Я огля-и]улась и увидела высокую фигуру Дмитрия, приближающегося к нам с другой стороны гимнастического зала.

Мейсон отвесил галантный поклон.

— Твой господин и повелитель. Найди меня позже, Хэзевей. И начинай разрабатывать свою лыжную стратегию.

Он открыл дверь и исчез в холодной мгле. Я развернулась и подошла к Дмитрию. Как и другое новички дампирь, я тратила половину своего школьного дня на обучение делу стража, будь то физические поединки или изучение повадок стригоев и способов защиты от них. Новички иногда практиковались и после занятий. Я, однако, находилась в уникальной ситуации. Я по-прежнему считала, что мы поступили правильно, сбежав из Святого Владимира. Виктор Дашков представлял собой слишком большую угрозу для Лиссы. Однако наши затянувшиеся каникулы имели определенные последствия. Я отсутствовала два года и, естественно, пропустила множество занятий, поэтому школьное начальство решило, что я должна восполнить этот пробел с помощью дополнительных тренировок как до, так и после школы. С Дмитрием.

Они, конечно, понятия не имели, что одновременно я учусь преодолевать искушение. Однако, без учета моего влечения к нему, училась я быстро и уже почти нагнала других старшеклассников. Поскольку Дмитрий был без пальто, я поняла, мы будем работать в помещении — и порадовалась этому. Снаружи сегодня по-настоящему холодно. Однако эта моя радость оказалась несравнима с той, какую я почувствовала, увидев, что он подготовил в одной из тренировочных комнат.

У дальней стены стояли манекены, выглядевшие поразительно живыми. Не набитые соломой джутовые мешки, отнюдь нет. Там были мужчины и женщины в обычной одежде, с резиновой кожей, волосами и глазами разного цвета. Выражение их лиц тоже различалось — у одних довольное, у других испуганное или сердитое. Мне уже приходилось упражняться с этими манекенами, отрабатывая удары. Но я никогда не

работала с ними с помощью того, что сейчас держал в руке Дмитрий: серебряного кола.

— Красивый... — с придыханием сказала я. Он был идентичен тому, что я нашла в доме

Вадика, и в нижней части имел рукоятку, почти как у кинжала, но без маленьких боковых украшений. На этом сходство с кинжалом заканчивается. Кол имеет не плоское лезвие, а толстую, округлую центральную часть в виде сужающегося к кончику стержня — типа сосульки. Он короче моего предплечья.

Дмитрий небрежно прислонился к стене — попа, которая всегда замечательно ему удавалась, несмотря на рост почти шесть-семь.^[1] Одной рукой он подбросил кол в воздух, тот пару раз перевернулся и полетел вниз. Дмитрий подхватил его за рукоятку.

— Пожалуйста, скажи, что сегодня я буду работать с ним, — взмолилась я.

В темной глубине его глаз вспыхнули веселые искорки. Думаю, иногда ему бывало нелегко сохранять рядом со мной суровость.

— Считай, это удача, если сегодня я дам тебе хотя бы поддержать его, — заявил он и снова подбросил кол.

Следя за колом жаждущим взглядом, я хотела сказать, что уже держала один в руках, но понимала, такая логическая цепочка никуда меня не приведет. Вместо этого я бросила рюкзак на пол, скинула пальто и с видом терпеливого ожидания скрестила на груди руки. На мне были свободные, завязанные на талии штаны и безрукавка с капюшоном; темные волосы крепко стянуты в «конский хвост». Я была готова ко всему.

— Хочешь, чтобы я рассказала, как они устроены и почему я всегда должна быть осторожна с ними? — спросила я.

Дмитрий перестал подбрасывать кол и посмотрел на меня.

— Перестань! — Я засмеялась. — Неужели ты думаешь, что к этому времени я уже не поняла, как ты работаешь? Мы же занимаемся почти три месяца. Ты всегда заставляешь меня рассуждать о безопасности и ответственности, прежде чем мы приступим к чему-то интересному.

— Понимаю. Ну, по-моему, ты все верно вычислила. Тем временем продолжим урок. Я просто подожду, пока снова потребуется мое участие.

Он сунул кол в свисающие с пояса ножны и удобно прислонился к стене, засунув руки в карманы. Я ждала, думая, что он шутит, но он молчал, и до меня дошло значение его слов. Я пожала плечами и начала говорить:

— Серебро, если в него вложено достаточно силы, всегда оказывает мощное воздействие на любое магическое создание — либо помогает, либо

вредит. Эти колья очень могущественны, потому что изготовлены четырьмя морями, использующими все стихии в процессековки. — Внезапно мне в голову пришла одна мысль. — Ну, за исключением духа. Поэтому такой кол заряжен... под завязку. И хотя с его помощью отрубить голову стригую нельзя, он может убить его, если пронзить сердце.

— А тебе он может повредить? Я покачала головой.

— Нет. В смысле... да, если пронзить сердце, но в иных обстоятельствах он не может причинить мне такой вред, как морю. Поцарапай моря таким колом, он получит сильный удар — однако не такой сильный, как стригой. Людям они тоже не могут причинить вреда.

Я остановилась и рассеянно перевела взгляд на окно за спиной Дмитрия. Изморозь искрящимся кристаллическим узором покрывала стекло, но я ее практически не замечала. Упоминание о людях в контексте колов напомнило мне о доме семьи Бадика. В сознании снова вспыхнули картины крови и смерти.

Увидев, что Дмитрий наблюдает за мной, я выбросила эти мысли из головы и продолжила урок. Время от времени Дмитрий кивал или задавал уточняющие вопросы. Время шло, я все ждала и ждала, когда он наконец велит мне заканчивать и можно будет перейти к работе с манекенами. Однако до конца занятия оставалось всего десять минут, когда он подвел меня к одному из них — мужчине со светлыми волосами и эспаньолкой. Дмитрий достал кол из ножен, но мне его не отдал.

— Куда нужно вонзить его? — спросил он.

— В сердце, — раздраженно ответила я. — Я уже сто раз отвечала на этот вопрос. Могу я наконец взять кол в руки?

На его губах мелькнула улыбка.

— А где оно, сердце?

Я удивленно посмотрела на него, как бы спрашивая: «Ты это всерьез?» В ответ он лишь пожал плечами. Преувеличенно мелодраматическим жестом я ткнула в левую сторону груди манекена. Дмитрий покачал головой.

— Нет, сердце не там, — сказал он.

— Конечно там! Люди прикладывают руку к сердцу, когда приносят клятву верности или поют национальный гимн.

Он продолжал молча смотреть на меня. Я повернулась к манекену и внимательно оглядела его. Где-то в глубине сознания зашевелилось воспоминание об обучающем плакате, изображающем, как нужно держать руки, когда наносишь удар колом. Я похлопала по центру груди манекена.

— Здесь?

Он дугой выгнул бровь. Обычно я от этого балдею, но сейчас испытала лишь раздражение.

— Не знаю, — ответил он. — Здесь?

— Я тебя об этом и спрашиваю!

— Ты не должна меня спрашивать. Вы что, не изучаете физиологию?

— Изучаем. На предпоследнем курсе. Но у меня были «каникулы», помнишь? — Я кивнула на блестящий кол. — Пожалуйста, можно мне хотя бы дотронуться до него?

Он снова подбросил кол, ярко вспыхнувший в свете ламп, и убрал его в ножны.

— Я хочу, чтобы на следующем занятии ты показала мне, где находится сердце. Точно. И еще я хочу знать, что препятствует добраться до него.

Я бросила на него самый яростный взгляд, на который оказалась способна, для чего, судя по выражению его лица, у меня не было никаких оснований. В девяти из десяти случаев я воспринимала Дмитрия как самого сексапильного мужчину на свете, но бывали и особые случаи...

Затем я отбыла на урок рукопашного боя, в самом скверном настроении. Мне не нравится выглядеть некомпетентной в глазах Дмитрия, и я очень, ну просто очень хотела поработать с колом. Поэтому на тренировке я изливала свое раздражение, во все стороны раздавая тумаки руками и ногами. К концу занятия уже никто не хотел и ждала, когда он наконец велит мне заканчивать и можно будет перейти к работе с манекенами. Однако до конца занятия оставалось всего десять минут, когда он подвел меня к одному из них — мужчине со светлыми волосами и эспаньолкой. Дмитрий достал кол из ножен, но мне его не отдал.

— Куда нужно вонзить его? — спросил он.

— В сердце, — раздраженно ответила я. — Я уже сто раз отвечала на этот вопрос. Могу я наконец взять кол в руки?

На его губах мелькнула улыбка.

— А где оно, сердце?

Я удивленно посмотрела на него, как бы спрашивая: «Ты это всерьез?» В ответ он лишь пожал плечами. Преувеличенно мелодраматическим жестом я ткнула в левую сторону груди манекена. Дмитрий покачал головой.

— Нет, сердце не там, — сказал он.

— Конечно там! Люди прикладывают руку к сердцу, когда приносят клятву верности или поют национальный гимн.

Он продолжал молча смотреть на меня. Я повернулась к манекену и

внимательно оглядела его. Где-то в глубине сознания зашевелилось воспоминание об обучающем плакате, изображающем, как нужно держать руки, когда наносишь удар колом. Я похлопала по центру груди манекена.

— Здесь?

Он дугой выгнул бровь. Обычно я от этого балдею, но сейчас испытала лишь раздражение.

— Не знаю, — ответил он. — Здесь?

— Я тебя об этом и спрашиваю!

— Ты не должна меня спрашивать. Вы что, не изучаете физиологию?

— Изучаем. На предпоследнем курсе. Но у меня были «каникулы», помнишь? — Я кивнула на блестящий кол. — Пожалуйста, можно мне хотя бы дотронуться до него?

Он снова подбросил кол, ярко вспыхнувший в свете ламп, и убрал его в ножны.

— Я хочу, чтобы на следующем занятии ты показала мне, где находится сердце. Точно. И еще я хочу знать, что препятствует добраться до него.

Я бросила на него самый яростный взгляд, на который оказалась способна, для чего, судя по выражению его лица, у меня не было никаких оснований. В девяти из десяти случаев я воспринимала Дмитрия как самого сексапильного мужчину на свете, но бывали и особые случаи...

Затем я отбыла на урок рукопашного боя, в самом скверном настроении. Мне не нравится выглядеть некомпетентной в глазах Дмитрия, и я очень, ну просто очень хотела поработать с колом. Поэтому на тренировке я изливала свое раздражение, во все стороны раздавая тумаки руками и ногами. К концу занятия уже никто не хотел драться со мной. Ненароком я так сильно ударила Мередит — одну из немногих девочек в моем классе, — что она почувствовала удар даже сквозь наколенник. Ясное дело, вскоре на этом месте у нее появится безобразный синяк; она смотрела на меня с таким видом, будто я сделала это нарочно. Я извинилась, но без толку. Позже Мейсон снова нашел меня.

— О господи! — сказал он, вглядываясь в мое лицо. — Кто же это тебя так приложил?

Я изложила ему историю с серебряным колом и поисками расположения сердца. К еще большему моему раздражению, он рассмеялся.

— Как это ты не знаешь, где находится сердце? В особенности, учитывая, сколько ты их разбила?

Я бросила на него такой же яростный взгляд, что и на Дмитрия. На

этот раз он сработал. Мейсон побледнел.

— Беликов отвратительный, злобный человек, и его нужно бросить в яму с бешеными гадюками за то ужасное оскорбление, которое он нанес тебе сегодня.

— Спасибо, — поджав губы, сказала я и... задумалась: — Могут ли гадюки быть бешеными?

— Не вижу причин, почему бы и нет. Все могут, так мне кажется. — Он открыл для меня дверь в коридор. — Хотя... канадские гуси могут быть хуже гадюк.

— Канадские гуси смертоноснее гадюк?

— Ты когда-нибудь пробовала кормить этих маленьких поганцев? — Он пытался говорить серьезно, но у него ничего не получалось. — Они жуткие злые. Если бросить тебя гадюкам, ты умрешь быстро. Но гуси? Это может затянуться на несколько дней. Гораздо мучительнее.

— Здорово! Прямо не знаю, что мне делать — удивляться или дрожать от страха, слушая тебя.

— Просто пытаюсь предложить творческий подход к тому, как постоять за свою честь, вот и нее.

— Ты никогда не производил на меня впечатления творческой личности, Мейс.

Мы стояли рядом с нашей классной комнатой. Выражение лица Мейсона было легкомысленное и шутливое, однако, когда он заговорил, в его голосе определенно зазвучали двусмысленные нотки.

— Роза, когда я рядом с тобой, во мне всегда пробуждается творческое начало.

Я все еще хихикала по поводу гадюк, но тут резко оборвала себя и удивленно посмотрела на него. Я всегда считала Мейсона симпатичным, но с этим серьезным, жаждущим выражением в глазах он впервые показался мне по-настоящему сексуальным.

— Ох, вы только гляньте! — смеялся он, застав меня врасплох. — Роза, потерявшая дар речи. Эшфорд — Хэзевей, один-ноль.

— Эй, я просто не хочу, чтобы ты начал лить слезы еще до поездки. Это не забавно — если я сломаю тебя до того, как мы окажемся на лыжной трассе.

Он засмеялся, и мы вошли в класс. Начался: урок теории, посвященный работе телохранителя, и проходил он в обычном классе, а не на учебном плацу. Хотя немного отдохнем от всех этизё физических упражнений. Сегодня здесь были три стража не из подразделения школы. Приехали на каникулы, осознала я. Родители со своими стражами уже

начали съезжаться в кампус, чтобы сопроводить детей на лыжную базу. Мое любопытство мгновенно проснулось.

Один из гостей оказался очень высоким и выглядел лет на сто, но, похоже, все еще мог постоять и за себя, и за других. Второй был примерно возраста Дмитрия, с очень темной кожей и так прекрасно сложен, что некоторые девушки в классе, похоже, готовы были потерять голову. Третьим стражем оказалась женщина. Вьющиеся темно-рыжие волосы коротко острижены, карие глаза задумчиво сощурены. Как я уже говорила, многие женщины-дампирь предпочитают растить детей, а не идти по тропе стражей. Поскольку я сама была одной из немногих женщин в нашей профессии, для меня всегда волнующе — встретить других таких же. Вроде Тамары.

Только это была не Тамара. Это был кто-то, кого я знала на протяжении многих лет, кто вызывал у меня любые чувства, кроме гордости и восхищения. Вместо этого я испытывала негодование. Негодование, злость и жгучий гнев. Женщина, стоящая перед учениками, была моя мать.

ЧЕТЫРЕ

Я глазам своим не верила. Джанин Хэзевей. Моя мать. Моя безумно знаменитая и постоянно отсутствующая мать. Она, конечно, не Артур Щунберг, но в мире стражей имела выдающуюся репутацию. Я не видела ее годами, она всегда пропадала где-то, выполняя очередную безумную миссию. И тем не менее... сейчас она здесь, в Академии... прямо передо мной... и даже не потрудилась предупредить меня о своем приезде. Вот уж поистине материнская любовь. Какого черта она здесь делает? Ответ пришел быстро. Все морои прибыли в кампус в сопровождении своих стражей. Мать защищала аристократа из клана Селски, и некоторые члены этой семьи уже приехали в связи с каникулами. Конечно, она здесь с ним.

Я уселась на свое место, чувствуя, как внутри что-то съеживается, стараясь казаться незаметным. Я знала, она наверняка заметила мое появление — хотя ее внимание было сосредоточено на чем угодно, только не на мне. На ней были джинсы и серовато-желтая футболка, а поверх куртка из грубой хлопчатобумажной ткани; скучнее наряда мне в жизни видеть не приходилось. Ростом всего пять футов, она казалась миниатюрной рядом с другими стражами, но осанка и то, как она стояла, заставляли ее казаться выше.

Наш инструктор Стэн представил гостей и заявил, что они пришли поделиться с нами своим опытом.

— Я знаю, это необычно. У приезжающих с визитом стражей, как правило, нет времени заглянуть в учебные классы. Наши три гостя, однако, сочли важным поговорить с вами в свете случившихся событий... — Стэн помолчал.

Все поняли, что он имел в виду. Нападение на семью Бадика. Он прочистил горло и продолжил:

— Мы пришли к выводу, что этот разговор поможет вам лучше подготовиться к работе в полевых условиях.

Класс взволнованно замер. Слушать рассказы — в особенности тех, кто прошел через кровь и реальную борьбу, — интереснее, чем изучать теорию по учебнику. По-видимому, некоторые стражи придерживались того же мнения. Они часто заглядывают на наши уроки, но сегодня их заметно больше обычного. Позади стоял Дмитрий.

Пожилой мужчина начал первым. Его история захватила меня. Он описывал случай, когда младший сын семьи, которую он охранял,

заблудился в общественном месте, куда прокрались стригои.

— Солнце клонилось к закату. — Он сделал руками движение сверху вниз, по-видимому демонстрируя заход солнца. — Нас было всего двое, и следовало быстро принять решение, как действовать дальше.

Опершись локтями о стол, я наклонилась вперед. Стражи часто работают парами. Один — так называемый ближний — держится около охраняемых, а другой — дальний — разведывает обстановку. Дальний обычно должен оставаться на расстоянии прямой видимости, поэтому я сразу поняла, в чем состояла дилемма. Я решила, что в подобной ситуации действовала бы так: ближний страж отвел бы остальных членов семьи в безопасное место, а второй отправился бы на поиски мальчика.

— Семья оставалась в ресторане с моим партнером, а я осматривал все вокруг, — продолжал старый страж, широко раскинув руки, и я почувствовала удовлетворение оттого, что угадала.

История окончилась хорошо, парнишку нашли, столкновения со стригоями удалось избежать.

Второй парень рассказал, как он случайно наткнулся на стригоя, скрытно преследующего некоего моря.

— В тот момент я даже не находился на дежурстве. — Парень был по-настоящему привлекательный, и сидящая рядом со мной девушка смотрела на него восхищенным взглядом широко распахнутых глаз. — Я отправился в гости к другу и к семье, которую тот охранял. И вот, уходя от них, я заметил затаившегося в тени стригоя. Я описал круг, зашел ему за спину и...

Он сделал колющее движение — более драматическое, чем жесты старого стража. Он даже продемонстрировал, как поворачивал кол в сердце стригоя. Потом настала очередь моей матери. Не успела она произнести первое слово, как я сердито нахмурилась, и эта хмурость лишь возросла, когда она начала историю. Клянусь, если бы я не думала, что у нее просто не хватит воображения выдумать все — а ее выбор одежды доказывал полное отсутствие воображения, — я решила бы, что она лжет. Это был не просто рассказ, подлинная эпопея — вроде тех, за которые в кино получают Оскара.

Она рассказывала, как ее подопечный лорд Селски и его жена присутствовали на балу, организованном другой известной королевской семьей. Несколько стригоев залегли в ожидании. Мать обнаружила одного, быстро проткнула его колом и подняла тревогу. С помощью других стражей она нашла остальных затаившихся стригоев и большинство из них прикончила сама.

— Это было нелегко, — рассказывала она.

Из уст кого-нибудь другого это прозвучало бы как бахвальство, но от нее... нет. Она говорила отрывисто, кратко, просто излагала факты, не оставляя места для преувеличений. Она выросла в Глазго, в ее речи по-прежнему ощущалась шотландская напевность.

— В помещении их было еще трое. По тем временам три стригоя, действующих вместе, — целая банда. Сейчас такого не скажешь — учитывая резню в семействе Бадика. — Некоторые вздрогнули, услышав небрежное упоминание о трагедии, а перед моим внутренним взором вновь возникли несчастные жертвы. — Мы собирались уничтожить оставшихся стригоев как можно быстрее и тише — чтобы каждый из них не успел предупредить других. Теперь, если фактор неожиданности на вашей стороне, лучший способ прикончить стригоя — это обойти его сзади, сломать шею и проткнуть колом. Когда ломаешь ему шею, это, конечно, не убивает, но ошеломляет и позволяет проткнуть его колом до того, как он успеет поднять шум. Самое трудное — проскользнуть ему за спину, ведь у них потрясающе острый слух. Поскольку я миниатюрнее и легче большинства стражей, я могу передвигаться совсем тихо. Поэтому двух из трех оставшихся прикончила сама.

Она и свои убийственные навыки описывала сухим, прозаическим тоном. Лица одноклассников, однако, светились изумлением, их явно гораздо больше заинтересовала сама история, чем манеры моей матери. Она продолжала рассказ. Когда она и другие стражи убили оставшихся стригоев, выяснилось, что два мороя исчезли. Такое поведение считалось необычным для стригоев. Иногда они приберегали мороя, надеясь «полакомиться» им позже. Порой стригоя низкого ранга посылали за жертвой. Как бы то ни было, два мороя исчезли, а их стражи оказались тяжело ранены.

— Естественно, мы не могли оставить мороев в когтях стригоев, — продолжала мать. — Мы проследили стригоев до самого их убежища и выяснили, что они живут вместе. Уверена, вы понимаете, какая это большая редкость. Злобная, эгоистичная натура стригоев вынуждает набрасываться друг на друга с такой же легкостью, как на жертв. Организовать нападение, выбрав цель, — лучшее, на что они способны. Но жить вместе? Нет. Подобное даже представить себе невозможно.

— Мы сумели освободить двух заложников и тут выяснили: в плену держат и других, — рассказывала моя мать. — Отпустить спасенных мороев, чтобы добирались домой самостоятельно, мы не могли, поэтому стражи отправились с ними, а меня оставили разбираться с остальными.

«Да, конечно», — подумала я. Моя мать храбро ринулась в бой в одиночку. Ее схватили, но она сумела сбежать и спасти пленников. При том она совершила хет-трик^[2] столетия, убив стригоев всеми тремя способами: проткнула колом, обезглавила и спалила огнем.

— Я только что проткнула одного стригоя колом, когда на меня напали двое других, — объясняла она. — У меня не было времени выдернуть кол. По счастью, рядом находился открытый камин, и я толкнула одного стригоя в огонь. Последний догнал меня снаружи, в старом сарае. Там внутри нашелся топор, им я и отрубила ему голову. Потом взяла канистру с бензином и вернулась в дом. Тот, кого я толкнула в камин, сгорел не полностью. Я плеснула на него бензином, и вскоре все было кончено.

Класс внимал ей с благоговейным ужасом. Рты открыты. Глаза вытаращены. Ни звука. Я оглянулась; возникло ощущение, будто время остановилось для всех, кроме меня. Видимо, я была единственной, на кого душераздирающий рассказ не произвел впечатления, и выражение благоговения на всех лицах разозлило меня. Когда она закончила, вверх взлетело множество рук — класс засыпал ее вопросами о технических приемах, о том, боялась ли она, и так далее. После вопросов десяти мое терпение иссякло. Я подняла руку. Прошло какое-то время, прежде чем она заметила ее и назвала меня. Сильно удивленной моим присутствием в классе она не выглядела. Я подумала: мне здорово повезло, если она вообще узнала меня.

— Страж Хэзевей, — начала я. — Почему вы просто в самом начале не обезопасили помещение?

Она нахмурилась. Я подумала, что она в какой-то мере утратила свою бдительность, вызывая меня.

— О чем ты?

Я пожала плечами и снова плюхнулась на парту, попытавшись придать себе непринужденный вид.

— Ну, не знаю. У меня возникло чувство, будто вы напортачили. Почему было не обыскать тщательно все помещение и не удостовериться, что там нет стригоев? По-моему, вы избавили бы себя от многих неприятностей.

Все взгляды обратились на меня. На мгновение мать утратила дар речи.

— Если бы мы не прошли через все эти «неприятности», по миру расхаживали бы еще семь стригоев и те два плененных мороя были бы мертвы или обращены.

— Да-да, я понимаю, вы спасли положение и все такое, но я говорю о

принципах. В смысле, это же урок теории, верно?

Я глянула на Стэна, сверлившего меня яростным взглядом. У нас с ним была долгая, не слишком приятная история столкновений в классе, и я сильно подозревала, что сейчас мы оказались на грани очередной схватки.

— Просто хочу понять, что пошло не так в самом начале, — настаивала я.

Нужно отдать должное моей матери — она несравненно лучше владела собой, чем я. Если бы мы с ней поменялись ролями, я подошла бы и хорошенько шлепнула дерзкую девчонку. Ее же лицо сохраняло полнейшее спокойствие, и только напряженность губ свидетельствовала о том, что я ее достала.

— Не все так просто, — ответила она. — Здание имело сложную планировку. Еще до начала мы прошли по нему и никого не обнаружили. По-видимому, стригои проникли туда после того, как празднество началось, — или там имелись скрытые переходы и комнаты, о которых мы не знали.

Идея скрытых переходов заставила класс заохать и заахать, но я по-прежнему не была удовлетворена.

— Выходит, сказанное вами означает следующее: либо вы проглядели их во время первого осмотра, либо ваша охрана была на таком уровне, что они смогли обойти ее во время празднества. И так и эдак кто-то из вас облажался, что ни говори.

Она еще плотнее поджала губы, в голосе отчетливо зазвучала холодность.

— Мы оказались в экстремальной ситуации и сделали лучшее, что могли. Вполне допускаю, человек твоего уровня не способен уловить всю сложность описанной ситуации, но попытайся выйти за пределы теоретических рассуждений и поймешь, как трудно в реальности, да еще когда от тебя зависит жизнь множества других.

— Не сомневаюсь, — согласилась я. — Кто я такая, чтобы подвергать сомнению ваши методы? В смысле, все, что угодно, лишь бы получить еще один знак молнии, верно?

— Мисс Хэзевей, — низкий голос Стэна пророкотал по притихшей комнате, — пожалуйста, возьми свои вещи и оставшуюся часть урока подожди снаружи.

Я недоуменно уставилась на него.

— Вы серьезно? С каких пор плохо — задавать вопросы?

— Твоя позиция — вот что плохо. — Он указал на дверь. — Уходи.

Наступившая тишина была тяжелее и глубже, чем во время рассказа

матери. Я изо всех сил старалась не съеживаться под взглядами новичков и стражей. Это не первый случай, когда Стэн выставял меня из класса. Это даже не первый случай, когда Стэн выставял меня из класса на глазах у Дмитрия. Повесив рюкзак на плечо, я прошла короткое расстояние до двери — расстояние, которое казалось длиной в тысячу миль, — и дальше, мимо матери, избегая ее взгляда.

Примерно за пять минут до конца урока она вышла из класса и направилась прямо туда, где я сидела в коридоре. Глядя на меня сверху вниз, она уперла руки в боки — та вызывающая раздражение поза, которая заставляла ее казаться выше. Для того, кто на полфута ниже ее, это было нечестно — заставлять меня чувствовать себя такой маленькой.

— Ну, как я понимаю, твои манеры с годами не улучшились.

Я встала, чувствуя, что мне все-таки удалось вывести ее из себя.

— Я тоже рада тебя видеть. Просто удивительно, как ты вообще узнала меня. Фактически я думала, ты даже не помнишь о моем существовании, учитывая, что ты не потрудилась сообщить мне о своем приезде.

Теперь она скрестила руки на груди, став еще более невозмутимой.

— Я не могла пренебрегать своим долгом и нянчиться с тобой.

— Нянчиться? — переспросила я.

Эта женщина в жизни не нянчила меня. Удивительно, что она вообще знала это слово.

— Трудно рассчитывать на твое понимание. По дошедшим до меня слухам, ты плохо представляешь себе, что такое долг.

— Я точно знаю, что это такое, — возразила я намеренно высокомерно. — Лучше многих людей.

Ее глаза расширились в притворном удивлении. Я не раз видела подобное саркастическое выражение на лицах людей и отнюдь не радовалась, когда оно оказывалось направленным на меня.

— Ох, правда? Где ты провела последние два года?

— А где ты провела последние пять? Ты бы в жизни не узнала, что я сбежала, если бы тебе случайно не сообщили об этом.

— Не сваливай с больной головы на здоровую. Я отсутствовала, потому что так было нужно. Ты отсутствовала из желания шататься по магазинам и поздно ложиться спать.

Моя обида и замешательство переплавились в ярость. Видимо, мне никогда не испкутить последствия нашего с Лиссой побега.

— Ты понятия не имеешь, почему я сбежала! — сказала я, повысив голос. — И ты не имеешь права высказывать какие бы то ни было предположения о моей жизни, поскольку тебе о ней ничего не известно.

— Я читала отчеты о том, что произошло. У тебя были основания для беспокойства, но действовала ты неправильно. — Ее слова звучали формально и жестко, она хорошо смотрелась бы на месте нашей учительницы. — Нужно было просто обратиться за помощью.

— Не к кому мне было обратиться, поскольку я не имела твердых доказательств. Кроме того, нас всегда учили думать самостоятельно.

— Да. С ударением на слове «учили». Учебой ты была обделена на протяжении двух лет. Вряд ли ты можешь читать мне лекции насчет правил поведения стража.

Я постоянно втягиваюсь во всякие споры, что-то в моей натуре мешает мне избегать их. Поэтому я привыкла защищаться и выслушивать оскорбления. Я толстокожая. Но почему-то, находясь рядом с ней, — в тех редких случаях, когда я находилась рядом с ней, — я чувствовала себя почти трех лет от роду. Ее позиция унижала меня, а упоминание о пропущенных занятиях — очень болезненная тема — заставляло чувствовать себя еще хуже. Я скрестила руки на груди в попытке имитировать ее позу и ухитрилась самодовольно улыбнуться.

— Да? Ну, мои учителя так не думают. Несмотря на пропущенное время, я догнала своих одноклассников.

Она ответила не сразу; в конце концов ровным голосом она произнесла:

— Если бы ты не сбежала, то, возможно, превзошла бы их.

Развернувшись четко, по-военному, она зашагала по коридору. Спустя минуту зазвонил звонок, и в коридор с урока Стэна высыпали ученики.

После этого даже Мейсону не удалось развеселить меня. Остальную часть дня я провела в состоянии раздражения и злости, уверенная, что все перешептываются о матери и обо мне. Пропустив ланч, я отправилась в библиотеку за книгами по физиологии и анатомии. Когда пришло время занятий с Дмитрием после уроков, я практически сразу же бросилась к манекену и кулаком ткнула его в грудь, чуть-чуть влево, но ближе к середине.

— Здесь, — сказала я. — Сердце здесь, ограждено грудиной и ребрами. Можно мне теперь получить кол?

Скрестив на груди руки, я устремила на него победоносный взгляд, ожидая, что на меня обрушится град похвал. Но Дмитрий просто кивнул в знак подтверждения с таким видом, словно мне и прежде следовало знать это. И да, следовало.

— А как ты преодолеешь грудину и ребра? — спросил он.

Я вздохнула. Только ответишь на один вопрос, тут же возникает

другой. Типично.

Большая часть занятия была посвящена этому. Он продемонстрировал несколько технических приемов, с помощью которых легче всего убивать. Его движения выглядели изящными и смертоносными одновременно. Казалось, они не требуют от него никаких усилий, но я понимала, что это не так.

Когда внезапно он протянул мне кол, до меня сначала даже не дошло.

— Ты даешь его мне?

Темные глаза сверкнули.

— Просто глазам своим не верю! Ты проявляешь сдержанность? А я-то думал, ты тут же схватишь и заработаешь им.

— Разве не ты учишь меня проявлять сдержанность? — парировала я.

— Не всегда.

— Но в отношении некоторых вещей.

Я слышала подтекст в произнесенных мною же словах и удивилась, откуда он возник. Я уже давно смирилась с существованием множества причин, по которым нельзя даже думать о Дмитриии в романтическом ключе. Время от времени я как бы забывалась и в глубине души хотела, чтобы и с ним такое происходило. Было бы приятно почувствовать, что он все еще хочет меня. Сейчас я подумала, что вряд ли я до сих пор свожу его с ума. И эта мысль нагнала тоску.

— Конечно. — Всем своим видом он демонстрировал, что мы обсуждаем исключительно проблемы обучения. — Равновесие. Понимание, когда можно бежать вперед, а когда лучше постоять на месте.

Он в особенности подчеркнул последние слова. На мгновение наши глаза встретились, и меня словно пробило электрическим током. Он понимал, о чем я говорила. Но, как всегда, игнорировал подтекст, оставаясь моим учителем. Вздохнув, я выбросила из головы мысли о нем и напомнила себе, что вот-вот прикоснусь к оружию, о котором мечтала с детства. Тут же вернулись воспоминания о доме Бадика, где побывали стригои. Пора сосредоточиться.

Неуверенно, почти благоговейно я протянула руку и сомкнула пальцы на рукоятке. Металл оказался холодным, от соприкосновения с ним кожа ощущала легкое покалывание. На рукоятке он был вытравлен для удобства, но, проведя пальцем по остальной части, я почувствовала, что поверхность гладкая как стекло. Я взяла кол и поднесла поближе к себе, внимательно разглядывая и привыкая к его тяжести. Беспокойная часть меня хотела развернуться и пронзить один манекен за другим, но я посмотрела на Дмитриия и спросила:

— Что я должна сделать сначала?

В характерной для него манере он еще раз повторил основы — то, как нужно держать кол и двигаться с ним. И потом наконец позволил мне атаковать один манекен, и тут-то я и поняла, какие усилия потребуются в такой схватке. Эволюция поступила очень умно, защитив сердце грудиной и ребрами. Дмитрий ни на мгновение не утратил терпения и усердия, старательно проводя меня через все этапы и поправляя в самых мелких деталях.

— Всаживай его между ребрами и вверх, — объяснял он, глядя, как я пытаюсь просунуть кончик кола через щель в костях. — Так будет легче, потому что ты окажешься ростом ниже большинства своих противников. Плюс можешь воткнуть кол под нижний край ребер.

По окончании занятия он забрал у меня кол и одобрительно кивнул.

— Хорошо. Очень хорошо.

Я удивленно посмотрела на него. Обычно он не склонен расточать похвалы.

— Правда?

— Ты действовала так, словно тренировалась годами.

Когда мы покидали тренажерный зал, я не смогла сдержать счастливой улыбки. Уже у самой двери я заметила манекен с вьющимися рыжими волосами. Внезапно все, что произошло сегодня на уроке Стэна, тяжело обрушилось на меня. Я нахмурилась.

— Можно, в следующий раз я проткну вот этого?

Дмитрий надел пальто — длинное, коричневое, кожаное. Оно очень напоминало ковбойский пыльник, хотя он в жизни не признал бы этого. Он тайно восхищался Диким Западом. Я никогда не понимала этого, но, с другой стороны, его музыкальные предпочтения тоже казались мне странноватыми.

— Не думаю, что оно того стоит, — ответил он.

— Но все же лучше, чем если бы на его месте оказалась она, — проворчала я, вешая рюкзак на плечо.

Мы покинули гимнастический зал.

— Насилие не решит твои проблемы, — глубокомысленно заявил он.

— Она — одна из этих проблем. И мне казалось, весь смысл моего обучения в том, что насилие и есть решение.

— Только по отношению к тем, кто сам так поступает с тобой. Твоя мать не нападает на тебя. Вы с ней просто слишком похожи, вот и все.

Я остановилась.

— Я ничуть не похожа на нее! В смысле... ну у нас одинаковые глаза.

Но я гораздо выше. И волосы у меня совсем другие.

Я дернула себя за «конский хвост», просто на тот случай, если он забыл, что у меня густые, почти черные волосы, а у матери темно-рыжие кудри.

Его как будто забавляла беседа, но взгляд оставался твердым.

— Я говорю не о внешности, и ты понимаешь меня.

Я отвернулась, избегая его взгляда. Меня потянуло к Дмитрию почти сразу же, как мы впервые встретились, — и не потому, что он хорош, нет. Я почувствовала, он понимает во мне нечто такое, чего я не понимаю сама, а иногда сама была уверена, что понимаю в нем то, чего он не понимает сам. Единственная проблема — он имел досадную склонность указывать на то, что я не хотела видеть.

— Думаешь, я завидую и ревную?

— Ты? — переспросил он; терпеть не могу, когда он отвечает вопросом на вопрос — Если да, то чему точно ты завидуешь?

Я посмотрела на него.

— Не знаю. Может, завидую ее репутации. Может, ревную, потому что она уделяет своей репутации гораздо больше времени, чем мне. Не знаю.

— По-твоему, она не совершила ничего выдающегося? В том деле, о котором рассказывала?

— Да. Нет. Не знаю. Это просто... словно она хвасталась. Ради славы. — Я состроила гримасу. — Ради знаков отличия.

Знаки молнии — татуировка, которой вознаграждается страж, убивший стригоя. Каждый такой знак выглядит словно крошечные, перекрещивающиеся в форме буквы «Х» молнии. Они наносятся на шее сзади и являются показателем опыта.

— По-твоему, встретиться лицом к лицу со стригоями стоит нескольких знаков? Я думал, увиденное в доме Бадика чему-то научило тебя.

Я почувствовала себя ужасно глупо.

— Я совсем не то...

— Ага.

Я остановилась.

— Что?

До сих пор мы шли в сторону моего корпуса, но сейчас он кивнул в противоположном направлении.

— Я хочу показать тебе кое-что.

— Что?

— Не все знаки — символы славы.

ПЯТЬ

Я понятия не имела, о чем Дмитрий толкует, но послушно пошла за ним. К моему удивлению, он вывел меня за пределы кампуса, в лес. Академии принадлежит много земель, и далеко не все они используются в целях обучения. Мы находились в отдаленном районе Монтаны, и временами казалось, будто школа едва сдерживает наступление дикой природы. Мы шли по глубокому, нетронутому снегу, хрустящему под ногами. Несколько птиц порхали вокруг, пением приветствуя восходящее солнце, но в основном нас окружали лишь высокие, покрытые снегом вечнозеленые деревья. Не отставать от Дмитрия было нелегко, в особенности с учетом глубокого снега вокруг. Вскоре, я увидела впереди что-то темное, похоже здание.

— Что это? — спросила я.

Однако еще до того, как он ответил, я поняла — перед нами небольшая, сложенная из бревен хижина. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что бревна старые и в некоторых местах прогнившие, а крыша слегка провисла.

— Старая караульная будка, — пояснил Дмитрий. — Раньше стражи жили тут, на краю кампуса.

— А почему теперь не живут?

— Теперь их слишком мало для этого. Кроме того, морои окружили кампус защитной магией, и, по общему мнению, дополнительной охраны не требуется. При условии, что никакие люди не разрушат эти защитные кольца.

Несколько секунд я развлекала себя надеждой, будто Дмитрий решил устроить нам небольшой романтический «отпуск». Потом с противоположной стороны домика донеслись голоса. В голове возникло знакомое ощущение жужжания. Там была Лисса. Мы с Дмитрием обогнули дом, и нам открылась удивительная сцена. Кристиан с Лиссой катались на коньках по льду небольшого озера. С ними была незнакомая мне женщина, спиной ко мне. Я могла видеть лишь волну угольно-черных волос, взметнувшихся над головой, когда она, грациозно развернувшись, остановилась.

Увидев меня, Лисса улыбнулась.

— Роза!

Услышав возглас, Кристиан глянул на меня через плечо с таким видом,

словно я помещала их романтическому свиданию. Лисса неуклюжими шагами подошла к краю озера, она не очень-то хорошо катается на коньках. Я лишь таращилась на них, испытывая недоумение — и ревность.

— Спасибо, что пригласила и меня на эту тусовку.

— Я подумала, ты слишком занята, — сказала она. — И между прочим, это секрет. Нам нельзя находиться здесь.

Я и сама знала об этом. Кристиан подкатился к ней, вслед за ним и незнакомая женщина.

— Ты привел «зайца», Димка? — спросила она. Я не понимала, к кому она обращается, пока

Дмитрий не рассмеялся в ответ. Такое происходило нечасто, и мое удивление возросло.

— Невозможно удержать Розу вдали от тех мест, где ей не следует находиться. В конце концов она всегда находит их самостоятельно.

Женщина улыбнулась, повернулась, перекинула длинные волосы на одно плечо, и внезапно я полностью увидела ее лицо. Я и так была вся в напряжении, а тут мне понадобилось взять себя в руки, чтобы не среагировать. Лицо у нее было в форме сердца, а большие глаза в точности того же оттенка, что у Кристиана, — бледно-голубые, холодные. Улыбающиеся губы более изящные, красивые и подкрашены розовой помадой того оттенка, который выгодно оттенял остальные черты лица. Однако поперек левой щеки, некогда гладкой, белую кожу вспучивал багровый шрам.

По форме он выглядел так, словно кто-то укусил ее и вырвал часть щеки. Что, поняла я, и произошло на самом деле.

Я сглотнула, внезапно поняв, кто это. Тетя Кристиана. Когда его родители стали стригоями, они пришли за ним, рассчитывая спрятать его и тоже превратить в стригоя, когда он подрастет. Всех деталей я не знаю, но мне было известно, что тетя пыталась отбить их нападение. Однако, как я уже говорила, стригои беспощадны. Она сумела отвлечь их, пока не прибыли стражи, но при этом пострадала сама.

Она протянула мне затянутую в перчатку руку.

— Таша Озера. Я много слышала о тебе, Роза. Я бросила на Кристиана сердитый взгляд, и Таша рассмеялась.

— Не беспокойся, — сказала она. — Только хорошее.

— Вовсе нет, — возразил он.

Она в раздражении покачала головой.

— Честно, я понятия не имею, где он набрался таких дурных манер. Уж не от меня точно.

«Это очевидно», — подумала я.

— Что вы тут делаете? — спросила я.

— Я хотела провести время с этими двумя. — Ее лоб пересекала еле заметная хмурая складка. — Но по правде говоря, мне не нравится болтаться рядом со школой. Здесь отнюдь не все такие уж гостеприимные...

Сначала я не сообразила, о чем она. Школьные чиновники обычно просто расшибаются в лепешку, когда приезжают представители королевских семей. Но потом до меня дошло.

— Это из-за... Из-за того, что произошло...

Учитывая, как все обращались с Кристианом из-за его родителей, не следовало удивляться, что его тетя столкнулась с точно такой же дискриминацией.

— Так уж оно есть. — Таша потерла ладони и выдохнула, ее дыхание образовало в воздухе морозное облачко. — Давайте не будем торчать здесь — мы же можем разжечь внутри огонь.

Я бросила последний тоскующий взгляд на замерзшее озеро и пошла вслед за остальными в дом. Там было пусто, пыльно, грязно... и всего одна комната. В углу стояла ничем не прикрытая узкая кровать; на стенах висели несколько полок, где, по-видимому, когда-то держали запасы продовольствия. Однако тут имелся камин, и вскоре в нем запылал огонь, быстро согревший небольшое пространство. Мы все уселись перед ним, и Таша достала мешок маршмэллоу,^[3] которые и начала поджаривать на огне.

Пока мы угощались этими клейкими вкусностями, Лисса с Кристианом разговаривали друг с другом в свойственной им легкой, спокойной манере. К моему удивлению, Таша и Дмитрий тоже общались легко, как хорошо знакомые люди. Очевидно, они знали друг друга с давних пор. Никогда прежде я не видела его таким оживленным. Даже в тех редких случаях, когда он был нежен со мной, его всегда окружала атмосфера серьезности. С Ташей он добродушно подшучивал и смеялся. Чем дольше я слушала ее, тем больше она мне нравилась. Под конец, не в силах оставаться в стороне, я спросила:

— Значит, вы поедете на лыжную базу? Она кивнула, подавила зевок и потянулась, точно кошка.

— Я уже сто лет не каталась на лыжах. Времени не хватает. Все свои отпуска приберегала для этого.

— Отпуска? — Я с любопытством посмотрела на нее. — Вы что... работаете?

— К сожалению, да, — ответила Таша, хотя в ее голосе не

чувствовалось сожаления. — Я веду уроки боевых искусств.

Я была потрясена. Если бы выяснилось, что она астронавт или психолог по телефону, я и то удивилась бы меньше. Множество членов королевских семей вообще не работают, а если уж и работают, то занимаются каким-нибудь инвестированием или другого вида предпринимательством — в общем, тем, что способствует дальнейшему процветанию семьи. И уж никто из них точно не занимается боевыми искусствами или другим видом деятельности, требующим физической нагрузки. Морои имеют множество прекрасных качеств: исключительно обостренные чувства — обоняние, зрение и слух — и способность работать с магией. Но физически они высокие и худощавые, часто тонкокостные. Они также не выносят солнечного света. И хотя все перечисленное не помешает кому-то из них стать воином, оно потребует от него несравненно большего вложения сил. Среди мороев со временем укоренилась идея, что лучший способ нападения — защита, и в массе своей они избегают даже думать о физических конфликтах. Прячутся в хорошо защищенных местах вроде Академии, полагаясь на более сильных и жестких дампиров как своих стражей.

— Как по-твоему, Роза, — Кристиана, казалось, очень забавляло мое удивление, — ты могла бы одолеть ее?

— Трудно сказать.

Таша улыбнулась мне.

— Ты скромничаешь. Я видела, на что вы, ребята, способны. Для меня это просто хобби, которым я зарабатываю на жизнь.

Дмитрий засмеялся.

— Теперь ты скромничаешь. Ты в состоянии вести здесь половину уроков.

— Вряд ли, — сказала она. — Я бы почувствовала себя очень неловко, если бы меня победила в бою группа тинейджеров.

— Не думаю, — возразил он. — Я помню, как ты отделала Нейла Селски.

Таша закатила глаза.

— И это называется отделала — выплеснуть вино ему в лицо? Разве что его костюм пострадал, а мы все знаем, как он трясется над своей одеждой.

Они оба рассмеялись над чем-то сугубо личным, относительно чего остальные были не в курсе, однако я слушала лишь вполуха. Меня по-прежнему больше всего интриговала ее роль в той истории со стригоями. Я пыталась сдержаться, но в конце концов сдалась.

— Вы начали учиться боевым искусствам до или после того, что случилось с вашим лицом?

— Роза! — прошипела Лисса.

Однако Ташу, похоже, мой вопрос ничуть не огорчил. Да и Кристиана тоже, а ведь обычно он испытывает явную неловкость, когда заходит разговор о нападении его родителей. Таша устремила на меня спокойный, задумчивый взгляд — похожий на тот, который иногда бросал на меня Дмитрий, если я делала что-то удивительное, но такое, что он одобрил бы.

— После, — ответила она, не выглядя смущенной, хотя я ощутила в ее тоне грусть. — Как много тебе известно?

Я бросила взгляд на Кристиана.

— Основное.

Она кивнула.

— Я знала... знала, кем стали Лукас и Мойра, и все же оказалась не готова — ни умственно, ни физически, ни эмоционально. Думаю, если бы мне пришлось снова это пережить, я все равно не была бы готова. Однако после той ночи я посмотрела на себя — образно говоря — и поняла, насколько я беззащитна. Всю свою жизнь я рассчитывала только на стражей, которые придут и защитят меня. И дело не в том, что стражи на это неспособны. Как я уже говорила, ты, скорее всего, одолеешь меня в схватке. Но они — Лукас и Мойра — убили двух наших стражей, прежде чем мы поняли, что происходит. Я помешала им забрать Кристиана, но с трудом. Если бы не подоспели другие, я была бы мертва, а он... — Она помолчала с хмурым видом. — Я решила, что не хочу погибать таким образом — без настоящей схватки, не умея защитить себя и тех, кого люблю. Поэтому стала изучать все способы самообороны. Вдобавок спустя какое-то время выяснилось, что я... ну не слишком-то хорошо вписываюсь в здешнее высшее общество. Поэтому перебралась в Миннеаполис и стала зарабатывать на жизнь, обучая других.

Я не сомневалась, в Миннеаполисе живут и другие морои — хотя один бог знает почему, — но я умею читать между строк. Она переехала туда и жила среди людей, держась в стороне от остальных вампиров — как мы с Лиссой на протяжении двух лет. У меня также возникло чувство, будто тут между строк есть и кое-что еще. Она сказала: «изучала все способы самообороны» — то есть больше, чем боевые искусства. В соответствии со своими убеждениями касательно нападения-обороны морои считают, что магию нельзя применять как оружие. Правда, в давние времена ее так и использовали, а некоторые морои обращаются к ней и до сих пор. Кристиан, я знала, один из них. Внезапно до меня дошло, у кого он мог

этого набраться.

Все молчали. Разговаривать после такой грустной истории стало трудно. Но Таша, поняла я, из тех людей, которые всегда умеют улучшить настроение. Все оставшееся время она потратила, рассказывая нам разные забавные истории, и от этого нравилась мне еще больше. Она не важничала, как большинство королевских особ, но знала множество сплетен практически обо всех. Дмитрий, похоже, знал многих из тех, о ком она говорила, — поистине удивительно, как такой вроде бы замкнутый человек может знать практически всех в сообществе мороев и стражей?

Они чуть не довели нас до истерики, пока в конце концов Таша не взглянула на часы.

— Где тут поблизости самые лучшие магазины? — спросила она.

Мы с Лиссой обменялись взглядами и сказали в унисон:

— Мизула.

Таша вздохнула.

— Часа два пути, но если я выеду сейчас, то, наверное, успею до закрытия магазинов. Я безнадежно припозднилась с рождественскими покупками.

Я застонала.

— Обожаю ходить по магазинам.

— Я тоже, — сказала Лисса.

Я бросила на Дмитрия полный надежды взгляд.

— Может, мы могли бы вместе...

— Нет, — отрезал он.

Я испустила вздох. Таша снова зевнула.

— Мне нужно выпить кофе, чтобы не уснуть за рулем.

— А разве один из ваших стражей не может вас отвезти?

Она покачала головой.

— У меня их нет.

— Нет... — Я попыталась осмыслить услышанное. — У вас нет стражей?

— Нет.

Я так и подскочила.

— Но это невозможно! Вы же из королевской семьи. У вас должен быть хотя бы один. На самом деле два.

Стражей распределял между мороями Совет стражей, загадочным и в высшей степени экономным способом. В некотором роде не слишком справедливая система, учитывая соотношение стражей и мороев. Не принадлежащие к королевским семьям получали стражей путем лотереи,

королевские особы всегда обзаводились охраной. Особы высокого ранга часто имели двух дампинов, но даже представители низкого ранга никогда не оставались вообще без стражей.

— Когда распределяли стражей, семья Озера точно не стояла во главе очереди, — с горечью улыбнулся Кристиан. — С тех пор как... мои родители умерли... стражей все время не хватает.

Мой гнев вспыхнул с новой силой.

— Но это несправедливо. Нельзя наказывать вас за то, что сделали ваши родственники.

— Это не наказание, Роза. — Таша, казалось, совсем не была возмущена, а следовало бы, по моему мнению. — Просто... расстановка приоритетов.

— Вас оставили беззащитной. Вы не можете никуда поехать в одиночестве!

— Я не беззащитна, Роза. Я уже говорила об этом. И если бы я действительно хотела иметь стража, я могла бы поднять шум, но слишком хлопотно. Мне и так хорошо.

Дмитрий посмотрел на нее.

— Хочешь, поеду с тобой?

— И не будешь спать всю ночь? — Таша покачала головой. — Я не могу так обойтись с тобой, Димка.

— Он не возражает, — быстро вмешалась я, в восторге от этого решения.

Дмитрия, казалось, позабавило, что я говорю за него, но он не стал опровергать меня.

— Я и вправду не возражаю.

Она заколебалась.

— Ладно. Но тогда нам нужно отправляться.

Наша противозаконная вечеринка распалась. Морои двинулись в одном направлении, мы с Дмитрием в другом. Они с Ташей договорились встретиться через полчаса.

— Ну и что ты о ней думаешь? — спросил он, когда мы остались одни.

— Она мне понравилась. Супер. — Я задумалась. — И я поняла, о каких знаках ты говорил.

— Ой ли?

Я кивнула, глядя на дорожку, по которой мы шли. Она была посыпана солью, и все же кое-где блестели участки льда.

— То, что она делала, — не ради славы. Долг. Так же, как... Так же, как моя мама.

Мне претило делать это признание, но правда есть правда. Возможно, Джанин Хэзевей — худшая мать, которую можно себе представить, но страж она выдающийся.

— Дело не в знаках, не они имеют значение, будь то молнии или шрамы.

— Ты быстро учишься, — одобчительно сказал он.

Я прямо раздулась от гордости.

— Почему она называет тебя Димка?

Он негромко рассмеялся. Он много смеялся тем вечером, и мне это очень нравилось.

— Уменьшительное имя от Дмитрий.

— Бессмыслица какая-то — совсем не похоже на Дмитрий. Тебя нужно называть... ну не знаю... Дими или что-то в этом роде.

— По-русски получается иначе.

— Станный ваш русский.

По-русски уменьшительное имя Василисы было Вася, что для меня не имело никакого смысла.

— И английский не лучше.

Я лукаво посмотрела на него.

— Если ты научишь меня ругаться по-русски, я, может, по-новому оценю твой язык.

— Ты и так ругаешься слишком много.

— Просто я так самовыражаюсь.

— Ох, Роза... — Он вздохнул. — Уж как ты выражаешь себя, так, по-моему, никто не умеет.

Я улыбнулась, и некоторое время мы шли молча. Сердце пропустило удар, я так счастлива была просто находиться рядом с ним. Когда мы вместе — в этом есть что-то очень теплое и... правильное.

Пока я не столько шла, сколько парила над тропой, в голове зашевелилась еще одна мысль.

— Знаешь, в шрамах Таши есть странность.

— Какая? — спросил он.

— Эти шрамы... Они ее портят, — медленно начала я, чувствуя, как трудно выразить свою мысль словами. — В смысле, очевидно — раньше она была по-настоящему красива. Но даже с этими шрамами... ну не знаю. Она красива в каком-то другом смысле. Типа... Типа как будто они часть ее. Они делают ее совершенной.

Дмитрий не отвечал, но искоса взглянул на меня. Я тоже, и, когда наши взгляды встретились, я увидела в его глазах мимолетный отблеск прежнего

влечения. Он тут же исчез, но я его видела. На смену ему пришли гордость и одобрение, что было почти так же хорошо.

Когда он заговорил, это прозвучало как эхо сказанного прежде.

— Ты быстро учишься.

ШЕСТЬ

Когда на следующее утро я отправилась на наше занятие перед уроками, то была, как никогда, довольна жизнью. Тайные вчерашние посиделки прошли просто супер, и я чувствовала гордость за то, что пошла против системы и подтолкнула Дмитрия поехать с Ташей. И самое лучшее, вчера я впервые взяла в руки серебряный кол и доказала, что умею обращаться с ним. Очень довольная собой, я не могла дожидаться начала следующего занятия.

Быстренько одевшись так, как всегда для этих занятий, я буквально полетела к гимнастическому залу. Однако, сунув голову в ту комнату, где мы упражнялись вчера, обнаружила, что она темна и пуста. Щелкнув выключателем, я внимательно огляделась — на тот случай, если Дмитрий придумал для этого занятия что-нибудь странное, завуалированное. Ничего. Пусто.

— Дерьмо, — пробормотала я.

— Его здесь нет.

Я взвизгнула и подскочила на десять футов. Резко развернулась и наткнулась на взгляд карих прищуренных глаз матери.

— Что ты здесь делаешь?

Едва слова сорвались с моих губ, ум зарегистрировал, как она одета. Обтягивающая рубашка с короткими рукавами, свободные, затягивающиеся на шнурок штаны, похожие на мои.

— Дерьмо, — повторила я.

— Попридержи язык! — возмутилась она. — Мало того что ты ведешь себя так, будто ничего не слышала о хороших манерах, еще и выражаешься.

— Где Дмитрий?

— Страж Беликов в постели. Он вернулся всего пару часов назад и нуждается во сне.

Брань чуть снова не сорвалась с моих губ, но я проглотила ее. Конечно, Дмитрий спит. Он возил Ташу в Мизулу днем, в часы работы человеческих магазинов. Технически он не спал всю академическую ночь и, скорее всего, вернулся совсем недавно. Тьфу! Может, я и не стала бы подталкивать его к этой поездке, если бы заранее подумала о таком ее результате.

— Ну, надо полагать, занятие отменяется... — торопливо заговорила я.

— Успокойся и надень вот это.

Она протянула мне что-то вроде боксерских перчаток, но не таких толстых и объемистых. Хотя предназначались они для того же — для защиты рук.

— Мы работаем с серебряным колом, — надулась я, натягивая перчатки.

— Ну а сегодня займемся этим. Вперед!

От всей души жалея, что по дороге от корпуса меня не сбил автобус, я вслед за ней вышла на середину гимнастического зала. Ее выющиеся волосы были подняты и закреплены заколками — чтобы не мешать, и шея полностью обнажилась. Кожа была покрыта татуировками. Самая верхняя представляла собой извилистую линию: символическое изображение клятвы, даваемой по окончании Академии, и согласия служить. Ниже шли знаки молнии, по одному за каждого убитого стригоя. Точное количество их я сосчитать не могла, но скажу одно — чудо, если на шее моей мамы найдется место еще для одной татуировки. На ее счету немало смертей.

Наконец она остановилась, повернулась ко мне и приняла атакующую позу. Ожидая нападения, я быстренько встала в ту же позицию.

— Чем мы будем заниматься? — спросила я.

— Основы нападения и защиты. Следи за красными линиями.

— Это все?

Она прыгнула на меня. Я отклонилась — совсем чуть-чуть — и в процессе споткнулась о собственную ногу, но тут же поспешно выровнялась.

— Неплохо, — почти саркастически заметила она. — Как ты грубо напомнила мне вчера, я не видела тебя пять лет и понятия не имею, на что ты способна.

Она снова атаковала меня, и снова я отклонилась лишь настолько, чтобы она не достала меня. Так пошло и дальше. Практически она не дала мне ни малейшего шанса перейти к нападению. Или, может, у меня не хватало навыков нападать в такой ситуации. Я только и делала, что защищалась — физически, по крайней мере. С чувством зависти я вынуждена была внутренне признать — она хороша. По-настоящему хороша. Но говорить ей этого я не собиралась.

— Ну так что? — спросила я. — Таков твой способ компенсировать недостаток материнского внимания?

— Это мой способ расшевелить тебя. Ты только и делаешь, что переступаешь с ноги на ногу. Драться будешь? — Она выбросила вперед кулак и ударила меня в предплечье. — Тогда давай драться. Очко.

— Очко, — признала я, продолжая придерживаться прежней

тактики. — Я не хочу драться. Я просто пытаюсь поговорить с тобой.

— Огрызаться на меня на уроке — не называется разговором. Очко.

На этот раз я заворчала. Едва начав заниматься с Дмитрием, я жаловалась, что нечестно заставлять меня драться с тем, кто выше на фут. Он заметил, что мне предстоит драться со стригоями, большинство которых выше меня, а старая пословица верна: размер значения не имеет. Иногда я думала, он просто дает мне ложную надежду, но, глядя сейчас на свою мамочку, начала верить ему. Мне как-то никогда не приходилось драться с тем, кто ниже ростом. Я была одной из очень немногих девушек в классе и прониклась убежденностью, что всегда буду ниже и стройнее своих противников. Однако мать была ниже ростом и не имела ничего, кроме жестких, плотных мышц.

— У меня просто такой уникальный стиль общения, вот и все, — сказала я.

— Тебя снедает мелочное подростковое заблуждение, что последние семнадцать лет с тобой обходились несправедливо. — Она ударила меня ногой в бедро. — Очко. На самом же деле с тобой обращались не хуже, чем с другими дампирями. Фактически даже лучше. Я могла отослать тебя жить с моими кузинами. Ты хотела бы стать кровавой шлюхой? Именно этого ты хотела?

Выражение «кровавая шлюха» всегда заставляет меня вздрагивать. Его обычно применяют к матерям-одиночкам из числа дампиров, которые предпочли не становиться стражами, а растить своих детей. У этих женщин часто случаются кратковременные любовные связи с морейскими мужчинами, за что их все презирают — хотя и понимают, что ничего другого у них быть не может, поскольку женятся морейские мужчины обычно на морейских же женщинах. Само выражение «кровавая шлюха» основано на том факте, что некоторые женщины-дампиры, занимаясь сексом, позволяют мужчинам пить свою кровь. В нашем мире можно пить только человеческую кровь. Когда такое позволяет дэмпир, это считается грязным и извращенным, в особенности во время секса. Полагаю, на самом деле так поступают лишь немногие женщины-дампиры, но, как часто бывает, выражение совершенно несправедливо применяется ко всем. Когда мы были в бегах, я давала свою кровь Лиссе, и, хотя этого требовала необходимость, клеймо все еще оставалось на мне.

— Нет. Конечно, я не хотела бы стать кровавой шлюхой. — Мое дыхание участилось. — И они вовсе не все такие.

— Они сами создали себе такую репутацию, — проворчала она. Я увернулась от удара. — Им следовало выполнять свой долг стражей, а не

развлекаться и заводить случайные связи с мороями.

— Они растят своих детей! — Мне хотелось выкрикнуть эти слова, но жаль было зря расходовать кислород. — То есть делают то, о чем ты понятия не имеешь. Кроме того, чем, собственно, ты отличаешься от них? Что-то я не вижу кольца на твоём пальце. Разве мой папа не был для тебя просто «случайной связью»?

Ее лицо окаменело, что говорило о многом, учитывая, что она уже избивала свою дочь.

— А вот это, — натянуто сказала она, — из разряда того, о чем ты понятия не имеешь. Очко.

Я вздрогнула от удара, но порадовалась тому, что сумела задеть ее за живое. Я действительно понятия не имею, кто мой отец, он турок — вот единственное, что я знаю. Пусть у меня соблазнительная фигура и красивое лицо матери — хотя я не без самодовольства могу утверждать, что сейчас я гораздо красивее, — но у меня смугловатая кожа, темные волосы и глаза.

— Как это произошло? — продолжала я. — Тебя направили в Турцию? Ты встретила его на местном базаре? Или случилось что-то более недостойное? Может, ты проштудировала всего Дарвина и отобрала парня, способного передать твоему потомству гены воина? В смысле, мне известно, я у тебя появилась только потому, что того требовал долг. Полагаю, ты приложила все усилия, намереваясь вручить стражам лучший экземпляр, на который была способна.

— Розмари, — предостерегающе сказала она сквозь стиснутые зубы, — хотя бы раз в жизни, заткнись.

— Почему? Разве я порочу твою драгоценную репутацию? Сама сказала мне: ты ничем не отличаешься от других дампинов. Ты просто поимела его и...

Недаром говорят: «Гордыня до добра не доводит». Я была настолько захвачена собственной победоносной дерзостью, что перестала следить за своими ногами и оказалась слишком близко к красной линии. Переступить через нее означало лишнее очко не в мою пользу, поэтому я постаралась не сделать этого и одновременно продолжала увертываться от матери. К несчастью, удалось лишь одно. Ее кулак обрушился на меня быстро и сильно — и, самое главное, чуть выше того уровня, который, согласно правилам тренировочных боев, считается допустимым. Он врезался мне в лицо с силой небольшого катка, и я упала навзничь, больно ударившись о пол сначала спиной, а потом головой. И меня выбросило за линию. Проклятье!

Боль расколола затылок, из глаз посыпались искры. Мать мгновенно

склонилась надо мной.

— Роза? Роза? Ты в порядке?

Ее голос звучал хрипло и яростно. Мир вокруг поплыл.

Потом появились какие-то люди, и я оказалась в академической больнице. Там мне посветили в глаза и начали задавать совершенно идиотские вопросы.

— Как тебя зовут?

— Что?

Я сощурилась от яркого света.

— Назови свое имя.

Я узнала доктора Олендзки.

— Вы знаете мое имя.

— Я хочу, чтобы ты произнесла его.

— Роза. Роза Хэзевей.

— Ты помнишь, когда твой день рождения?

— Конечно. Почему вы задаете такие тупые вопросы? Вы потеряли мою историю болезни?

Доктор Олендзки раздраженно вздохнула и отошла, унеся с собой режущий глаза яркий свет.

— Думаю, с ней все нормально, — сказала она кому-то. — Я хочу поддержать ее здесь до конца школьного Дня, желая убедиться, что сотрясения мозга нет.

Весь день я то спала, то просыпалась. Доктор Олендзки продолжала приставать ко мне со своими тестами. Еще она дала мне пузырь со льдом и велела прикладывать к лицу. Когда уроки в Академии закончились, она сочла возможным отпустить меня.

— Клянусь, Роза, на тебя, наверное, нужно завести карточку постоянного пациента. — Она еле заметно улыбнулась. — Если не считать тех, у кого проблемы с аллергией и астмой, по-моему, нет ни одного студента, которого я видела бы здесь так часто за столь короткое время.

— Спасибо, — ответила я, хотя вовсе не желала удостоиться такой чести. — Значит, никакого сотрясения?

Она покачалатоловой.

— Нет. Хотя какое-то время ты будешь испытывать боль. Я дам тебе лекарство. — Улыбка погасла, и внезапно доктор явно занервничала. — Честно говоря, Роза, больше всего пострадало... ну твое лицо.

Я соскочила с постели.

— Что значит «больше всего пострадало твое лицо»?

Доктор Олендзки сделала жест в сторону зеркала над раковиной на

другом конце комнаты. Я подбежала к нему и посмотрела на свое отражение.

— Черт побери!

Багрово-красные пятна покрывали левую верхнюю часть лица, в особенности около глаза. Я в отчаянии повернулась к доктору.

— Это же пройдет, правда? Если я буду прикладывать лед?

Она покачала головой.

— Лед может помочь... но, боюсь, вокруг глаза образуется приличный синяк. Хуже всего он будет выглядеть завтра утром, но окончательно рассосется через неделю или около того.

Я покинула больницу с головокружением, не имеющим никакого отношения к травме головы.

Рассосется через неделю или около того? Как доктор Олендзки могла так легко говорить об этом? Не понимала, что ли? На Рождество и большую часть пребывания на лыжной базе я буду выглядеть словно мутант. Синяк. Поганый, страшный синяк.

И кто мне все это устроил? Собственная мать.

СЕМЬ

Разъяренная, я распахнула дверь в спальный корпус мороев. Позади кружился снег, и немногие задержавшиеся в вестибюле оглянулись при моем появлении. Неудивительно, что их взгляд остановился на мне. Сглотнув, я заставила себя не реагировать. Все будет нормально. Нечего волноваться. Новички все время получают травмы. Гораздо реже они их не получают. Правда, моя травма больше других бросалась в глаза, но с этим можно жить, пока все не заживет, верно? И непохоже, чтобы кто-либо знал, каким образом я пострадала.

— Эй, Роза, правда, что тебе врезала собственная мать?

Я замерла. Такое насмешливое сопрано ни с чем не спутаешь. Я медленно повернулась и поглядела в темно-голубые глаза Мии Ринальди. Вьющиеся светлые волосы обрамляли лицо, которое могло бы быть привлекательным, если бы его не портила злобная усмешка. На год младше нас, Мия втянула Лиссу (и меня заодно) в войну не на жизнь, а на смерть — в войну, следует добавить, которую она начала. Она увела у Лиссы ее бывшего бойфренда — пусть даже Лисса в конце и сама не хотела больше встречаться с ним — и стала распространять всякого рода слухи.

Правда, у ненависти Мии были кое-какие основания. Старший брат Лиссы, Андрей — погибший во время той же автомобильной аварии, — скверно обошелся с Мией, когда она была первокурсницей. Не стань она теперь такой сукой, я посочувствовала бы ей. Он поступил плохо, и, хотя я могла понять ее злость, по-моему, она повела себя нечестно, изливая ее на Лиссу. В конце мы с Лиссой формально выиграли эту войну, но Мия непостижимым образом быстро оправилась от поражения. С той элитой, к которой она липла прежде, она больше не общалась, но обзавелась небольшой группой друзей. Злобные или нет, сильные лидеры всегда находят приверженцев.

По моему мнению, в девяноста процентах случаев самая эффективная реакция на ее поведение — безразличие. Однако в данный момент мы оказались в области оставшихся десяти процентов, потому что есть вещи, которые невозможно игнорировать, например когда кто-то заявляет во всеуслышание, что твоя мать только что врезала тебе, — даже если это правда. Я остановилась и развернулась. Мия стояла около торгового автомата, прекрасно понимая, что сумела зацепить меня. Я не стала впустую тратить время, спрашивая, откуда она узнала эту новость. Здесь

тайны редко остаются тайнами.

Получив возможность полностью разглядеть мое лицо, она с выражением беззастенчивого удовлетворения широко распахнула глаза.

— Класс! Вот это материнская любовь!

Ха! Круто. Скажи это кто-нибудь другой, я бы аплодировала шутке.

— Ну, ты у нас эксперт по части лицевых травм, — сказала я. — Как твой нос?

Ледяная улыбка Мии слегка искривилась, но она не отступила. Примерно месяц назад я сломала ей нос — и не где-нибудь, а на школьной танцплощадке, — и, хотя с тех пор все зажило, сидел он самую чуточку кривовато. Это, скорее всего, можно исправить с помощью пластической хирургии, но судя по тому, что я знала о финансовом положении ее семьи, пока не представлялось возможным.

— Лучше, — ответила она натянуто. — По счастью, его сломала шлюха-психопатка, а не кто-нибудь, по-настоящему близкий мне.

Я улыбнулась ей самой своей психопатической улыбкой.

— Скверно. Члены семьи могут стукнуть разве что случайно. Психопатические шлюхи имеют склонность возвращаться.

Обычно угроза физического насилия тактически оказывалась в отношении нее хорошим приемом, но сейчас вокруг было слишком много народу, чтобы она всерьез заволновалась. И Мия прекрасно понимала это. Не то чтобы такого рода окружение останавливало меня от нападения — черт, я делала это много раз! — однако в последнее время я усиленно работала над собой в плане контроля над импульсивностью.

— Ну, случайно так не врежешь, как тебе кажется? — поинтересовалась она. — Разве у вас нет правил относительно ударов в лицо? В смысле, вид такой, словно все границы остались позади.

Я открыла рот, чтобы отбрызнуть ее... и не произнесла ни слова. Она попала в точку. Моя травма не укладывалась ни в какие рамки, в рукопашных схватках недопустимо наносить удары выше шеи. В данном случае запретная линия была превышена.

Мия заметила мою неуверенность, и на ее лице появилась улыбка, будто рождественское утро уже наступило. До этого момента я даже представить себе не могла, что в процессе наших с ней враждебных действий возникнет ситуация, когда я потеряю дар речи.

— Девушки! — произнес строгий женский голос.

Моройская служащая, сидящая за письменным столом, наклонилась над ним и вперила в нас пронизательный взгляд.

— Это вестибюль, а не комната отдыха. Либо поднимайтесь вверх,

либо покиньте здание.

На мгновение мной завладела идея снова сломать Мие нос — и плевать на арест или временное исключение из школы. Сделав глубокий вдох, я решила, что сейчас достойнее всего отступить, и зашагала к лестнице, ведущей к спальням девушек. За моей спиной Мия сказала:

— Не волнуйся, Роза. Это пройдет. Кроме того, парней в тебе интересует не лицо.

Тридцать секунд спустя я стучалась к Лиссе с такой силой, что просто чудо, как мой кулак не проломил дверь. Она медленно открыла ее и выглянула наружу.

— Ты одна? Я думала, здесь целая армия... О бог мой! — Ее брови взлетели вверх, когда она разглядела левую сторону моего лица. — Что произошло?

— Ты что, еще не слышала? Наверное, ты единственная в школе, — проворчала я. — Дай мне войти.

Развалившись на ее постели, я рассказала о дневных событиях. Она, естественно, была в шоке.

— Я слышала, что ты пострадала, но подумала, обычный инцидент во время тренировки, — сказала она.

Я смотрела на беленый потолок и чувствовала себя ужасно несчастной.

— Хуже всего, Мия права. Это произошло не случайно.

— Что? По-твоему, твоя мама сделала это намеренно?

Я не отвечала, и в голосе Лиссы зазвучали скептические нотки.

— Брось! Это невозможно.

— Почему? Потому что она идеальная Джанни Хэзевей, мастерски владеющая собой? Факт тот, что она также идеальная Джанин Хэзевей, мастерски владеющая искусством боя. В том или ином качестве, она допустила ошибку.

— Ну да, — кивнула Лисса. — Думаю, она не рассчитала свой удар, вряд ли она сделала это сознательно.

— Ну, она разговаривала со мной. От этого любой может выйти из себя. И я обвинила ее в том, что она переспала с моим папой только потому, что с точки зрения эволюции это был лучший выбор.

— Роза! — застонала Лисса. — Ты же давно решила выкинуть это из головы. Зачем тебе понадобилось говорить с ней об этом?

— Потому что, скорее всего, так оно и есть.

— Но ты ведь понимала, что это расстроит ее. Зачем провоцировать ее? Почему не можешь просто помириться с ней?

Я села на постели.

— Помириться с ней? Она поставила мне синяк. Скорее всего, намеренно! Как можно помириться с таким человеком?

Лисса просто покачала головой и подошла к зеркалу проверить свой макияж. Через нашу связь я чувствовала исходящие от нее чувства огорчения и недовольства, ну и еще в глубине ощущалось предвкушение. У меня хватило терпения внимательно разглядеть ее — теперь, когда я выложила все о себе. На ней была шелковая блузка бледно-лилового цвета и черная юбка до колен. Светлые волосы идеально ровные, такой эффект возникает, если провести час, работая феном и специальной щеткой.

— Ты прекрасно выглядишь. Что-то предстоит?

Ее раздражение слегка уменьшилось.

— Вскоре у меня свидание с Кристианом.

На протяжении нескольких минут я чувствовала себя так, словно вернулись прежние дни — только Лисса и я, вдвоем. Когда же она упомянула о Кристиане, а значит, вскоре она покинет меня ради него, в моей душе проснулось темное чувство... И я знала, что это за чувство, хотя мне и неприятно это признавать. Ревность. Естественно, я никак не проявила ее.

— Класс! Чем он заслужил это? Спас сирот из горящего здания? Если так, возникает желание выяснить, не сам ли он поджег его.

Стихия Кристиана — огонь, что вполне соответствует его деструктивной натуре.

Она засмеялась, отвернулась от зеркала и мягко прикоснулась пальцами к моему распухшему лицу.

— Выглядит не так уж плохо.

— Ладно тебе! Я всегда вижу, когда ты лжешь, знаешь ли. И доктор Олендзки говорит, что завтра будет еще хуже. — Я снова откинулась на постель. — И ведь ничем не прикроешь, верно? Нам с Ташей нужно нарядиться в маски в стиле «Призрака оперы».

Она вздохнула и села на постель рядом со мной.

— Жаль, я не могу исцелить твой синяк.

Я улынулась.

— А было бы здорово.

Помимо способности к внушению и харизме, те, кто отмечен духом, умеют исцелять.

— Хотелось бы мне найти другой способ управлять духом... чтобы использовать магию...

— Да. — Я понимала ее жгучее желание помогать людям.

Черт, я тоже не против, чтобы мой синяк исчез в считанные секунды, а не рассасывался несколько дней.

— Я тоже хотела бы этого.

Она снова вздохнула.

— И не потому, что я просто жажду использовать силу духа и помогать окружающим. Я... ну... скучаю по магии. Она здесь, просто блокирована таблетками. И она жжет изнутри, требует выхода. Однако между нами стена. Ты просто не представляешь, каково оно.

— Представляю.

Еще бы. Мало того что я воспринимала ее чувства на расстоянии, иногда у меня получалось даже проникнуть в ее мозг. Подобное трудно объяснить и еще труднее осуществить. Тогда я буквально вижу ее глазами. И не раз я чувствовала эту жгучую потребность, о которой она говорила. Часто она просыпалась ночью, тоскуя по силе, до которой не могла пока дотянуться.

— О да, — удрученно сказала она. — Иногда я об этом забываю.

Чувство горечи переполняло Лиссу. Оно было направлено не столько на меня, сколько на неразрешимость ситуации. Внутри вспыхивали искорки гнева. Ощущение собственной беспомощности нравилось ей так же, как и мне. Гнев и разочарование переплавлялись в нечто мрачное, уродливое.

— Эй! — Я коснулась ее плеча. — Ты в порядке? На мгновение она закрыла глаза и тут же открыла их.

— Ненавижу!

Сила ее чувств напомнила мне о нашем разговоре, происшедшем перед тем, как я уехала в дом Бадика.

— У тебя по-прежнему ощущение, будто действие таблеток слабеет?

— Не знаю. Немного.

— Но ощущение усиливается? Она покачала головой.

— Я по-прежнему не могу использовать магию. Я вроде как ближе к ней... но она все еще недостижима.

— Но ты сама... твоё настроение...

— Да, в этом смысле они действуют. Не волнуйся, — добавила она, заметив выражение моего лица. — Я не вижу никаких странных вещей и не пытаюсь причинить себе вред.

— Хорошо. — Я все еще беспокоилась по этому поводу и потому рада была это слышать. Пусть она по-прежнему не могла дотянуться до магии, мысль об ухудшении ее душевного состояния нравилась мне еще меньше. Я отчаянно надеялась, вдруг ситуация стабилизируется сама собой. — Не забывай, я здесь. Если произойдет что-нибудь странное, ты ведь скажешь

мне, правда?

Темные чувства в ее душе исчезли, и я ощутила странную пульсацию нашей связи. Я не знала, что это такое, но содрогнулась от ее силы. Лисса ничего не заметила. Настроение у нее снова поднялось, и она улыбнулась мне.

— Спасибо, — ответила она. — Обязательно.

Я улыбнулась, радуясь ее возвращению к нормальному состоянию. Мы замолчали, и на краткий миг мне захотелось излить ей свое сердце. Со мной столько всего произошло в последнее время: моя мать, Дмитрий и, конечно, дом Бадика. Я держала все переживания при себе, и они разрывали меня на части. Сейчас, впервые за долгое время почувствовав себя с Лиссой так спокойно, я подумала, что для разнообразия могу позволить ей проникнуть в мои чувства.

Однако, не успев открыть рот, я заметила, как ее настроение изменилось, она стала напряженной и нервной. Ей хотелось о чем-то рассказать, что сильно занимало ее мысли. Вот тебе и излила сердце! Если она хочет поговорить, не стоит грузить ее моими проблемами. Я задвинула их подальше и приготовилась выслушать ее.

— Занимаясь с госпожой Кармак, я обнаружила странное...

— М-м-м?

Мое любопытство мгновенно ожило.

Морои обычно еще в юношеском возрасте определяют, в какой стихии будут специализироваться. После этого их распределяют по классам в соответствии со спецификой стихии. Однако на данный момент Лисса была единственной, чьей специализацией являлся дух, и, соответственно, такого класса не существовало. Большинство полагали, что у нее просто нет никакой специализации, но она и госпожа Кармак — учительница магии в Академии — встречались помимо занятий и искали сведения о духе. Они изучали и современные, и старые записи, находили подсказки, могущие привести к другим, владеющим духом.

— Я не нашла никаких подтверждений о других, но зато обнаружила отчеты о... м-м-м... некотором необъяснимом феномене.

— Какого рода? — удивилась я, поскольку плохо представляла себе, что могут счесть необъяснимым феноменом вампиры.

Когда мы с ней жили с людьми, нас рассматривали как необъяснимый феномен.

— Разрозненные записи... Я прочла об одном парне, который мог заставить других видеть то, чего на самом деле не существовало. Он заставлял верить, будто они видят монстров, или других людей, или еще

что-нибудь.

— Принуждение?

— По-настоящему могущественное принуждение. Я так не могу, а я сильнее — или, точнее, была раньше сильнее. И я знаю по себе, эту силу дает дух...

— И отсюда ты сделала вывод, — закончила я за нее, — создатель иллюзий тоже использовал Дух.

Она кивнула.

— Почему бы тебе не связаться с ним и не выяснить?

— Потому что такой информации нет! Она содержится в тайне. И есть другие, такие же странные. Вроде того типа, который мог физически истощать. Стоящие рядом с ним люди испытывали слабость и теряли силы, а иногда и сознание. А другой мог останавливать в воздухе брошенные в него предметы.

Ее лицо светилось возбуждением.

— Может быть, его стихией был воздух.

— Может быть.

Я чувствовала, какое волнение и любопытство охватили ее. Она отчаянно хотела верить, что не одна такая на свете.

Я улыбнулась.

— Кто знает? У мороев есть Розуэлл — и Зона пятьдесят один — для изысканий. Это просто чудо, что меня до сих пор не взяли на обследование, чтобы разобраться в природе нашей связи.

Лисса решила поддразнить меня.

— Иногда я жалею, что не могу заглянуть в твое сознание. Хотелось бы понять, какие чувства ты испытываешь к Мейсону.

— Он мой друг, — решительно ответила я, удивившись столь резкой смене темы. — Вот и все.

— Раньше ты флиртовала с любым парнем, который подворачивался под руку.

— Эй! — Мне стало обидно. — Я никогда не была настолько скверной.

— Ладно... Может, и нет. Но теперь, похоже, парни тебя вообще не интересуют.

Парни меня очень даже интересовали — ну один парень.

— Мейсон милый, — продолжала она. — И без ума от тебя.

— Да, — согласилась я.

Я вспомнила о том кратком мгновении, когда мы стояли у входа в класс Стэна и Мейсон показался мне сексуальным. Плюс он реально

забавный, и мы прекрасно ладим. Не такая уж плохая перспектива, если заводить речь о бойфрендах.

— Знаешь, вы во многом схожи. Оба делаете то, что не должны.

Я рассмеялась. Это тоже было правдой. Я вспомнила страстное желание Мейсона бросить вызов всем стригоям в мире. Может, я к такому и не готова — несмотря на вспышку в автомобиле, — но отчасти и мной владело безрассудство.

«Может, пора предоставить ему шанс», — подумала я.

Поддразнивать его забавно, и я уже сто лет ни с кем не целовалась. От Дмитрия у меня болело сердце... но, похоже, этим все и ограничится.

Лисса смотрела на меня оценивающим взглядом, как будто знала, о чем я думаю. Ну может, и знала — если не считать всего, связанного с Дмитрием.

— Я слышала, Мередит говорит, ты идиотка, раз не встречаешься с ним. Она говорит, ты слишком хороша для него.

— Что?! Это неправда.

— Эй, это же не мои слова. Как бы то ни было, она сказала, что подумывает сама заполнить его.

— Мейсон и Мередит? — усмехнулась я. — Глупость какая! У них же нет ничего общего.

Мелочно, конечно, но я привыкла к мысли, что Мейсон сходит с ума по мне.

— Ты собственница.

Лисса снова угадала мои мысли, неудивительно, что ее так раздражает моя способность читать ее мысли.

— Совсем чуть-чуть. Она засмеялась.

— Роза, Мейсон там или нет, но тебе определенно нужно начать встречаться с кем-то снова. Здесь полно парней, которые жаждут проводить время с тобой... на самом деле очень симпатичных парней.

Когда дело доходит до мужчин, я не всегда делаю лучший выбор. И снова на меня нахлынуло неодолимое желание поведать Лиссе обо всех своих тревогах. Я так долго не рассказывала ей о Дмитрие, хотя эта тайна сжигала меня изнутри! Лисса ведь моя лучшая подруга. Я могу рассказать ей все, и она не осудит меня. Но, как и чуть раньше, я упустила шанс поделиться с ней тем, что у меня на уме.

Она перевела взгляд на будильник и вскочила с постели.

— Я опаздываю! У меня свидание с Кристианом!

Радость переполняла ее, радость, за которой ощущалось чуть нервное предвкушение. Любовь. Ну что тут поделаешь? Ревность начала поднимать

свою мерзкую голову, но я затолкала ее обратно. Снова Кристиан отбирал Лиссу у меня. Сегодня вечером не получится излить душу.

Мы вышли вместе с Лиссой, и она тут же умчалась, пообещав поговорить со мной завтра. Я поплелась в свой спальный корпус. Оказавшись в комнате, я подошла к зеркалу и застонала, увидев свое лицо. Глаз окружало распухшее темно-багровое пятно. Увлечшись разговором с Лиссой, я почти забыла об инциденте с матерью. Удерживаясь от более близкого разглядывания, я просто стояла и смотрела на свое лицо. Может, это эгоистично, но я знала, что выгляжу хорошо. У меня третий размер груди и тело, которого помогались многие в школе, где девушки в основном худющие, как супермодели. И, как я уже говорила, лицо у меня тоже красивое. В обычный день — на девять очков из десяти, а в удачный на все десять.

Но сегодня? Да... Сегодня я практически в отрицательной зоне. На лыжной базе я наверняка прослышу мифическим чудовищем.

— Мама врезала мне, — сообщила я своему отражению.

Оно ответило мне сочувственным взглядом.

Вздохнув, я решила, что готова лечь. Ничего больше этим вечером делать не хотелось, и, может, дополнительная порция сна ускорит исцеление. Я умылась, расчесала волосы, надела свою любимую пижаму; прикосновение мягкой фланели немного улучшило настроение.

Я складывала рюкзак на завтра, когда благодаря связи с Лиссой на меня обрушился шквал эмоций. Это было так неожиданно, что я не успела отразить его — как будто ураганный ветер сбил меня с ног, и внезапно я больше смотрела не на свой рюкзак. Я оказалась «внутри» Лиссы, воспринимая ее чувства.

Мне стало ужасно неловко.

Потому что Лисса была с Кристианом.

В самом, можно сказать, разгаре.

ВОСЕМЬ

Кристиан целовал ее, и — класс! — вот это был поцелуй. На этот раз он не дурачился. Поцелуи такого рода нельзя видеть детям. Черт, такие поцелуи вообще никому нельзя видеть и тем более сопереживать через духовную связь.

Я уже говорила прежде, такое обычно происходило, когда Лиссой владели сильные эмоции — они как бы втягивали меня внутрь ее головы. Но до сих пор всегда это были негативные эмоции. Она расстроена, или сердита, или угнетена — и я воспринимаю. Но на этот раз? Нет, она не расстроена.

Она была счастлива. Очень, очень счастлива. О господи! Нужно убираться оттуда.

Они находились на чердаке школьной церкви или, как мне нравилось говорить, — в «любовном гнездышке». Раньше оно для каждого из них служило прибежищем, где они могли укрыться от чужих глаз. В конце концов мои голубки решили укрываться там вместе. Поскольку они встречались открыто, я не думала, что теперь они много времени проводят здесь. Может, их притянули сюда воспоминания о прежних днях.

Похоже, они отмечали какое-то празднество. Пыльный чердак озарялся маленькими благовонными свечами, источающими аромат сирени. Лично я побоялась бы расставлять свечи в тесном пространстве, набитом легковоспламеняющимися коробками и книгами, но Кристиан, надо думать, посчитал, что может справиться с любым случайным возгоранием.

В конце концов безумно долгий поцелуй прервался, и они отстранились, чтобы посмотреть друг на друга. Влюбленные лежали на одеялах, расстеленных на полу. Кристиан смотрел на Лиссу, лицо у него было открытое, нежное, бледно-голубые глаза сверкали от бушевающих эмоций. В его глазах явно читалось обожание сродни тому, которое испытываешь, когдаходишь в церковь и опускаешься на колени с благоговением и страхом, поклоняясь высшей силе. Кристиан определенно преклонялся перед Лиссой — на свой лад, но было в его глазах что-то, свидетельствующее о том, что эти двое понимают друг друга так полно, так мощно, что им не требовались слова. Мейсон совсем не так смотрел на меня.

— Как думаешь, мы попадем за это в ад? — спросила Лисса.

Он протянул руку, прикоснулся к ее лицу, повел пальцами по щеке,

шее и двинулся к вырезу шелковой блузки. Она тяжело задышала от прикосновения, нежного и ласкового, воспламенившего в ней сильную страсть.

— За это?

Он поиграл вырезом блузки, лишь чуть-чуть проскользнув пальцами под нее.

— Нет. — Она засмеялась. — За это. — Она повела рукой вокруг. — Это же церковь. Здесь нельзя заниматься... ну такими вещами.

— Неправда, — возразил он, мягко уложив ее на спину и склонившись над ней. — Церковь внизу, а здесь просто хранилище. Бог не против.

— Ты же не веришь в Бога.

Руки Лиссы заскользили по его груди легко и неторопливо, обжигая желанием.

Он счастливо вздохнул, когда пальцы проскользнули под рубашку и прикоснулись к его животу.

— Я готов потакать тебе во всем.

— Сейчас ты скажешь что угодно.

Она помогла ему стащить рубашку, и он, обнаженный по пояс, склонился на Лиссой.

— Ты права, — согласился он и расстегнул пуговицу на блузке.

Всего одну. И снова припал к губам Лиссы в сладком поцелуе. Наконец ему потребовалось вдохнуть, и он продолжил, как будто не было никакого перерыва.

— Скажи, что хочешь услышать, и я произнесу это.

Он расстегнул вторую пуговицу. Лисса рассмеялась.

— Нет ничего, что мне хотелось бы услышать. — Еще одна пуговица оказалась расстегнута. — Говори что пожелаешь — и хорошо, если это окажется правдой.

— Правдой? Ха! Никто не хочет слушать правду. Правда не сексуальна. Но ты... — Расстегнув последнюю пуговицу, он снял с нее блузку. — Ты чертовски сексуальна, чтобы быть реальной.

Он говорил характерным для него насмешливым тоном, но в глазах читалось иное. Я видела всю сцену глазами Лиссы, но могла представить себе, что видел он. Ее гладкую, белую кожу. Стройную талию и бедра. Кружевной белый лифчик. Через нее я чувствовала, что кружева немного колются, но ей было все равно.

Их лица выражали нежность и страстное желание. Я почувствовала, как сердце Лиссы забилося чаще, а дыхание участилось. Мысли исчезли, остались одни эмоции. Кристиан лег на нее, придавив своим телом. Его

губы снова нашли ее рот, язык проник внутрь, и я поняла — пора немедленно обратиться оттуда.

Только сейчас до меня дошло, почему Лисса принарядилась и почему «любовное гнездышко» выглядело словно выставка свечей. Они встречались уже месяц, но наконец дело дошло до секса. Я знала, у Лиссы с ее прежним бойфрендом отношения были близкие. О прошлом Кристиана мне ничего неизвестно, но я искренне сомневалась, что многие девушки пали жертвой его едкого очарования. Однако по тому, что испытывала Лисса, я могла сказать, что все это не имело никакого значения. По крайней мере, в данный момент. В данный момент существовали только они. На долю Лиссы выпало много тревог и несчастий, но она чувствовала сейчас абсолютную уверенность. Этого она хотела. Этого она хотела очень давно — фактически с самого начала их знакомства.

И я не имела права становиться свидетельницей происходящего. Мало удовольствия наблюдать близость других, и уж точно меня не прельщал секс с Кристианом. Подсматривать за Лиссой в такой момент — все равно что лишиться девственности. Но господи, именно из-за Лиссы оказалось так трудно покинуть ее голову. Чем сильнее становились ее эмоции, тем крепче они удерживали меня. Пытаясь оторваться, я сосредоточилась на возвращении в себя, сосредоточилась со всей силой, на которую была способна.

Другие одежды тоже были сброшены...

«Давай, давай!» — подгоняла я себя.

Появился презерватив... О боже мой!

«Ты — самостоятельная личность, Роза. Возвращайся в свою голову».

Их руки и ноги сплелись, тела соединились...

«Сукин...»

Я вырвалась на свободу. Снова оказалась у себя в комнате, но сейчас мне было не до сбора рюкзака. Весь мир казался каким-то искаженным. Я ощущала себя странно оскверненной, почти не понимая, кто я, Роза или Лисса. И еще снова охватило чувство обиды по отношению к Кристиану. Я не ревновала Лиссу, нет, но испытывала сильную душевную боль оттого, что больше не была центром ее мира. Забыв о рюкзаке, я нырнула в постель, обхватила себя руками и свернулась калачиком, пытаюсь унять боль в душе.

Я заснула быстро и, соответственно, проснулась рано. Обычно мне приходилось вытаскивать себя из постели ради дополнительных утренних занятий с Дмитрием, но сегодня я встала настолько рано, что могла первой появиться в гимнастическом зале. Как я и ожидала, мне встретился

Мейсон, направляющийся к учебному зданию.

— Эй, стой! — окликнула я его. — С каких пор ты поднимаешься в такую рань?

— С тех пор, как меня вынудили пересдавать математику, — ответил он, дожидаясь меня и озорно улыбаясь. — Может, стоит и пропустить, чтобы потрепаться с тобой.

Я засмеялась, вспомнив наш разговор с Лиссой. Может, впрямь не ограничиваться с Мейсоном флиртом, а перейти к чему-то посерьезнее?

— Нет уж. У тебя возникнут неприятности, и мне некому будет бросить вызов на горных склонах.

Он, все еще улыбаясь, закатил глаза.

— Это мне некому бросить реальный вызов на горных склонах, припоминаешь?

— Как насчет того, чтобы поспорить на что-нибудь? Или побоишься?

— Осторожнее! — предостерег он. — А то я могу лишить тебя рождественского подарка.

— Ты приготовил мне подарок? Этого я не ожидала.

— Да. Но если продолжишь дерзить, я подарю его кому-нибудь еще.

— Мередит? — поддразнила я.

— Ей с тобой не равняться, и ты знаешь это.

— Даже с синяком под глазом?

Я состроила гримасу.

— Даже с синяками на обоих глазах.

Он окинул меня взглядом, который не был ни поддразнивающим, ни заигрывающим. Это был просто добрый взгляд. Добрый, дружелюбный и заинтересованный. Как будто его реально беспокоило мое состояние. После пережитых в последнее время стрессов приятно чувствовать, когда о тебе беспокоятся. И теперь, смирившись с тем, что Лисса пренебрегает мной, я хотела бы чьего-то внимания.

— Что ты делаешь на Рождество? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Ничего. Мама собиралась приехать, но в последнюю минуту ей пришлось отказаться от этого... Ну, ты понимаешь.

Мать Мейсона была дампиром, но не стражем, она предпочла обзавестись семьей и иметь детей. В результате он довольно часто виделся с ней. Ирония в том, подумалось мне, что моя-то мамочка здесь, хотя, учитывая ее приоритеты, с таким же успехом могла находиться где-то на другом конце света.

— Хочешь провести его со мной? — импульсивно вырвалось у

меня. — Я буду с Лиссой, Кристианом и его тетей. Должно быть весело.

— Правда?

— Очень весело.

— Я спросил не об этом. Я улыбнулась.

— Понимаю. Просто приходи, ладно?

Он отвесил один из своих галантных поклонов, на которые был большой мастер.

— Не сомневайся.

Едва показался Дмитрий, Мейсон тут же ушел. Разговор с Мейсоном вызвал у меня ощущение эйфории и радости. Пока мы беседовали, я и не думала о своем лице. Однако с Дмитрием мне внезапно стало неловко. Я хотела быть в его глазах совершенством и, пока мы входили внутрь, отворачивала лицо, чтобы он видел лишь нормальную его половину. От всего этого настроение стало ухудшаться, и навалились воспоминания о других неприятностях.

Мы вернулись в комнату с манекенами. Он велел просто попрактиковаться в маневрах, которые показывал два дня назад. Радуюсь, что сегодня обойдется без реального боя, я со всем рвением ринулась выполнять поставленную передо мной задачу, демонстрируя манекенам, что произойдет, если они свяжутся с Розой Хэзевей. Я понимала — моя нынешняя воинственность рождена не только желанием хорошо выполнять свою работу. Я была немного не в себе этим утром, вся такая взвинченная, напряженная — из-за вчерашнего боя с матерью и сцены между Лиссой и Кристианом. Дмитрий сидел, не спуская с меня взгляда, время от времени делая критические замечания или советуя, какой тактики лучше придерживаться.

— Твоя прическа, — сказал он в какой-то момент. — Распущенные волосы не просто мешают периферийному зрению, но и предоставляют врагу возможность за них ухватиться.

— Если бы это был настоящий бой, я бы зачесала их вверх, — проворчала я, всаживая кол точно между ребрами манекена. Не знаю, из чего сделаны эти искусственные кости, но работать с ними нелегко. Вспомнив о маме, я усилила нажим. — Просто сегодня их распустила, вот и все.

— Роза! — предостерегающе сказал он, но я продолжала давить. — Роза, остановись! — резко произнес он.

Я отпрянула от манекена, с удивлением обнаружив, что мое дыхание участилось. Видимо, не отдавая себе в этом отчета, я слишком усердно работала. Спина уперлась в стену. Идти было некуда, и я опустила взгляд

на пол, чтобы не глядеть на Дмитрия.

— Посмотри на меня, — приказал он.

— Дмитрий...

— Посмотри на меня!

Что бы ни было раньше между нами, он оставался моим инструктором, и я не могла не выполнить его прямой приказ. Медленно, неохотно я повернулась к нему, все еще слегка наклонив голову вниз, чтобы волосы свисали по сторонам лица. Он встал с кресла, подошел и остановился передо мной.

Поднял руку, чтобы откинуть с лица мои волосы. Потом его рука остановилась — как и мое дыхание. Время нашего взаимного притяжения длилось недолго, было заполнено вопросами и оговорками, но одно я знала совершенно точно: Дмитрию всегда нравились мои волосы. Может, они и сейчас нравились ему. Признаю — у меня и впрямь прекрасные волосы. Длинные, шелковистые, темные. Раньше он время от времени прикасался к ним и советовал ни в коем случае не стричь их коротко, как обычно делают женщины-стражи.

Его рука остановилась, и мир замер, я ждала — что он собирается делать? Спустился, казалось, вечно, он медленно уронил руку. Меня охватило чувство жгучего разочарования — и одновременно я кое-что поняла. Он колебался. Боялся прикоснуться ко мне. Ему пришлось одернуть себя.

Я медленно подняла голову и посмотрела ему в глаза. При этом мои волосы перекинулись за спину — но не все. Его рука снова затрепетала, и во мне вспыхнула надежда, что он все же прикоснется ко мне. Но нет. Мое возбуждение пошло на убыль.

— Больно? — спросил он.

Меня омыл запах его лосьона и пота. Господи, как мне хотелось ощутить его прикосновение!

— Нет, — соврала я.

— Выглядит не так уж плохо. Заживет.

— Ненавижу ее! — сказала я, сама поражаясь тому, как много яда в этих словах.

Даже внезапно снова почувствовав влечение к Дмитрию, я не могла избавиться от злобы по отношению к матери.

— Нет, — сказал он мягко.

— Да,

— У тебя нет времени на ненависть, — по-прежнему мягко напомнил мне он. — Не в нашей профессии. Тебе нужно помириться с ней.

Надо же — Лисса говорила то же самое! К сонму обуревавших меня эмоций добавилось возмущение. Душу начала затоплять тьма.

— Помириться с ней? После того, как она намеренно поставила мне синяк? Почему я единственная, кто понимает, насколько это ненормально?

— Ни в коем случае не намеренно. — Его голос снова обрел твердость. — Несмотря на обиду, ты должна поверить в это. Она не хотела, и, между прочим, позже тем же днем я разговаривал с ней. Она беспокоилась о тебе.

— Ну да, беспокоилась, что ее привлекут к ответственности, обвинив в жестоком обращении с детьми, — проворчала я.

— Тебе не кажется, что сейчас самый подходящий момент в году для прощения?

Я издала громкий вздох.

— При чем тут Рождество? Это моя жизнь. В реальном мире нет места чудесам и доброте.

— В реальном мире ты сама можешь творить чудеса.

Внезапно мое огорчение достигло критической точки, и я с трудом удерживала себя в руках. Я так устала слышать благоразумные, практичные советы всякий раз, когда в моей жизни все шло не так! В глубине души я понимала, что Дмитрий всего лишь хочет помочь мне, но я была не в том состоянии, чтобы воспринимать исполненные благих намерений слова. Мне хотелось одного — чтобы он поддержал меня.

— Ладно, может, ты просто прекратишь все это? — спросила я, уперев руки в бедра.

— Прекращу что?

— Все, что ты говоришь, просто еще один урок жизни. Прямо не человек, а ходячее нравоучение! — Я понимала, что несправедливо изливать свой гнев на него, но не могла остановиться и уже практически кричала. — Клянусь, временами кажется, что тебе просто хочется послушать самого себя! И я знаю, ты не всегда такой. С Ташей, к примеру, ты говорил совершенно нормально. Но со мной? Ты просто выполняешь свой долг, а на самом деле ничуть не заботишься обо мне. Просто вжился в эту тупую роль наставника.

Он смотрел на меня, не в силах скрыть удивления.

— Я не забочусь о тебе?

— Нет. — Это было мелко — очень, очень мелко. И я знала правду — он заботился обо мне и был больше чем просто наставником. Но поделать ничего не могла, меня все несло и несло. Я ткнула его пальцем в грудь. — Я всего лишь еще одна твоя ученица. И ты снова и снова преподносишь

мне уроки жизни, так что...

Рука, которая, как я надеялась, прикоснется к моим волосам, внезапно вскинулась и схватила меня за тычущую в его грудь руку. Он пригвоздил ее к стене, и я с удивлением увидела вспышку эмоций в его глазах. Не совсем гнев... скорее в некотором роде разочарование.

— Не смей рассуждать о том, что я чувствую, — проворчал он.

И тут я поняла, что половина сказанного мной правда. Он почти всегда был спокоен, всегда прекрасно владел собой — даже во время боя. Однако как-то он рассказывал мне, что однажды обругал и избил своего отца-мороя. Когда-то он был почти такой же, как я, — всегда на грани необдуманных поступков.

— Вот оно, да? — спросила я.

— Что?

— Тебе всегда приходится сражаться за контроль над собой. Ты такой же, как я.

— Нет. Я умею сохранять контроль над собой.

Это новое понимание придало мне смелости.

— Нет. Не умеешь. Ты делаешь вид, что все в порядке, и большую часть времени действительно владеешь собой. Но иногда у тебя не получается. А иногда... — Я наклонилась вперед и понизила голос: — Иногда ты не хочешь, чтобы получалось.

— Роза...

Его дыхание участилось, не сомневаюсь, сердце у него колотилось так же бешено, как мое. И он не отодвинулся. Я понимала, это неправильно — знала все логические причины, не позволяющие нам быть вместе. Но в тот момент мне было все равно. Я не хотела владеть собой, не хотела быть хорошей.

Прежде чем он понял, что происходит, я поцеловала его. Наши губы встретились, он ответил на мой поцелуй, и я поняла, что была права. Он буквально прижал меня к стене, все еще удерживая мою руку, но другая его рука скользнула к моему затылку, зарылась в волосы. В нашем поцелуе было так много всего: гнев, страсть, освобождение...

Он первый оторвался от меня и отступил на несколько шагов с потрясенным видом.

— Не делай больше этого, — сухо сказал он.

— Тогда не отвечай на мой поцелуй, — парировала я.

Он смотрел на меня, казалось, целую вечность.

— Я не говорю нравоучения, желая послушать самого себя. И ты для меня не просто ученица. Все, что я делаю, имеет одну цель — научить тебя

самоконтролю.

— Огромный труд, без сомнения, — с горечью сказала я.

Он на мгновение закрыл глаза, выдохнул, пробормотал что-то по-русски и, не взглянув на меня, покинул комнату.

ДЕВЯТЬ

Какое-то время после этого я не видела Дмитрия. Позже в тот день он прислал сообщение, в котором предлагал отменить два последующих занятия, поскольку пора готовиться к отъезду из кампуса. Уроки практически подошли к концу, говорил он, в таких условиях небольшой перерыв в тренировках вполне обоснован. Хилое оправдание, и я понимала, не в этом истинная причина отмены занятий. Если он настроен избегать меня, я бы предпочла, чтобы он сослался на то, что ему и другим стражам нужно обеспечивать повышенную безопасность мороев или практиковаться в секретных упражнениях ниндзя.

Что бы он там ни придумал, я понимала — он избегает меня из-за поцелуя. Треклятого поцелуя! Я не сожалела о нем... ну почти. Один бог знает, как сильно мне хотелось поцеловать Дмитрия. Но причины, которые подтолкнули меня к выходке... ну неправильные. Я поступила так, потому что была огорчена, разочарована и просто хотела доказать, что могу это сделать. Я ужасно устала быть правильной и благоразумной! В последнее время я изо всех сил старалась контролировать себя, но, по-видимому, у меня плохо получалось.

Я не забыла объяснений, которые он когда-то дал мне, — мы не можем быть вместе не только из-за разницы в возрасте. Главное, отношения сказались бы на нашей работе. Подтолкнув его к этому поцелую... ну я тем самым раздувала пламя проблемы, которая в конечном счете могла плохо обернуться для Лиссы. Мне не следовало так поступать. Вчера я была неспособна остановиться. Сегодня разум мой прояснился, и я понимала, что натворила.

В утро Рождества мы встретились с Мейсоном. Хорошая возможность выкинуть из головы Дмитрия. Мне нравился Мейсон... сильно нравился. И я ведь не собиралась сбегать с ним и выходить за него замуж. Как сказала Лисса — для меня полезно просто снова начать встречаться с кем-то. Таша была хозяйкой на нашем позднем рождественском завтраке, который организовала в просторном зале дома, предназначенного для гостей Академии. По всей школе кипела бурная деятельность, устраивались вечеринки, ноя обратила внимание, что присутствие Таши всегда создавало определенную дисгармонию. Люди либо тайно разглядывали ее, либо быстро уходили, избегая встречи. Иногда она вела себя с ними вызывающе, иногда старалась не попадаться на глаза. Сегодня она предпочла держаться

в стороне от представителей других королевских семей и просто получать удовольствие от маленькой, частной встречи с теми, кто не избегал ее.

Дмитрий тоже был приглашен, и моя решимость заметно поколебалась, когда я увидела его. Он принарядился ради встречи. Ладно, может, «принарядился» — слишком сильно сказано, но сейчас он был ближе к этому, чем когда-либо. Обычно он одевался совсем просто... типа как если бы в любой момент мог кинуться в бой. Сегодня темные волосы были связаны сзади, как будто он сознательно старался придать им аккуратный вид. На нем были обычные джинсы и кожаные ботинки, но вместо футболки черный свитер прекрасной вязки. Обычный свитер, не от какого-нибудь известного модельера и не безумно дорогой, но он придавал ему легкий налёт изысканности. И господи, как же свитер шел ему!

Дмитрий никак не выражал недовольства моим присутствием, но явно не собирался общаться со мной. Зато с Ташей он разговаривал, и я зачарованно смотрела, как они беседуют в непринужденной манере. Теперь я уже знала, что его добрый друг был дальним родственником Таши, вот так они и познакомились.

— Пять? — удивленно спросил Дмитрий, они обсуждали детей общего друга. — Я не слышал об этом.

Таша кивнула.

— Прямо безумие какое-то. Клянусь, интервал между детьми у нее не больше шести месяцев. Она невысокого роста... ну и просто становится все толще и толще.

— Когда я впервые встретил его, он клялся, что вообще не хочет никаких детей.

Она восхищенно распахнула глаза.

— Знаю! Прямо не верится! Ты бы видел его сейчас. Он просто тает при виде ребят. Я даже не всегда его понимаю. Клянусь, его разговор больше похож на детский лепет, чем на обычную речь.

На губах Дмитрия заиграла улыбка, что было для него большой редкостью.

— Ну... дети так воздействуют на взрослых.

— Вот уж чего представить не могу, так чтобы такое случилось с тобой. — Она рассмеялась. — Ты настоящий стойк, всегда. Конечно... думаю, иногда и ты лепечешь, как ребенок, по-русски, но этого никто никогда не слышит.

Тут они оба рассмеялись, а я отвернулась. Хорошо, что Мейсон здесь — по крайней мере, есть с кем поговорить. А мне требовалось отвлечься: мало того что Дмитрий игнорировал меня, так еще и Лисса с Кристианом

полностью погрузились в собственный мир. По-видимому, от секса их любовь лишь окрепла. Я даже спрашивала себя, удастся ли мне хоть немного пообщаться с Лиссой на лыжной базе. В какой-то момент она оторвалась от него, чтобы вручить мне рождественский подарок.

Я открыла коробку, заглянула внутрь и увидела нитку бусин густого красно-коричневого цвета, издающих сильный запах роз.

— Что это...

Я подняла нитку. С одного ее конца свешивалось тяжелое золотое распятие. Лисса подарила мне четки.

— Хочешь обратить меня? — с кривой улыбкой спросила я.

Лисса верила в Бога и регулярно посещала церковь. Как и многие моройские семьи, вышедшие из России и Восточной Европы, она была ортодоксальной христианкой.

Я? Ну, меня скорее можно, назвать ортодоксальным агностиком. Я считаю, что Бог, скорее всего, существует, но вникать в суть этой проблемы не имею ни времени, ни желания. Лисса уважала мою позицию и никогда не навязывала мне свою веру. В свете этого ее подарок выглядел... ну странным.

— Переверни распятие, — сказала она, явно забавляясь моим потрясенным видом.

Я так и сделала. На обратной стороне креста в золоте был вырезан дракон в венке из цветов. Герб Драгомиров. Я в полном недоумении посмотрела на нее.

— Это фамильная ценность, — объяснила она. — Один из папиных друзей сохранил коробки с его вещами. Четки лежали там. Когда-то они принадлежали стражу моей прапрабабушки.

— Лиссе... — Теперь четки приобрели совсем новый смысл. — Я не могу... Ты не можешь подарить мне такую вещь.

— Ну, я определенно не могу оставить ее у себя. Она предназначена для стража. Моего стража.

Я обвила нитку вокруг запястья. Прикосновение креста к коже вызывало ощущение холода.

— Знаешь, — поддразнила ее я, — существует большая вероятность, что меня вышибут из школы прежде, чем я стану твоим стражем.

Она улыбнулась.

— Ну, тогда ты вернешь их мне.

Все засмеялись. Таша начала говорить что-то, но взглянула на дверь и оборвала себя.

— Джанин!

Там стояла моя мать, и выглядела она жестче и невозмутимее, чем когда-либо.

— Извини, что опоздала, — сказала она. — Надо было закончить одно дело.

Дело. Как всегда. Даже на Рождество.

Воспоминания о нашем «бое» нахлынули на меня, кровь прилила к щекам, живот свело. Она ми разу не попыталась связаться со мной со времени этого происшествия два дня назад, даже когда я лежала в больнице. Никаких извинений. Вообще ничего. Я стиснула зубы.

Она подсела к нам и вскоре включилась в разговор. Я уже давно обнаружила, что она может обсуждать лишь одну тему: работу стража. Интересно, есть у нее хоть какое-то хобби? Поскольку нападение на семью Бадика было у всех на уме, она принялась описывать похожее сражение, в котором принимала участие. К моему ужасу, Мейсон впитывал каждое ее слово, точно губка.

— Ну, обезглавливание — не такое легкое дело, как кажется, — характерным для нее сухим, прозаичным тоном говорила она. Я никогда и не думала, что это легко, но она, по-видимому, полагала, будто все уверены, будто это раз плюнуть. — Нужно перерубить спинной мозг и сухожилия.

Благодаря нашей связи я почувствовала, что Лиссу начало подташнивать. Такие жуткие разговоры не для нее.

Глаза Мейсона вспыхнули.

— Каким оружием лучше всего делать это?

Мать задумалась.

— Топором. Он тяжелый.

Иллюстрируя свои слова, она с силой взмахнула рукой.

— Круто, — сказал Мейсон. — Господи, надеюсь, мне позволят носить топор.

Комическая и нелепая идея, поскольку топор — не то оружие, которое таскают с собой. Мелькнувший образ Мейсона, идущего по улице с топором на плече, слегка улучшил мое настроение. Увы, это длилось совсем недолго.

По правде говоря, я ушам своим не верила, что мы на Рождество ведем такой разговор. Присутствие матери всему придавало мрачный характер. По счастью, встреча вскоре закончилась. Кристиан с Лиссой ушли по своим делам, Дмитрию и Таше, по-видимому, тоже было чем заняться. Мы с Мейсоном уже подходили к своему спальному корпусу, когда моя мать нагнала нас.

Никто не произнес ни слова. Звезды усыпали ночное небо, яркие и

резкие, их блеск был под стать сверканию льда и снега вокруг. На мне была парка цвета слоновой кости, подбитая искусственным мехом. Она хорошо согревала тело, хотя не защищала от порывов холодного, обжигающего лицо ветра. Все время, пока мы шли, я ждала, что мать свернет туда, где жили стражи, но она вместе с нами вошла в спальный корпус.

— Я хотела бы поговорить с тобой, — в конце концов сказала она.

Я мгновенно насторожилась. Что еще я натворила?

Больше она не добавила ни слова, но Мейсон мгновенно понял намек. Он тактичен, хотя в данный момент я пожалела, что он такой. И еще мне показалось, есть оттенок иронии в том, что он, жаждущий сразиться со всеми стригоями в мире, боится моей матери.

Он бросил на меня извиняющийся взгляд.

— Эй, мне нужно кое-куда заглянуть. Увидимся позже.

Я с сожалением проводила его взглядом, от всего сердца желая броситься следом. Скорее всего, попытаюсь я сбежать, мамочка заблокировала бы меня захватом и подбила второй глаз. Переминаясь с ноги на ногу, я смотрела куда угодно, только не на нее и ждала, пока она заговорит. Уголком глаз я заметила, как люди поглядывают на нас. Похоже, всем на свете известно, что это она поставила мне синяк; я внезапно почувствовала, что не хочу выслушивать ее лекцию в присутствии свидетелей.

— Хочешь... м-м-м... пойдем в мою комнату? — спросила я.

Она выглядела удивленной, почти колеблющейся.

— Хорошо.

Я повела ее наверх, стараясь держаться на безопасном расстоянии. Между нами возникли неловкость и напряжение. Войдя в комнату, она не сказала ничего, но внимательно все осмотрела, как будто тут могли прятаться стригои. Я села на постель, не зная, что делать, она расхаживала по комнате. Провела пальцами по стопке книг касательно поведения животных и эволюции.

— Это для школы? — спросила она.

— Нет. Мне просто интересно, вот и все. Она вскинула брови. Для нее это была новость.

Но как иначе? Она вообще ничего не знала обо мне. Она продолжала осмотр, останавливаясь, чтобы изучить всякие мелочи, которые, по-видимому, удивляли ее применительно ко мне. Фотография, сделанная на Хеллоуин, где мы с Лиссой в костюмах фей. Упаковка фруктовых пирожков. Казалось, мать встретилась со мной впервые в жизни.

Внезапно она повернулась и протянула ко мне руку.

— Вот.

Вздвигнув, я подставила свою ладонь. В руку упало что-то прохладное. Округлый брелок, совсем маленький, не больше десятицентовой монеты в диаметре. На серебряном основании крепился плоский диск из концентрических стеклянных кружков. Нахмурившись, я провела пальцем по его поверхности. Странно, но круги придавали брелку сходство с глазом. Внутренний круг был крошечный, словно зрачок, темно-голубой, но выглядел черным. Следующий за ним — бледно-голубой, а его окружал белый. Наружный круг выглядел как очень тонкое кольцо темно-голубого цвета.

— Спасибо. Я... Мне нечего подарить тебе. Подарок был странный, какого черта она дарит мне глаз? Но все же подарок. Она кивнула, лицо снова бесстрастное и равнодушное.

— И прекрасно. Мне ничего не надо.

Она отвернулась и продолжила ходить по комнате. Места здесь было немного, но из-за невысокого роста она могла делать маленькие шажки. Каждый раз, когда она проходила мимо окна над постелью, свет падал на темно-рыжие волосы. С любопытством наблюдая за ней, я поняла, что она нервничает не меньше меня.

Наконец она остановилась и посмотрела на меня.

— Как твой глаз?

— Лучше.

— Хорошо.

Она открыла рот, и я почувствовала, что она на грани того, чтобы извиниться. Но она промолчала.

Вместо этого она снова принялась расхаживать. Я поняла, что не могу больше оставаться в бездействии, и начала убирать свои подарки. Этим утром я получила много милых вещей. Одна из них — шелковое платье от Таши, красное, украшенное вышитыми цветами. Мать смотрела, как я вешаю его в свой маленький шкаф.

— Очень мило со стороны Таши.

— Да, — бросила я. — Я не знала, что она сделает мне подарок. Она мне нравится.

— Мне тоже.

Я удивленно отвернулась от шкафа и посмотрела на маму. Ее удивление было зеркальным отражением моего. Если бы не моя постоянная настороженность в отношении нее, я сказала бы, что мы впервые сошлись в чем-то. Может, рождественские чудеса и впрямь случаются.

— Страж Беликов — подходящая пара для нее.

— Дмитрий? — Я удивленно подняла бровь. О чем она говорит?

— Страж Беликов, — строго повторила она, явно не одобряя моей фамильярности в отношении наставника.

— В каком... В каком смысле пара? Она вскинула бровь.

— Ты не слышала? Она попросила его быть ее стражем — поскольку у нее нет ни одного.

Я почувствовала себя так, словно она снова меня ударила.

— Но он... уже назначен. Защищать Лиссу.

— Это может быть пересмотрено. И независимо от репутации Озера... она ведь по-прежнему принадлежит королевской семье. Если она поднажмет, то добьется своего.

Я тупо уставилась в пространство.

— Ну, я полагаю, они друзья.

— Более чем — или, по крайней мере, могут стать.

Бам! Новый удар.

— Что?

— М-м-м... Ну, она... проявляет к нему интерес. — Судя по тону матери, для нее романтические проблемы никакого интереса не представляли. — Она хочет иметь детей-дампиров, так что, если он станет ее стражем, они в конце концов смогут... м-м-м... договориться.

О мой бог!

Время остановилось.

Сердце тоже перестало биться.

До меня дошло, что мать ждет ответа. Она стояла, прислонившись к столу, и смотрела на меня. Может, она и способна затравить стригоя, но о моих чувствах не догадывалась.

— И... И что? Он согласен? Стать ее стражем? — запинаясь, спросила я.

Мама пожала плечами.

— Пока, по-моему, нет, но согласится, конечно. Прекрасная возможность.

— Конечно, — эхом повторила я.

С какой стати Дмитрию отказываться от роли стража своей подруги и от возможности иметь ребенка?

По-моему, мама говорила что-то еще, но я ничего не слышала. Я думала о том, как Дмитрий покидает Академию, покидает меня. Думала о том, как хорошо ладят друг с другом он и Таша. И тут воображение сорвалось с цепи. Перед моим внутренним взором разворачивались сцены будущего. Таша и Дмитрий вместе. Ласкают друг друга. Целуются.

Обнаженные. Ну и все такое прочее...

Я плотно зажмурилась на мгновение и снова открыла глаза.

— По правде говоря, я устала.

Мама остановилась посреди фразы, я понятия не имела, о чем она перед этим говорила.

— Я действительно устала, — повторила я. Голос мой звучал глухо и опустошенно; никаких эмоций.

— Спасибо за глаз... м-м-м... за подарок, но если не возражаешь...

Мать удивленно и озадаченно смотрела на меня. Потом мгновенно приняла непроницаемый вид. До этого момента я не осознавала, в какой степени она утратила контроль. Пусть и на короткое время, она позволила себе стать уязвимой со мной. Теперь эта уязвимость исчезла.

— Конечно, — сухо ответила она. — Я не хочу докучать тебе.

Мне хотелось объяснить ей свое поведение.

Хотелось сказать, что я выгоняю ее не по какой-то личной причине. И еще поведать ей, как я мечтала, чтобы она была доброй, понимающей матерью, которой можно довериться. Матерью, с которой легко обсуждать даже любовные переживания. В общем, такой, какой все вокруг представляют себе мать.

Господи! На самом деле я хотела поговорить об этом хоть с кем-нибудь, в особенности сейчас. Но я чувствовала себя раздавленной, не могла произнести ни слова. Как будто у меня выдрали сердце и швырнули его в дальний угол комнаты. В груди возникла жгучая, мучительная боль. И пустота, которая, казалось, никогда не заполнится. Одно дело — смириться с тем, что я не могу больше быть с Дмитрием, и совсем другое — узнать, что мое место займет другая женщина. Я молчала, просто утратила дар речи.

Злость вспыхнула в глазах матери, она поджала губы с характерным для нее выражением недовольства. После чего без единого слова развернулась и вышла, хлопнув дверью. Хлопанье дверью часто бывало и моим приемом. Полагаю, некоторые гены у нас действительно общие. Однако я почти мгновенно забыла о ней. Просто сидела и думала. Думала и воображала. Так практически я провела всю оставшуюся часть дня. Пропустила обед. Поплакала. Но в основном сидела на постели, все глубже погружаясь в депрессию. Представлять Дмитрия и Ташу вместе — ужасно, но, как выяснилось, еще хуже вспоминать, как мы с ним были вместе. Никогда больше он не прикоснется ко мне так, никогда не поцелует снова... Это было худшее Рождество в моей жизни.

ДЕСЯТЬ

Поездка на лыжную базу приближалась. Выкинуть из головы всю эту историю с Дмитрием и Ташей оказалось выше моих сил, но, по крайней мере, сбор вещей и другая подготовка к поездке помогли немного отвлечься. Когда дело касалось нашей безопасности, Академия проявляла особую заботливость, иногда это сулило приятные сюрпризы. Так, Академия имела в своем распоряжении два частных самолета. „Следовательно, стригои не смогут напасть на нас ни в каком аэропорту, и мы будем путешествовать с шиком. Самолеты поменьше коммерческих, но удобные и просторные. Сиденья откидывались назад — ложись и спи. Если перелет предстоял долгий, можно было смотреть фильмы, для чего в спинку соседнего кресла вмонтировали маленькие пульта управления. Иногда нам даже подавали какую-нибудь необычную еду. Я была готова поспорить, однако, что этот перелет слишком короток для кино и обеда.

Мы отбыли поздним вечером двадцать шестого. Поднявшись на борт самолета, я поискала взглядом Лиссу, потому что хотела поговорить с ней; после рождественского завтрака мы практически не общались. И не удивилась, увидев, что она сидит рядом с Кристианом и вид у них такой, будто они отнюдь не жаждут чьего-то присутствия. Слышать их разговор я не могла, но Кристиан обнимал ее за плечи и светился от радости. Я по-прежнему считала — он не в состоянии позаботиться о ней так, как я, но признавала, что он делал ее счастливой. Я выдавила улыбку, кивнула им и прошла по проходу туда, откуда мне махал Мейсон. По дороге миновала сидящих рядом Ташу и Дмитрия, но сознательно проигнорировала их.

— Привет.

Я опустилась в кресло рядом с Мейсоном. Он улыбнулся мне.

— Привет. Ну как, готова к лыжным гонкам?

— Как никогда.

— Не волнуйся, — подмигнул он. — Я буду тактичен с тобой.

Я усмехнулась и откинула голову на спинку сиденья.

— По-моему, ты бредишь.

— Благоразумные парни такие скучные.

К моему удивлению, он накрыл мою руку своей. Кожа у него была теплая, я почувствовала легкое покалывание от его прикосновения. Это испугало меня. До сих пор я считала, что Дмитрий единственный, вызывающий у меня такую реакцию.

«Пора идти вперед, — подумала я. — Дмитрий, очевидно, так и поступает. И мне давным-давно следовало».

Я переплела свои пальцы с пальцами Мейсоиа, и этот жест застал его врасплох.

«Наверное, будет забавно».

Так оно и оказалось.

Я постоянно старалась напоминать себе, что мы здесь из-за случившейся трагедии, а где-то есть стригои и люди, готовые нанести удар. Но остальные словно начисто обо всем забыли. Лыжная база оказалась потрясающей. Внешне она выглядела как бревенчатый дом, но где вы видели дом, способный вместить сотни людей и создать им невероятно роскошные условия? Трехэтажное отсвечивающее золотом деревянное строение разместилось среди высоких сосен. Окна большие, с изящным арочным верхом и, естественно, затененные для удобства мороев. Хрустальные светильники — электрические, по форме напоминающие фонари, — висели у всех входов, дом сверкал, словно усыпанный драгоценными камнями.

Нас окружали горы, мое обостренное зрение едва различало их ночью, но я готова была поспорить — при свете дня вид будет изумительный. С одной стороны дома располагалось собственно место для катания на лыжах — крутые холмы, лыжные трассы, подъемники и буксирные тросы. С другой стороны — восхитительный каток. Рядом с ним тянулись пологие холмы для катания на санях. И это лишь то, что имелось снаружи.

Внутри все было обустроено для удовлетворения любых нужд мороев. Конечно, «кормильцы», двадцать четыре часа в сутки готовые к услугам. Катание в ночном режиме. Защитные кольца вокруг базы и стражи повсюду. Все, что может пожелать живой вампир. В главном вестибюле со сводчатого потолка свешивалась огромная люстра. Пол выложен мраморными плитами, образующими сложный узор, за конторкой круглые сутки сидел портье, готовый удовлетворить любые желания. Остальная часть базы — коридоры и комнаты отдыха — были выдержаны в красно-черно-золотистых тонах. Темно-красный цвет доминировал над остальными, и я невольно задавалась вопросом, случайно ли это сходство с кровью. Стены украшали зеркала и произведения искусства, здесь и там стояли маленькие декоративные столики, на них вазы с бледно-зелеными в фиолетовых крапинках орхидеями, наполняющие воздух острым ароматом.

Комната, предназначенная для нас с Лиссой, была больше, чем обе комнаты в Академии, вместе взятые, и отделана так же богато, как вся база.

Плюшевый ковер отличал такой толстый ворс, что я прямо у входа

скинула туфли и прошлась босиком, наслаждаясь тем, как мягко моим ногам. Две огромные кровати покрывали пуховые одеяла, и на них было так много подушек, что, клянусь, человек мог навсегда затеряться среди них. Застекленные двери вели на просторный балкон, и это было бы круто, учитывая, что мы располагались на верхнем этаже, если бы не мороз снаружи. В дальнем конце балкона стояла ванна для двоих, но, на мой взгляд, она вряд ли была актуально в такой мороз.

Утопая в роскоши, я достигла той стадии перегруженности впечатлениями, когда все начинает сливаться вместе. Ванна из черного мрамора. ТВ с плазменным экраном. Корзинка с шоколадом и другими сладостями. Когда мы наконец решили пойти покататься, мне определенно не хотелось покидать комнату. По-моему, я с огромным удовольствием провела бы все каникулы, не высовывая отсюда носа.

Тем не менее мы в конце концов выбрались наружу, и, каким-то образом сумев выкинуть из головы Дмитрия и мать, я начала получать удовольствие. Помогло то, что база оказалась обширна и шансы встретиться с ними были невелики. Впервые за несколько недель я смогла полностью сосредоточиться на Мейсоне и осознала, насколько он компанейский человек. И с Лиссой я общалась больше, чем когда-либо за последнее время, отчего мое настроение тоже улучшилось.

Лисса, Кристиан, Мейсон и я — получилось что-то вроде двух пар. Почти весь первый день мы катались на лыжах, хотя двум мороям среди нас пришлось трудновато. Учитывая наши с Мейсоном бесконечные тренировки, ни он, ни я не боялись рискованных спусков. Состязательная природа подталкивала нас выписывать немыслимые виражи, чтобы превзойти друг друга.

— Вы, ребята, прямо самоубийцы, — в какой-то момент заметил Кристиан.

Уже стемнело, и фонари на высоких столбах освещали его пораженное лицо.

Он и Лисса ждали у основания холма, глядя, как мы с Мейсоном спускаемся на безумной скорости. Где-то в глубине души я понимала, что это опасно, что Дмитрий посоветовал бы мне постараться сдерживать себя, но безрассудство оказалось сильнее. Темный всплеск мятежности не позволял отступить.

Сделав резкий поворот, мы остановились, веером рассыпая снег.

— Ну, это просто разминка, — с ухмылкой сказал Мейсон. — В смысле, Роза оказалась в состоянии все время держаться вровень со мной. Невинная забава.

Лисса покачала головой.

— Вам не кажется, что вы заходите слишком далеко?

Мы с Мейсоном посмотрели друг на друга.

— Нет.

— Ну, вы как хотите, а мы возвращаемся, — заявила Лисса. — Постарайтесь не сломать себе шею.

Они с Кристианом ушли, рука об руку. Проводив их взглядом, я повернулась к Мейсону.

— Я готова продолжить. А ты?

— Да уж не сомневайся.

Мы поднялись на вершину холма. Приготовившись скатиться вниз, Мейсон спросил:

— Как насчет вот этого? Видишь? Сначала кочки, перевал через гребень с разворотом на сто восемьдесят градусов, чтобы не врезаться вон в те деревья, а потом вниз.

Я проследила взглядом в том направлении, куда указывал его палец: один из самых длинных склонов, трасса очень неровная.

— Это и вправду безумие, Мейсон, — нахмурившись, ответила я.

— Ах! — воскликнул он победоносно. — Она в конце концов спеклась.

— Ничего не спеклась. — Бросив еще один взгляд на головокружительный спуск, я сдалась. — Ладно. Пошли.

Он взмахнул рукой.

— Ты первая.

Я вдохнула побольше воздуха и ринулась вниз. Лыжи гладко скользили по снегу, яростный ветер бил в лицо. Первый прыжок прошел точно и чисто, но дальше скорость так сильно возросла, что до меня по-настоящему дошло, насколько опасна наша забава. На то, чтобы принять решение, было мгновение... нет, крошечная доля мгновения. Если я отступлю, Мейсон продолжит куражиться — а мне действительно хотелось натянуть ему нос. Если я сумею проделать этот чертов спуск, то моя чудовищная репутация будет подтверждена. Но если попытаюсь и не справлюсь... то действительно могу сломать себе шею.

Голос, подозрительно похожий на голос Дмитрия, зазвучал в голове, напоминая о необходимости понимать, когда требуется проявить самообладание и сделать мудрый выбор. Я решила проигнорировать этот голос и ринулась дальше.

Трасса была в точности такая трудная, как я опасалась, но я прошла ее без сучка без задоринки, один резкий, опасный разворот за другим,

вздымая фонтаны снега. Благополучно спустившись, я посмотрела вверх и увидела, что Мейсон стоит, неистово жестикулируя. Разглядеть выражение его лица или расслышать слова я не могла, но представляла, что он разразился приветственными криками. Я помахала в ответ и стала ждать, пока он спустится.

Увы... На полпути вниз Мейсон не справился с одним из прыжков. Его лыжи сцепились, ноги нелепо изогнулись, и он упал.

Я добралась до него одновременно со служителями лыжной базы. Ко всеобщему облегчению, Мейсон не сломал ни шею, ни что-нибудь еще. Тем не менее сильно растянул щиколотку и, скорее всего, до конца каникул утратил возможность кататься на лыжах.

Пылая яростью, подбежала одна из инструкторов, наблюдающих за склонами.

— О чем вы только думаете, ребята? — набросилась она на нас и повернулась ко мне. — Я просто глазам своим не верила, глядя на твои трюки! — Она снова перевела взгляд на Мейсона. — А тебе, конечно, непременно хотелось повторить ее «подвиг»!

Я хотела возразить, что это вообще-то была его идея, но в тот момент не имело значения, кто виноват. Я просто радовалась, что все обошлось. Однако, когда мы оказались «дома», меня начало грызть чувство вины. Я вела себя безответственно. Что, если бы он серьезно пострадал? Ужасные видения заплясали перед моим внутренним взором. Мейсон со сломанной ногой... со сломанной шеей...

О чем только я думала? Никто не заставлял меня спускаться по трассе. Мейсон предложил, да... но я же не воспротивилась. А ведь могла. Скорее всего, Мейсон стал бы насмехаться надо мной, но он в достаточной мере сходил по мне с ума, чтобы с помощью какой-нибудь женской уловки я смогла остановить его издевки. Я оказалась неспособна устоять перед ощущением восторга и риска — в точности как когда целовала Дмитрия, — не задумываясь о последствиях, потому что где-то внутри все еще таилось это импульсивное желание быть необузданной, полностью раскрепощенной. Мейсоном оно тоже владело, его желание воззвало к моему и...

После того как он оказался в безопасности на базе и приложил лед к щиколотке, я понесла наше снаряжение наружу, на склад. Возвращаясь, я вошла через другую дверь. Этот вход находился на большой открытой галерее с резными деревянными перилами. Галерея была встроена в горный склон, и с нее открывался потрясающий вид на окрестные горы и долины — если, конечно, вы в состоянии простоять на морозе достаточно

долго, чтобы восхититься им. Большинство людей явно неспособны на подобный подвиг.

Я поднялась по ступенькам на галерею, громко топая, чтобы стряхнуть снег с ботинок. В воздухе ощущался густой аромат, одновременно острый и сладковатый. В нем чувствовалось что-то знакомое, но не успела я идентифицировать его, как внезапно из темноты ко мне обратился голос:

— Привет, маленькая дампирка.

Я вздрогнула, сообразив, что на галерее кто-то стоит. Неподалеку от двери к стене прислонился парень... морой. Он поднес ко рту сигарету, глубоко затянулся, бросил ее на пол, затоптал окурочек и криво улыбнулся мне. Вот что это за запах, поняла я. Сигареты с гвоздикой. Насторожившись, я остановилась, скрестив на груди руки и разглядывая его. Он был ниже Дмитрия, но не такой худой, как многие моройские парни. Длинное темно-серое пальто — скорее всего, из безумно дорогой смеси шерсти и кашемира — сидело на нем исключительно хорошо, и кожаные ботинки тоже свидетельствовали о больших деньгах. Темно-каштановые волосы выглядели взъерошенными, но чувствовалось, им сознательно придали такой вид, а глаза у него были не то голубые, не то зеленые — не хватало света разглядеть. Лицо привлекательное, и, по моим прикидкам, он был на пару лет старше меня. Выглядел он так, словно сбежал с какого-то званого обеда.

— Да? — спросила я.

Его взгляд пробежал по моему телу. Я привыкла к вниманию со стороны морейских парней, хотя оно не так откровенно проявлялось. И обычно я не была закутана в зимнюю одежду и синяк под глазом не красовался.

— Просто сказал «привет», вот и все.

Я думала, за этим что-то последует, но он лишь сунул руки в карманы пальто. Я пожала плечами и сделала пару шагов вперед.

— Знаешь, ты хорошо пахнешь, — неожиданно сказал он.

Я снова остановилась и недоуменно посмотрела на него, отчего его кривая улыбка стала еще шире.

— Я... м-м-м... что?

— Ты пахнешь хорошо, — повторил он.

— Шутка?

Я истекала потом весь день. Это отвратительно, он наверняка издевался.

Я хотела продолжить путь, но в этом парне было что-то фантастически неотразимое, как крушение поезда. Он не показался мне привлекательным

per se,^[4] просто внезапно захотелось поговорить с ним.

— Пот — не такая уж плохая вещь. — Он прислонился затылком к стене и задумчиво смотрел вверх. — Самые запоминающиеся жизненные моменты сопровождаются выделением пота. Да, если его слишком много и он давнишний и затхлый, то это пошло. Но пот прекрасной женщины... Он хмельной. Если бы ты обладала восприятием вампира, то понимала бы, о чем я говорю. Большинство людей все портят, заливая себя духами. Духи, может, и неплохо... в особенности соответствующие твоему природному запаху. Но лично тебе нужно их совсем чуть-чуть. Смесь из двадцати процентов духов и восьмидесяти процентов твоего пота... м-м-м... — Он склонил голову набок и посмотрел на меня. — Чертовски сексуально.

Я внезапно вспомнила Дмитрия и его лосьон после бритья. Да, чертовски сексуально, но, конечно, обсуждать это с незнакомым парнем я не собиралась.

— Ну, спасибо за урок гигиены, — сказала я. — Но у меня нет никаких духов, и я собираюсь принять душ и смыть с себя пот. Извини.

Он достал пачку сигарет и предложил мне. При этом он сделал всего шаг в мою сторону, но я почувствовала исходящий от него запах чего-то еще... Алкоголь. Я покачала головой, отказываясь от сигареты, и он вытряхнул одну для себя.

— Плохая привычка, — заметила я, глядя, как он прикуривает.

— Одна из многих. — Он глубоко затянулся. — Ты из Святого Владимира?

— Ага.

— Значит, будешь стражем, когда закончишь Академию.

— Очевидно.

Парень выдохнул дым, и я смотрела, как он медленно плывет в ночи. Обостренное вампирское восприятие или нет, просто удивительно, как он мог почувствовать запах чего-то еще, когда вокруг витал густой аромат гвоздики.

— Как долго тебе еще учиться? — спросил он. — Мне может понадобится страж.

— Я заканчиваю Академию весной, но у меня уже есть договоренность. Извини.

В его глазах вспыхнуло удивление.

— Да? И кто же он?

— Это она. Василиса Драгомир.

— А-а... — Его лицо расплылось в широкой улыбке. — Я понял, что ты — ходячая неприятность, едва увидел тебя. Ты дочь Джанин Хэзевей.

— Я Роза Хэзевей, — поправила я.

— Рад познакомиться, Роза Хэзевей. — Он протянул затянутую в перчатку руку, и после недолгого колебания я пожала ее. — Адриан Ивашков.

— Значит, по-твоему, я — ходячая неприятность, — пробормотала я.

Ивашковы — королевская семья, одна из самых богатых и влиятельных. Они относились к тому сорту людей, которые считают, будто могут заполучить все, и добиваются этого всеми способами. Неудивительно, что он такой самоуверенный. Он засмеялся — звучным, почти мелодичным смехом. Почему-то его смех вызвал у меня ассоциацию с растопленным жженым сахаром, капающим с ложки.

— Удобно, правда? И твоя, и моя репутации идут впереди нас.

Я покачала головой.

— Ты ничего не знаешь обо мне. А мне известно лишь о твоей семье. О тебе я ничего не знаю.

— А хочешь? — нахально спросил он.

— Сожалею. Парни постарше меня не интересуют.

— Мне двадцать один. Не такая уж большая разница.

— У меня есть бойфренд.

Маленькая ложь. Мейсон пока не числился моим бойфрендом, но я надеялась, Адриан оставит меня в покое, узнав, что место занято.

— Забавно, что ты не сообщила об этом сразу же, — задумчиво сказал он. — Не он поставил тебе синяк?

Щеки вспыхнули даже на холоде. Я надеялась, он не заметил мой заплывший глаз; глупо, конечно. Со своим вампирским зрением он наверняка разглядел его, как только я поднялась на галерею.

— Если бы он это сделал, то расстался бы с жизнью. Я получила его во время... тренировки. В смысле, я же собираюсь стать стражем. Наши нанятая всегда проходят бурно.

— Возбуждает.

Он уронил вторую сигарету и сбросил ее с галереи.

— Что — ударить меня в глаз?

— Ну нет. Конечно нет. Я имел в виду идею бурного общения с тобой — вот что возбуждает. Я большой любитель... м-м-м... контактных видов спорта.

— Не сомневаюсь, — сухо отрезала я.

Он был самоуверенный, нахальный, и все же я никак не могла заставить себя уйти. За спиной слышались шаги, и я обернулась. По дорожке в направлении ступенек на галерею шла Мия. Увидев нас, она

резко остановилась.

— Привет, Мия.

Она переводила взгляд с меня на Адриана.

— Еще один парень? — спросила она. Судя по ее тону, я имела собственный гарем мужчин.

Адриан бросил на меня вопросительный, удивленный взгляд. Я стиснула зубы и решила не снисходить до ответа. Вместо этого я проявила нехарактерную для меня вежливость.

— Мия, это Адриан Ивашков.

Адриан включил свое обаяние, прежде обращенное на меня. Они обменялись рукопожатием.

— Рад знакомству с подругой Розы, в особенности с такой хорошенькой.

Судя по его тону, мы знали друг друга с детства.

— Мы не подруги, — сказала я.

Мой запас вежливости подходил к концу.

— Роза водится только с парнями и психопатами, — заявила Мия.

Как обычно, когда речь заходила обо мне, ее голос звучал презрительно, но что-то в выражении лица подсказывало — Адриан заинтересовал ее.

— Ну, — сказал он жизнерадостно, — поскольку я и психопат, и парень, это объясняет, почему мы такие хорошие друзья.

— Мы с тобой не друзья, — возразила я. Он рассмеялся.

— Строишь из себя недотрогу, да?

— Она не строит из себя недотрогу, — буркнула Мия, явно расстроенная тем, что Адриан уделяет мне больше внимания. — Можешь расспросить половину парней нашей школы.

— Ну да, а другую половину расспроси насчет Мии, — парировала я. — Если ты готов оказать ей какую-нибудь любезность, она в долгу не останется.

Когда Мия объявила нам с Лиссой войну, ей удалось подбить двоих парней распустить слух, будто я вытворяла с ними черт-те что. Правда, чтобы уговорить их разнести эту ложь, она сама переспала с ними.

Тень смущения пробежала по ее лицу, но она не утратила присутствия духа.

— Ну, по крайней мере, я делаю это не бесплатно.

Адриан издал что-то вроде мяуканья.

— Ты закончила? — спросила я. — Тебе пора баиньки, а взрослым хотелось бы поговорить.

Почти детский вид Мии был для нее большим вопросом, и я часто использовала это обстоятельство.

— Конечно, — решительно заявила она, щеки у нее порозовели, лишь усиливая впечатление фарфоровой куколки. — У меня есть занятия поинтереснее. — Она направилась к двери, но остановилась, положив на нее руку, и обернулась к Адриану. — Знаешь, это мамочка поставила ей синяк.

С этими словами она вошла в дом, и необычные поворачивающиеся стеклянные двери закрылись за ней.

Мы с Адрианом стояли в молчании. В конце концов он раскурил новую сигарету.

— Твоя мама?

— Заткнись!

— Ты из числа тех, кто находит либо задушевных друзей, либо смертельных врагов, верно? Никаких полутонов. Вы с Василисой, наверное, как сестры?

— Надеюсь!

— Как она?

— А? Что ты имеешь в виду?

Он пожал плечами, вроде бы подчеркнуто легкомысленно, но я понимала, что это не так.

— Ну, не знаю. В смысле, мне известно о вашем побеге... и еще была эта история с ее семьей и Виктором Дашковым...

Упоминание о Викторе заставило меня напрячься.

— И?..

— Не знаю. Просто подумал, может, этого слишком много для нее... ну, чтобы справиться.

Я внимательно разглядывала его. Был момент, когда просочились слухи о невменяемости Лиссы, но их быстро загасили. Большинство людей забыли об этом или вообще сочли ложью.

— Мне пора идти.

Я решила, что сейчас разумнее всего избежать дальнейших вопросов.

— Уверена? — спросил он лишь чуть-чуть разочарованно, в основном оставаясь таким же самоуверенным и самодовольным.

Что-то в нем по-прежнему интриговало меня, но оно не стоило того, чтобы идти против принципов или втягиваться в обсуждение Лиссы.

— Мне казалось, пришло время взрослых разговоров. Мне хотелось бы обсудить множество взрослых вещей.

— Уже поздно, я устала, а от твоих сигарет разболелась голова.

— А по-моему, очень мило. — Он затянулся и выдохнул дым. — Некоторые женщины считают, что сигареты придают мне сексуальный вид.

— Думаю, ты куришь, чтобы чем-то занять себя, пока обдумываешь следующее остроумное замечание.

Он рассмеялся, одновременно затягиваясь, и чуть не поперхнулся дымом.

— Роза Хэзевей, жду не дождусь нашей новой встречи. Если ты столь очаровательна, когда устала, раздражена, и столь великолепна с синяком под глазом и в лыжных одежках, то на высоте положения ты, должно быть, просто разрушительна.

— Если под «разрушительна» ты имеешь в виду, что тебе следует опасаться за свою жизнь, то да, ты прав. — Я толкнула дверь. — Доброй ночи, Адриан.

— До скорой встречи.

— Не думаю. Я уже говорила, не интересуюсь теми, кто старше.

Я вошла в дом. Дверь закрылась, и до меня донеслось еле слышное:

— Конечно, не интересуешься.

ОДИННАДЦАТЬ

На следующее утро Лисса встала и ушла еще до того, как я зашевелилась. Это означало, что ванная в полном моем распоряжении и я могу спокойно привести себя в порядок. Мне страшно правилась ванная — такая большая, что даже моя безразмерная кровать очень удобно разместилась бы в ней. Горячий душ помог мне проснуться, хотя мышцы еще болели после вчерашнего. Стоя перед зеркалом в полный рост и расчесывая волосы, я с некоторым разочарованием обнаружила, что синяк никуда не делся. Правда, он стал светлее и приобрел желтоватый оттенок. Немного крема и пудры — и его почти не разглядеть.

В поисках чего-нибудь перекусить я спустилась вниз. Завтрак в столовой только закончился, но одна из горничных дала мне две булочки с персиком, и я ушла. Жуя по дороге одну, я мысленно потянулась к Лиссе. Спустя несколько мгновений я почувствовала, что она на другом конце базы, не там, где располагались комнаты студентов Академии. Идя по этому следу, я поднялась на третий этаж, подошла к одной из комнат и постучалась.

Дверь открыл Кристиан.

— А-а, Спящая Красавица! Приветствую.

Он провел меня внутрь. Лисса со скрещенными ногами сидела на постели и улыбнулась при виде меня. Комната выглядела столь же великолепно, как наша, но большую часть мебели придвинули к стенам, чтобы освободить место. Я заметила Ташу.

— Доброе утро, — сказала она.

— Привет, — ответила я. Вот и попробуй избегать ее.

Лисса похлопала по постели рядом с собой.

— Ты должна увидеть это.

— Что происходит?

Я села на постель и доела вторую булочку.

— Ужасные вещи, — лукаво улыбнулась Лисса. — Тебе понравится.

Кристиан вышел на пустое пространство и повернулся лицом к Таше. Они смотрели друг на друга, забыв обо мне и Лиссе. По-видимому, мое появление прервало что-то.

— Так почему я не могу просто применить истребляющее заклинание? — спросил Кристиан.

— Оно требует слишком много энергии, — ответила Таша.

Даже в джинсах, с «конским хвостом», со шрамом на лице она ухитрилась выглядеть привлекательной.

— Плюс оно с большой долей вероятности убьет твоего противника.

Он усмехнулся.

— Разве я не хочу убить стригоя? С какой стати?

— А вдруг понадобится получить от него какую-то информацию? Как бы то ни было, ты должен подготовиться к любому повороту событий.

Они упражняются в наступательной магии. Возбуждение и интерес сменили мрачное настроение, возникшее при виде Таши. Лисса не шутила, говоря об «ужасных вещах». Я всегда подозревала, что они упражняются в наступательной магии, но... Класс! Одно дело — думать об этом и совсем другое — видеть собственными глазами. Использовать магию как оружие запрещено. Студента, экспериментирующего в подобной сфере, может, простят и просто подвергнуть взысканию, но взрослый, активно обучающий студента... Вот это да! У Таши могут возникнуть большие неприятности. Я тут же прогнала эту мысль. Может, я и ненавидела ее за отношение к Дмитрию, но верила в нее. Плюс это было круто.

— Отвлекающее заклинание почти так же полезно, — продолжала она.

Взгляд ее голубых глаз стал напряженно сосредоточенным — я часто замечала это за морями, когда они использовали магию. Таша выбросила вперед руку, и полоска огня скользнула мимо лица Кристиана. Она не задела его, но, судя по тому, как он вздрогнул, пронеслась достаточно близко, чтобы он почувствовал жар.

— Теперь ты попробуй, — предложила она.

Заколебавшись на мгновение, Кристиан сделал точно такое же движение рукой. Вырвался огонь, но Кристиан не контролировал его так тонко, как она. Прицелиться точно он тоже не смог, и огонь выплеснулся прямо ей в лицо. Однако, прежде чем коснуться ее, он разделился и обошел ее с обеих сторон, как бы наткнувшись на невидимый щит. Она отклонила его с помощью собственной магии.

— Не так уж плохо — если не учитывать, что ты мог сжечь мое лицо.

Я не желала ей такой напасти. Но ее волосы... О да. Интересно, насколько хороша она была бы без гривы цвета воронова крыла? Они с Кристианом продолжали упражняться. Чем дольше, тем лучше он действовал, хотя до Таши ему явно было далеко. Мой интерес все возрастал, и я поймала себя на том, что раздумываю, какие многочисленные возможности открывает этот вид магии. Урок закончился, когда Таша сказала, что ей нужно идти. Кристиан вздохнул, явно разочарованный, что не смог быстро освоить заклинание. Состязательная

сторона его натуры почти так же сильна, как у меня.

— Я по-прежнему думаю, что легче просто сжечь его полностью, — заявил он.

Таша улыбнулась, стягивая волосы потуже. Да. Она определенно могла обойтись без этих волос, в особенности учитывая, как сильно Дмитрию нравятся длинные волосы, о чем мне было хорошо известно.

— Легче, потому что не требует такой сосредоточенности, а это уже небрежность. Твоя магия усилится, если ты освоишь это. И, как я сказала, здесь есть свои плюсы.

Я не хотела соглашаться с ней, но не могла сдержаться.

— Это по-настоящему полезно, если вы сражаетесь вместе со стражем, — взволнованно сказала я. — В особенности учитывая, как много требуется энергии, чтобы полностью сжечь стригоя. При Ташином подходе, произойдет просто небольшой выброс силы, чтобы отвлечь стригоя. А он обязательно отвлечется, поскольку они ненавидят огонь. Этих мгновений стражу хватит, чтобы вогнать в него кол. Таким способом можно прикончить целую банду стригоев.

Таша улыбнулась мне. Некоторые морои — как Лисса и Адриан — улыбаются, не показывая зубов. Но не Таша, она всегда демонстрирует даже клыки.

— Точно. Нам с тобой как-нибудь надо вместе поохотиться на стригоя.

— Не думаю, — ответила я.

Сами по себе эти слова были не так уж плохи—в отличие от тона, каким я их произнесла. Холодный. Недружелюбный. Ташу удивило резкое изменение моего отношения, но она просто пожала плечами. Благодаря нашей связи я почувствовала, как потрясена Лисса. Саму Ташу это, похоже, ничуть не задело. Она еще немного поболтала с нами и договорилась с Кристианом встретиться за обедом. Когда мы вчетвером по изящной винтовой лестнице спускались в вестибюль, Лисса бросила на меня пристальный взгляд.

— Что на тебя нашло? — спросила она.

— Ты о чем? — с невинным видом спросила я.

— Роза... — протянула она многозначительно.

Трудно изображать тупицу перед своей лучшей подругой, знающей, что ты можешь читать ее мысли. Я, безусловно, понимала, о чем она говорит.

— Ты отвратительно вела себя с Ташей.

— Ну, не так уж и отвратительно.

— Ты была груба! — воскликнула она, пропуская стайку моройских

детей, мчащихся по вестибюлю.

Все они были в парках. Их сопровождал утомленный моройский лыжный инструктор. Я уперла руки в боки.

— Послушай, я просто раздражена, понимаешь? Не выпалась. Кроме того, я не такая, как ты. У меня не получается все время быть вежливой.

Я и сама не верила в то, что сказала. Лисса не сводила с меня пристального взгляда и выглядела скорее удивленной, чем расстроенной. Кристиан явно сердился, на грани того, чтобы обрушиться на меня, и тут, слава тебе господи, появился Мейсон. Гипс ему накладывать не стали, и он лишь слегка прихрамывал при ходьбе.

— Привет, Хромоножка!

Я взяла его под руку. Кристиан придержал злость на меня и обратился к Мейсону:

— Значит, ваши самоубийственные гонки в конце концов добились тебя? Мейсон, однако, не сводил взгляда с меня.

— Это правда, что ты развлекалась с Адрианом Ивашковым?

— Я... что?

— Я слышал, что вы вчера вечером выпивали.

— Правда? — удивленно спросила Лисса. Я перевела взгляд с одного на другого

— Нет, конечно нет! Я едва знакома с ним.

— Но ты знакома с ним, — уперся Мейсон.

— Едва-едва.

— У него скверная репутация, — предостерегающе сказала Лисса.

— Да, — заметил Кристиан. — Он меняет девушек, как перчатки.

Я просто ушам своим не верила.

— Вы уйметесь, нет? Я разговаривала с ним... ну минут пять. И то лишь потому, что он мешал мне войти. Где ты всего этого наслушался, Мейсон? — И тут же до меня дошло: — Мия!

Он кивнул со слегка смущенным видом.

— И когда ты разговаривал с ней? — поинтересовалась я.

— Только что столкнулся.

— И ты ей поверил? Хотя знаешь — она врет через раз.

— Да, но обычно в ее лжи всегда есть некоторая доля правды. И ты разговаривала с ним.

— Да, разговаривала, и это все.

Я действительно пыталась настроить себя на то, чтобы встречаться с Мейсоном, и было неприятно, что он мне не верит. В свое время он помог мне разоблачить распускаемые Мией слухи. Странно, что он так завелся по

поводу еще одного. Может, поскольку его чувства ко мне стали сильнее, теперь он больше склонен к ревности. Удивительно, но меня спас Кристиан, сменив тему разговора.

— Надо полагать, на сегодня катание на лыжах отменяется?

Он кивнул на щиколотку Мейсона, и тот мгновенно возмутился.

— Думаешь, это меня остановит?

Его гнев пошел на убыль. Теперь им владело жгучее желание доказать, что он по-прежнему на высоте, — очень понятное мне желание. Лисса и Кристиан смотрели на него с таким видом, словно он не в своем уме, но я понимала — что бы мы ни говорили, его не остановить.

— А вы, ребята, пойдете с нами? — спросила я Лиссу и Кристиана.

Она покачала головой.

— Не получится. Мы должны идти на ланч, который организуют Конта.

Кристиан застонал.

— Ну, на самом деле ты должна. Она ткнула его локтем.

— И ты тоже. В приглашении сказано, что я должна привести гостя. Кроме того, это просто разминка перед грандиозным обедом.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Мейсон.

— Грандиозный обед Присциллы Вода, — ответил Кристиан с таким тяжким вздохом, что я невольно улыбнулась. — Лучшей подруги королевы. Все самые что ни на есть снобы будут там, и мне придется надеть костюм.

Мейсон просиял улыбкой. Его недавний антагонизм растаял без следа.

— Катание на лыжах представляется все лучше и лучше, а? Никаких заморочек с одеждой.

Мы оставили Лиссу с Кристианом и вышли наружу. Соперничать со мной, как вчера, Мейсон не мог, его движения стали медленными и неуклюжими. Тем не менее, учитывая все обстоятельства, катался он замечательно. Нога пострадала не так сильно, как он опасался, но у него хватало благоразумия выбирать самые легкие трассы.

В темном небе висела полная луна, сверкающий серебристо-белый шар. Электрические фонари скрадывали ее свет, но в тени мерцание луны проявлялось. Очень хотелось, чтобы эти отблески позволили разглядеть горные пики, но, к сожалению, они утопали во тьме. Следовало полюбоваться на них раньше, в более светлое время, но я забыла.

Для меня трасса была совсем несложной, но я держалась рядом с Мейсоном и только время от времени поддразнивала его, говоря, что такое катание «для выздоравливающих» нагоняет на меня сон. Несмотря на скучную трассу, все равно приятно кататься с друзьями, и я разогрелась

достаточно, чтобы не мерзнуть на холодном воздухе. Фонари на столбах освещали снег, похожий на бескрайнее белое море с поблескивающими снежинками. А подняв голову к небу, я видела россыпь звезд, неподвижных, словно кристаллы в ясном, морозном воздухе. Мы снова провели на склоне большую часть «дня», но на этот раз я раньше сказала, что хочу домой, сославшись на притворную усталость, — чтобы дать Мейсону передышку. Он упорно катался, но я видела, что поврежденная щиколотка начинает причинять ему боль.

На обратном пути мы смеялись над чем-то, увиденным раньше. Внезапно периферийным зрением я заметила что-то белое, и прямо в лицо Мейсону ударил снежок. Я тут же заняла оборонительную позицию, оглядываясь по сторонам. Возгласы и крики доносились слева, где среди высоких сосен неясно вырисовывались складские помещения.

— Слишком медленно реагируешь, Эшфорд! — крикнул кто-то. — Это невыгодно — быть влюбленным.

Снова послышался смех. Из-за деревьев показались лучший друг Мейсона Эдди Кастиль и еще несколько новичков из школы. За их спинами раздались новые вопли.

— Мы, однако, возьмем тебя в свою команду, если пожелаешь, — сказал Эдди. — Даже если ты будешь промахиваться, как девчонка.

— В команду? — взволнованно спросила я. В Академии бросаться снежками строго запрещалось. Наши наставники непонятно почему опасались, что в снежках могут оказаться осколки стекла или бритвенные лезвия, хотя я, убей меня, не понимала откуда.

Конечно, ничего бунтарского в том, чтобы швыряться снежками, не было, но после недавних стрессов перспектива бросаться чем угодно в других внезапно показалось мне чуть ли не самой лучшей идеей на свете. Мы с Мейсоном рванули к остальным, предвкушение запретного развлечения придало ему новые силы и даже заставило забыть о боли в ноге. Мы ринулись в бой с неустрашимой отвагой.

Требовалось залепить снежком как можно в большее число противников, увертываясь от их снарядов. Я оказалась сильна и в том и в другом, сопровождая свои действия свистом и выкрикиванием дурацких оскорблений своим жертвам. К тому времени, когда кто-то заметил, чем мы занимаемся, и накричал на нас, мы хохотали как сумасшедшие и с ног до головы были в снегу. Мы с Мейсоном снова зашагали к базе, в превосходном настроении. Судя по всему, он и думать забыл об истории с Адрианом.

И действительно, у самого входа он сказал:

— Прости, что я... ну... тогда набросился на тебя из-за Адриана.

Я сжала его руку.

— Все в порядке. Я знаю — Мия может говорить очень убедительно.

— Да... но даже если бы ты была с ним... я не имею права...

Я с удивлением смотрела, как его обычно дерзкая манера поведения уступила место робости.

— Не имеешь? — спросила я.

Улыбка осветила его лицо.

— Имею?

Улыбнувшись в ответ, я сделала шаг вперед и поцеловала его. В морозном воздухе его губы ощущались изумительно теплыми. Совсем не похоже на потрясающий поцелуй с Дмитрием перед самой поездкой сюда, но приятно — вроде дружеского поцелуя, который мог обернуться чем-то большим. По крайней мере, так я восприняла его. Судя же по выражению лица Мейсона, казалось, весь его мир пошатнулся.

— Блеск!

Он широко распахнул глаза, в лунном свете ставшие серебристо-голубыми.

— Понимаешь? — сказала я. — Не о чем беспокоиться. Ни из-за Адриана, ни из-за кого-то еще.

Последовал новый поцелуй — на этот раз дольше, — и только потом мы оторвались друг от друга. Настроение Мейсона заметно улучшилось — что и требовалось, — и я, вернувшись, рухнула в постель с улыбкой на лице. Технически мы с Мейсоном еще не стали настоящей парочкой, но были очень близки к этому. Однако во сне мне явился Адриан Ивашков.

Я снова стояла с ним на галерее, только это происходило летом. Воздух был ароматный и теплый, солнце сияло, заливая все золотистым светом. Последний раз я стояла на таком открытом солнце, когда жила среди людей. Все вокруг, и горы, и долины, было покрыто зеленью и полно жизни. Повсюду пели птицы.

Адриан облокотился о перила галереи, глядя вдаль, и не сразу среагировал на мое появление.

— Ох, не ожидал увидеть тебя здесь. — Он улыбнулся. — Я был прав. Ты по-настоящему разрушительна в своем, так сказать, первозданном виде.

Я инстинктивно прикоснулась к коже вокруг глаза.

— Синяк исчез, — сказал Адриан.

И, даже не имея возможности увидеть, так ли это, я каким-то образом поняла — он прав..

— Ты не куришь.

— Скверная привычка. — Он кивнул на меня. — Боишься чего-то? Ты так хорошо защищена.

Я оглядела себя. На мне красовались украшенные вышивкой джинсы, которые я когда-то видела, но не могла себе позволить. Обрезанная футболка оставляла открытым живот, в пупок вставлено колечко. Я всегда мечтала сделать себе пирсинг, но он был за пределами моих возможностей. С шеи на серебряной цепочке свисал странный, подаренный мамой не то брелок, не то кулон в виде глаза. Запястье обмотано четками Лиссы.

Я снова подняла взгляд на Адриана, отметив, как солнце играет на его темно-каштановых волосах. Сейчас, при дневном свете, я отчетливо видела, что глаза у него зеленые — темно-изумрудные в противовес бледно-нефритовым Лиссы.

Внезапно меня удивило одно странное обстоятельство.

— Солнце не беспокоит тебя?

Он лениво пожал плечами.

— Не-а. Это же сон.

— Нет.

— Ты уверена?

Он снова расплылся в улыбке. Я почувствовала себя сбитой с толку.

— Не... Не знаю.

Он засмеялся, но почти сразу посерьезнел — в первый раз с тех пор, как я встретила с ним.

— Почему вокруг тебя так много тьмы?

— Что?

— Ты окружена тьмой. — Его пристальный взгляд был прикован ко мне с оттенком непонимания. — Никогда не видел человека, похожего на тебя. Даже не думал, что такое возможно. Тьма повсюду. И прямо у меня на глазах сгущается все сильнее.

Я посмотрела на свои руки, но не увидела ничего необычного.

— Я — «поцелованная тьмой»...

— Что это значит?

— Однажды я была мертва. — Я никогда ни с кем не говорила об этом, кроме Лиссы и Виктора Дашкова, но ведь это был сон, так что не важно. — И вернулась к жизни.

На его лице вспыхнуло удивленное выражение.

— Интересно...

Я проснулась. Кто-то с силой тряс меня. Лисса. Благодаря нашей связи ее чувства обрушились на меня с такой силой, что я оказалась втянута в ее сознание и увидела себя со стороны. Сказать, что это было странно, —

значит не сказать ничего. Я приходила в себя, с трудом пробиваясь сквозь овладевший ею ужас и беспокойство.

— Что случилось?

— Новое нападение стригоев.

ДВЕНАДЦАТЬ

Я мгновенно выбралась из постели. Вся база гудела от жутких новостей. Люди маленькими группами собирались в коридорах. Родственники старались найти друг друга. Одни испуганно шептались, другие, напротив, разговаривали так громко, что не составляло труда их услышать. Я останавливала кого попало, пытаюсь выяснить, что конкретно произошло. Никто толком не мог рассказать о случившемся, а некоторые даже не остановились поговорить. Кто-то спешил уехать, поскольку считал, что есть более безопасные места.

Так и не добившись никакого толку, я в конце концов неохотно пришла к выводу — пора прибегнуть к одному из двух источников надежной информации. Мать или Дмитрий. Может, подбросить монетку? В данный момент ни та ни другой сильно меня не волновали. После недолгого раздумья я остановилась на матери, понимая, что вряд ли наткнусь при этом на Ташу Озера.

Дверь в комнату матери была приоткрыта, и, когда мы с Лиссой вошли, я поняла, что эта комната стала чем-то вроде штаб-квартиры. Множество стражей толпились внутри, обсуждая стратегию. Некоторые бросали на нас удивленные взгляды, но никто не остановил и ни о чем не расспрашивал. Мы с Лиссой уселись на маленькую софу, внимательно прислушиваясь и оглядываясь. Мать стояла с группой стражей, среди которых был Дмитрий. Вот и попробуй избегать встреч с ним. Он заметил меня, но тут же отвел взгляд. Ну и хорошо — сейчас мне не до будоражающих душу чувств к нему.

Вскоре мы с Лиссой разъяснили для себя все детали. Убиты восемь мороев и пятеро стражей. Три мороя исчезли — либо тоже погибли, либо обращены в стригоев. Нападение произошло не здесь, а где-то в Северной Калифорнии. Тем не менее трагедия такого масштаба затрагивала всех мороев, и вдобавок штат расположен не так уж далеко. Все пребывали в ужасе, и вскоре я поняла, что именно делало это нападение таким примечательным.

— Их, по-видимому, было больше, чем в прошлый раз, — сказала моя мать.

— Больше? — воскликнул один из стражей. — И в прошлый раз группа оказалась неслыханно велика. До сих пор не могу поверить — девять стригоев оказались способны действовать вместе, — а ты хочешь,

чтобы я поверил, будто их организованность стала еще больше?

— Да! — рявкнула мать.

— Участие людей подтверждается? — спросил кто-то.

Мать на мгновение заколебалась.

— Да. Защитные кольца опять взломаны. И то, как все происходило... идентично нападению на Бадика.

Ее голос звучал твердо, но с оттенком опустошенности. Не физической усталости, нет — душевной, поняла я. Напряжение и боль из-за того, о чем шла речь. Я всегда считала свою мать в некотором роде бесчувственной смертоносной машиной, но сейчас ей явно приходилось тяжело — тяжело обсуждать столь ужасную, мерзкую проблему. И тем не менее она говорила энергично и без колебаний. Выполняла свой долг.

Я с трудом проглотила ком в горле. Люди. Идентично нападению на Бадика. Со времени той кровавой бойни мы всесторонне анализировали необычность того, что стригои сумели собрать большую команду и завербовать людей. Мы употребляли выражения вроде «если что-либо подобное когда-нибудь произойдет снова...», но на самом деле всерьез не верили, будто эта группа — убийцы Бадика — вновь пойдет на преступление. Один раз — это, скорее всего, случайность, может, несколько стригоев просто встретились и импульсивно решили организовать набег. Ужасно, но эту идею следует сбросить со счетов.

Теперь ясно, группа стригоев — вовсе не случайный эпизод. Они объединились целенаправленно, сознательно использовали людей в своих стратегических целях — и напали снова. Сейчас вырисовывалась некая общая схема. Стригои активно разыскивали большую группу жертв. Серийные убийства. Магическим защитным кольцам доверять больше нельзя. Даже на солнечный свет рассчитывать нельзя. Люди могут передвигаться в любое время суток, разведывая и подготавливая нападение.

Я вспомнила, как сказала Дмитрию в доме Бадика: «Это меняет все, правда?»

Мать пролиستала свой планшет-блокнот.

— Все детали пока неизвестны, однако то же количество стригоев сделать это никак не могло. Никто из Дроздовых или их служащих не спасся. Учитывая, что там было пять стражей, семерых стригоев сумели бы задержать, хотя бы временно, и это дало бы возможность кому-то сбежать. Мы имеем дело с девятью или десятью, по-моему.

— Джанни права, — кивнул Дмитрий. — И место действия слишком велико. Семи стригоям не по силам охватить его целиком.

Дроздовы были одной из двенадцати королевских семей. Большой,

процветающий клан — не то что Драгомиры, клан Лиссы. И тем не менее нападение такого рода ужасно. К тому же что-то, связанное с ними, ворочалось в моем мозгу, вспомнить бы... что-то я знала о Дроздовых.

Напрягая память, я одновременно с восхищением наблюдала за матерью. Я слушала, когда она рассказывала свою историю. Я видела — и даже почувствовала на себе, — как она сражается. Однако я никогда не наблюдала за ней в действии во время реального кризиса. Она и прежде демонстрировала твердость, даже в общении со мной, но только сейчас я оценила подобное качество. События вроде сегодняшнего сеют панику. Даже среди стражей некоторые выглядели взвинченными, они жаждали прямо сейчас ринуться в бой. Мать стала голосом разума, живым напоминанием, что сначала необходимо сосредоточиться и в полной мере оценить ситуацию. Ее самообладание успокаивало всех, а внутренняя сила вдохновляла. Так, осознала я, и ведет себя лидер. Дмитрий был так же собран, как она, но предоставил руководство ей. Иногда мне приходилось напоминать себе, что он один из молодых стражей.

Они продолжали обсуждать нападение. Оказывается, на Дроздовых напали в банкетном зале во время запоздалого празднования Рождества.

— Сначала Бадика, теперь Дроздовы, — пробормотал один страж. — Они охотятся на королевские семьи.

— Они охотятся на мороев, — решительно заявил Дмитрий. — Королевские, не королевские — не имеет значения.

Королевские. Не королевские. Внезапно я вспомнила, почему меня беспокоило что-то, связанное с Дроздовыми. Склонность действовать спонтанно подталкивала меня немедленно вскочить и задать вопрос, но я удержалась. Это не игрушки, и сейчас не время для иррационального поведения. Я хотела быть такой же сильной, как мать и Дмитрий, я стойко дожидалась конца дискуссии.

Когда группа начала распадаться, я спрыгнула с софы и подошла к матери.

— Роза... — удивилась она, видимо, как и на уроке Стэна, до сих пор она меня не замечала. — Что ты здесь делаешь?

Глупый вопрос, я даже не стала на него отвечать. Что, по ее мнению, я здесь делаю? Произошло одно из самых значительных событий, когда-либо случившихся с мороями.

Я кивнула на ее планшет-блокнот.

— Кто еще был убит?

Она раздраженно нахмурилась.

— Дроздовы.

— Нет, кроме них?

— Роза, сейчас не время...

— У них были служащие, верно? Дмитрий говорил о непростых морях. Кто они?

И снова я почувствовала в ней опустошенность. Смерть она восприняла очень тяжело.

— Я не помню всех имен. — Она перебрала несколько страниц и наконец повернула ко мне планшет-блокнот. — Вот.

Я пробежала взглядом список. Сердце у меня упало.

— Ладно. Спасибо.

Мы с Лиссой ушли, оставив их заниматься своими делами. Хотелось бы и мне помочь, но стражи действовали слаженно, эффективно и не нуждались в том, чтобы новички путались у них под ногами.

— Что ты выясняла? — спросила Лисса по дороге.

— Служебный персонал Дроздовых, — ответила я. — Мама Мии работала у них...

Лисса потрясенно открыла рот.

— И?..

Я вздохнула.

— Ее имя было в списке.

— О господи! — Лисса остановилась и уставилась в пространство, смагивая слезы. — О господи!

Я положила руки ей на плечи. Она дрожала.

— Успокойся, — велела я.

Ее страх накатывал на меня волнами, страх оцепенения. Шок.

— Все будет хорошо.

— Ты же слышала, — выдохнула она. — Банда стригоев организованно нападет на нас! Сколько их? А вдруг они явятся сюда?

— Нет, — твердо заявила я, хотя, конечно, никаких доказательств не имела. — Здесь мы в безопасности.

— Бедная Мия...

На это мне сказать было нечего. Я всегда считала Мию отпетой сукой, но такого я не пожелала бы никому, даже своему злейшему врагу — кем фактически она и являлась. Мысленно я тут же поправила себя. Мия не была моим злейшим врагом.

Мысль до конца дня обходиться без общества Лиссы была невыносима. Я понимала, что на базе нет стригоев, но мой инстинкт защиты оказался слишком силен. Стражи защищают своих мороев. Как обычно, меня также беспокоило, что она сильно встревожена и расстроена,

поэтому я делала все возможное, стараясь рассеять эти чувства.

Другие стражи тоже старались приободрить мороев. Они не ходили по пятам за каждым из них, но усилили охрану базы и постоянно поддерживали связь с теми стражами, которые находились на месте происшествия. На протяжении всего дня поступала информация относительно Зловещих подробностей бойни и высказывались предположения, где может находиться банда стригоев. Конечно, новичкам практически ничего не рассказывали. Пока стражи выполняли свой долг, морои занялись своими делами, которыми, к несчастью, увлекались без меры, а именно мололи языками.

Учитывая, что на базе находились многие члены королевских семей и другие важные морои, этим вечером созвали общее собрание с целью обсудить происшедшее и дальнейшие действия. Никаких официальных решений не принималось, да и не могло быть принято, для этого у мороев имелись королева и правящий совет. Все, однако, понимали: высказанные здесь мнения будут услышаны наверху. Наша будущая безопасность в большой степени зависела от результатов собрания.

Оно состоялось в большом банкетном зале, где стояли ряды кресел и подиум. Атмосфера витала сугубо деловая, хотя по всему чувствовалось — зал предназначался не для обсуждения событий вроде кровавой бойни и проблемы защиты. Бархатистый ковер украшал сложный черно-серебристый узор. Кресла из черного полированного дерева, с высокими спинками, явно предназначались для званого обеда. На стенах висели картины, изображающие давно умерших, но когда-то правящих мороев. Я бросила взгляд на одну из королев, чье имя не знала. Она была одета в старомодное платье — слишком увешанное кружевами, на мой вкус, — а волосы у нее были такие же светлые, как у Лиссы.

Какой-то неизвестный мне парень на подиуме представился председателем собрания. Почти все члены королевских семей собрались в передней части зала. Остальные, включая учеников Академии, садились там, где нашлись свободные места. Как раз в эти минуты Кристиан и Мейсон нашли нас с Лиссой, и мы устраивались в задней части зала, когда Лисса внезапно покачала головой.

— Я должна сидеть впереди.

Мы уставились на нее. Я была слишком ошарашена, чтобы зондировать ее сознание.

— Видите? — продолжала она. — Члены королевских семей сидят там, по семьям.

Так оно и было. Кланы Бадика, Ивашковых, Зеклосов и другие

группировались около своих. Таша тоже была там, но сидела сама по себе. Кроме нее, единственным живым Озера был Кристиан.

— Я должна быть там, — настаивала Лисса.

— Вовсе не обязательно, — возразила я.

— Я должна представлять Драгомиров.

Кристиан усмехнулся.

— Королевские, не королевские — чушь.

На ее лице, однако, сохранялось выражение решимости.

— Я должна быть там.

Я открыла себя чувствам Лиссы, и то, что обнаружила, мне понравилось. Большую часть дня она провела в страхе, примерно в том же состоянии, и каком была, когда мы узнали о судьбе мамы Мии. Этот страх и сейчас оставался, но был практически задавлен растущей уверенностью и решимостью. Она осознавала принадлежность к правящим мороям, и в той же мере, в какой ее пугала мысль о рыщущих где-то бандах стригоев, она хотела внести свою лепту.

— Да, должна, — сказала я.

Не скрою — кроме всего прочего, мне понравилось, что она идет наперекор мнению Кристиана.

Лисса посмотрела мне в глаза и улыбнулась, она понимала мои чувства. Потом она перевела взгляд на Кристиана.

— А ты должен сесть со своей тетей. Кристиан открыл рот, собираясь запротестовать. Если бы не ужас ситуации, было бы забавно наблюдать, как Лисса командует им. Он всегда слыл упрямым и нелегким человеком, заставить сто сделать что-то против воли мало кому удавалось. Однако сейчас, глядя на его лицо, я увидела — он понял в отношении Лиссы то, что еще раньше дошло до меня. И ему тоже нравилось видеть ее сильной. Он сжал губы и состроил гримасу.

— Ладно.

Он взял ее за руку, и они двинулись в сторону передних рядов.

Мы с Мейсоном опустили в кресла. Перед самым началом собрания по другую сторону от меня сел Дмитрий в кожаном пальто, с завязанными на затылке волосами. Я удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала. На собрании присутствовало мало стражей, большинство из них были слишком заняты организацией усиленной охраны. Символическая ситуация — я сидела между двумя своими мужчинами.

Вскоре началось собрание. Все жаждали высказать свое мнение о том, как нужно спасать мо-роев, но фактически лишь две теории привлекли всеобщее внимание.

— Решение у нас под рукой, — заявил один из членов королевской семьи; стоя у своего кресла, он повел рукой вокруг. — Прямо здесь. Места, подобные этой базе. И Академии Святого Владимира. Мы отсылаем своих детей в безопасные места. И то же самое здесь, причем включая и взрослых, и детей. Почему мы не живем так на постоянной основе?

— Многие из нас так и делают! — крикнул кто-то в ответ.

Мужчина лишь отмахнулся.

— Пара семей здесь, пара там. Или город с большой популяцией мороев. Однако они по-прежнему децентрализованы. Их стражи, их магия не объединены в общий фонд. Если бы мы могли скопировать эту модель, — он широко раскинул руки, — никаких неприятностей со стригоями у нас больше не было бы.

— И морои больше не взаимодействовали бы с внешним миром, — пробормотала я. — Ну до тех пор, пока люди не обнаружат, что в дикой местности вырастают тайные вампирские города. Тогда взаимодействия будет хоть отбавляй.

Вторая теория касательно защиты мороев затрагивала не технические проблемы их проживания, а носила скорее личностный характер — в особенности для меня.

— Но у нас недостаточно стражей. — Этот план защищала женщина из клана Селски. — Ответ прост: увеличить их количество. У Дроздовых было пять стражей — явно мало. У нас их всего шесть для защиты более дюжины мороев! Это недопустимо.

— И где же вы их возьмете? — спросил мужчина, отстаивающий вариант кучного проживания мороев. — Их источники весьма и весьма ограничены.

Женщина кивнула туда, где сидели я и еще несколько новичков.

— У нас они уже есть. Я видела, как они тренируются. Они смертоносны. Почему мы ждем, пока им исполнится восемнадцать? Если ввести ускоренную программу обучения, сфокусированную не столько на работе с книгами, сколько на реально боевых тренировках, они смогут становиться стражами в шестнадцать.

Дмитрий издал гортанный звук, явно выражая свое неудовольствие. Он сидел наклонившись вперед, опираясь локтями на колени, а подбородком на руки и задумчиво сощурил глаза.

— И не только, — продолжала женщина. — Масса дампиров пропадают впустую. Где все женщины-дампиры? Наши расы тесно связаны между собой. Морои выполняют свою роль, помогая дампирам выживать. Почему их женщины не выполняют свою? Почему они не здесь?

В ответ послышался раскатистый, почти непристойный в таких обстоятельствах смех. Все взоры обратились к Таше Озера. Многие королевские особы принарядились для этого собрания, она же выглядела как обычно: джинсы, белая безрукавка, слегка открывающая живот, и голубой кардиган ажурной вязки до колен. Она посмотрела на председателя и спросила:

— Можно?

Он кивнул. Таша встала. В отличие от других ораторов она подошла к подиуму, чтобы ее могли видеть все. Блестящие черные волосы собраны в хвост, полностью открывая шрам, что, полагаю, было сделано намеренно. Выражение лица смелое и вызывающее. Она была прекрасна.

— Эти женщины не здесь, Моника, потому что они заняты воспитанием своих детей — тех самых, которых ты готова посылать на передовую, как только они научатся ходить. И пожалуйста, не унижай всех нас, высказываясь в том духе, что морои оказывают огромную любезность дампирам, помогая им воспроизводиться. Может, в вашей семье это по-другому, но для большинства из нас секс — очень приятная вещь. Морои, занимающиеся сексом с дампирами, никакой жертвы при этом не приносят.

К этому моменту Дмитрий выпрямился, сердитое выражение исчезло с его лица. Наверное, почувствовал возбуждение, когда его новая подруга упомянула секс. Раздражение охватило меня, оставалось лишь надеяться, что, видя враждебное выражение моего лица, люди отнесут его на счет стригоев, а не женщины, которая сейчас обращалась к нам.

Внезапно за спиной Дмитрия я заметила Мию. Она сидела отдельно от остальных, в одном из последних рядов. До сих пор я не замечала ее присутствия. Глаза у нее были красные, лицо бледнее обычного. Странная боль обожгла грудь, никогда не думала, что Мия может породить у меня такое чувство.

— И причина, почему стражами становятся только восемнадцатилетние, в том, что мы хотим дать им подобие нормальной жизни, прежде чем посылать навстречу смерти. Эти несколько лишних лет требуются для того, чтобы развиться не только физически, но и умственно. Выталкивать их в пекло до того, как они будут готовы, обращаться с ними, как с деталями на сборочном конвейере, — значит просто заниматься заготовкой корма для стригоев.

Некоторые удивленно открывали рты, слушая откровенные, прямые высказывания Таши, но одного она добилась несомненно — все внимание было приковано к ней.

— Заставлять других женщин-дампиров становиться стражами

равноценно заготовке пушечного мяса. Нельзя насильно добиться того, чего они не хотят. Я сказала бы, это самый глупый план, который мне доводилось слышать, — если бы не пришлось прежде выслушать вот его.

Она кивнула на первого оратора, того, который отстаивал идею совместного проживания больших групп мороев. На лице мужчины возникло выражение замешательства.

— В таком случае просвети нас, Наташа, — сказал он. — Расскажи, что, по-твоему, мы должны делать, — на основе своего богатого опыта общения со стригоями.

Улыбка искривила губы Таши, но она не стала отвечать на оскорбительный намек.

— Что делать? — Она отошла к самому краю подиума, пристально глядя на нас. — Полагаю, надо завязывать с планами, перекладывающими на плечи других нашу защиту. По-вашему, стражей слишком мало? Не в этом проблема. Просто распелось слишком много стригоев. И мы позволили им увеличиваться в количестве и становиться все более могущественными, мы не предпринимаем ничего, чтобы помешать этому, кроме глупейших споров вроде сегодняшнего. Мы убегаем и прячемся за спинами дампиров, позволяя стригоям беспрепятственно уходить. Это наша вина. Мы виновники гибели Дроздовых. Вам требуется целая армия. Ну вот она, здесь. Дампиры не единственные, кого можно научить сражаться. Вопрос не в том, Моника, почему женщины-дампиры не участвуют в этой битве. Вопрос в том, почему мы не участвуем в ней?

Сейчас Таша почти кричала, и от напряжения щеки у нее порозовели. В глазах пылала страсть, и в сочетании с прекрасными чертами лица — несмотря на шрам — она производила потрясающее впечатление. Большинство не могли оторвать от нее глаз. Лисса изумленно смотрела на Ташу, явно воодушевленная ее словами. Мейсон выглядел просто загипнотизированным. Дмитрий тоже находился под сильным впечатлением. А дальше за его спиной...

Дальше за его спиной сидела Мня. Она больше не съеживалась в своем кресле. Она сидела прямая как палка, широко распахнув глаза и глядя на Ташу с таким выражением, как будто лишь она одна знала все ответы на вопросы, которые ставила жизнь.

Моника Селски явно не испытывала подобного благоговейного трепета.

— Хочешь сказать, в случае нападения стригоев морои должны сражаться вместе со стражами? — спросила она, вперив в Ташу пристальный взгляд.

Та ответила ей спокойно, но твердо:

— Нет. Морои и стражи должны бороться со стригоями до того, как те нападут.

Вскочил парень лет за двадцать, который выглядел как фотомодел. Я была готова поспорить, он из числа королевских особ. Только они могут позволить себе обесцвечивать волосы столь совершенно. Он стянул дорожный свитер, завязанный вокруг талии, повесил его на спинку кресла и заговорил насмешливо, даже не спросив разрешения:

— Ох, значит, ты собираешься дать нам дубинки, колы и отослать сражаться?

Таша пожала плечами.

— Если потребуется, Андрей, то да, конечно. — Лукавая улыбка тронула ее красивые губы. — Но есть и еще одно оружие, которое мы можем научиться использовать. То, которое недоступно стражам.

Судя по выражению лица парня, он считал эту идею совершенно безумной и закатил глаза.

— Правда? Вроде чего?

Ее улыбка стала еще шире.

— Вроде вот этого.

Она взмахнула рукой, и его свитер, висевший на спинке кресла, охватило пламя.

Он взвизгнул, сбил его на пол и принялся топтать ногами.

По залу пронесся общий вдох... а потом воцарился хаос.

ТРИНАДЦАТЬ

Люди вскакивали со своих мест и вопили, каждый жаждал, чтобы его мнение было услышано. Многие пришли к выводу — Таша неправа. Люди заявляли, что она сошла с ума. Они говорили, если послать мороев и вампиров вместе сражаться со стригоями, вымирание обеих рас лишь ускорится. У них даже хватало наглости высказывать предположение, будто именно таков и был план Таши... что она каким-то образом сотрудничает со стригоями.

Дмитрий встал, с отвращением обзревая творившийся вокруг хаос.

— Можно уходить. Ничего полезного тут больше не услышишь.

Мы с Мейсоном поднялись, но, когда я последовала за Дмитрием к выходу, Мейсон покачал головой.

— Ты иди, — сказал он. — А я хочу еще кое-что выяснить.

Я бросила взгляд на яростно спорящих людей и пожала плечами.

— Удачи тебе.

Просто не верилось, что прошло всего несколько дней с тех пор, как я разговаривала с Дмитрием. Когда мы вместе вышли в коридор, возникло ощущение, будто миновали годы. Эти последние два дня в обществе Мейсона прошли замечательно, но едва я снова увидела Дмитрия, как прежние чувства моментально ожили. Внезапно Мейсон показался мне ребенком. Мои переживания по поводу ситуации с Ташей тоже всколыхнулись, и глупейшие слова сорвались с губ, прежде чем я сумела сдержать их.

— Разве ты сейчас не должен быть там, с ней? — спросила я. — Прежде чем толпа набросится на нее? Она использовала магию на глазах у всех, у нее могут быть большие неприятности.

Он вскинул бровь.

— Она сама способна о себе позаботиться.

— Ах, ну да, конечно, она ведь супер — и тебе карате, и магия. Я понимаю. Просто подумала, раз ты собираешься быть ее стражем и все такое...

— Где ты это слышала?

— У меня свои источники. — Почему-то признаваться, что мама посвятила меня в эти планы, не хотелось. — Ты уже решил, да? В смысле, это, похоже, выгодная сделка — и дополнительные льготы, которые она тебе может дать...

Он устремил на меня твердый взгляд.

— То, что происходит между мной и ею, — не твое дело.

Слова «между мной и ею» обожгли меня. Они звучали так, будто все у них уже слажено. И, как часто бывает, когда мне больно, я сорвалась с узды.

— Ну, не сомневаюсь, вы будете счастливы вместе. Она в твоём вкусе — уж мне-то известно, как сильно тебе не нравятся сверстницы. В смысле, насколько она старше тебя? На шесть лет? На семь? А я на семь моложе.

— Да, — протянул он после небольшой паузы. — На семь. И своей болтовней ты лишь доказываешь, насколько ещё молода.

Вот это да! Челюсть у меня отвисла чуть не до пола. Даже удар матери не причинил такой боли. На мгновение мне показалось, что в его глазах мелькнуло сожаление, типа до него только сейчас дошло, как грубо прозвучали его слова. Но момент прошёл, и на его лице возникло прежнее жесткое выражение.

— А-а, маленькая дампирка, — внезапно произнес где-то рядом голос.

Все ещё потрясенная, я медленно повернулась и увидела Адриана Ивашкова. Он улыбнулся мне и кивнул Дмитрию. По ощущению, мое лицо пылало. Интересно, что именно Адриан слышал?

Он вскинул руки.

— Я не собираюсь вам мешать. Просто хочу поговорить с тобой, когда у тебя будет время.

Захотелось сказать Адриану, что у меня нет времени играть в его игры, в чем бы они ни состояли. Однако слова Дмитрия все ещё причиняли жгучую боль. Он смотрел на Адриана явно неодобрительно — наверное, как и все, был наслышан о его дурной репутации.

«Вот и хорошо», — подумала я.

Внезапно мне страстно захотелось, чтобы он тоже испытал ревность, захотелось причинить ему такую же боль, как он мне. Проглотив свои страдания, я извлекла на свет улыбку, сбивающую мужчин наповал, — ту, которую уже давно не использовала. Подошла к Адриану и положила ему на плечо руку.

— У меня есть время сейчас. — Я кивнула Дмитрию и повела Адриана прочь, держась очень близко к нему. — Увидимся позже, страж Беликов.

Дмитрий провожал нас неподвижным взглядом карих глаз. Потом я отвернулась и больше уже не смотрела в его сторону.

— Не увлекаешься старшими парнями? — спросил Адриан, когда мы остались одни.

— У тебя разыгралось воображение. Ничего удивительного — моя

ошеломительная красота затуманивает твой разум.

Он засмеялся своим очаровательным смехом.

— Не исключено.

Я попятилась, но он обхватил меня рукой.

— Нет-нет, ты хотела сделать вид, что близко дружна со мной, — так давай уж доводи дело до конца.

Я закатила глаза, но не сбросила его руку. От него исходил запах алкоголя и неизменной гвоздики. Интересно, сейчас он пьян? У меня возникло отчетливое ощущение, что, скорее всего, разница невелика, пьян он или трезв, — с точки зрения его поведения.

— Чего ты хочешь? — спросила я.

Он пристально вглядывался в мое лицо.

— Я хочу, чтобы ты взяла Василису и вместе с ней пошла со мной. Предстоит небольшое развлечение. Ты, скорее всего, захочешь прихватить купальник. — Казалось, это допущение слегка разочаровало его. — Если, конечно, ты не намерена плавать нагишом.

— Что? Только что мы узнали о гибели стольких мороев и дампиров, а ты собираешься плавать и развлекаться?

— Не просто плавать, — тоном бесконечного терпения ответил он. — Именно из-за этого убийства вам следует пойти туда.

Не успела я рта раскрыть, как из-за угла вышли мои друзья: Лисса, Мейсон и Кристиан. Эдди Кастиль тоже был тут, что неудивительно, но здесь присутствовала и Мия... Они о чем-то увлеченно беседовали, но при виде меня сразу смолкли.

— Вот ты где, — сказала Лисса с выражением недоумения на лице.

Я вспомнила, что рука Адриана все еще обнимает меня, и выскользнула из-под нее.

— Привет, ребята.

Возник отчетливо ощутимый момент неловкости. Адриан издал негромкий смешок. Я широко улыбнулась сначала ему, а потом своим друзьям.

— Адриан приглашает нас поплавать.

Они удивленно смотрели на меня, и я почти видела, как колесики всевозможных догадок и предположений вертятся у них в головах. Лицо Мейсона слегка омрачилось, но, как и остальные, он молчал. Я подавила стон.

Адриан не обиделся, что я распространила на других его приглашение. Впрочем, ничего другого я и не ожидала — учитывая его беспечную жизненную позицию. Мы взяли купальники и вслед за ним пошли в

дальнее крыло базы, к выходу на винтовую лестницу, уходящую вниз. У меня даже голова закружилась, пока мы спускались. На стенах висели электрические лампы, но по мере спуска крашенные стены сменились резным камнем.

Внизу стало ясно, что Адриан говорил правду — это не просто бассейн, а целый SPA-комплекс, предназначенный исключительно для морейской элиты. В данный момент его забронировала для себя компания королевских особ — друзей Адриана, надо полагать. Их было около тридцати, все его возраста или старше; все несли на себе печать богатства и принадлежности к элите. Комплекс представлял собой несколько водоемов с горячими минеральными источниками. Может, когда-то они били просто в пещере, но строители базы постарались, и от дикого природного окружения не осталось и следа. Черные каменные стены и потолок были отполированы и сверкали. Вроде находишься в пещере — но красивой, искусственно созданной. Вдоль стен тянулись вешалки с полотенцами и стояли столы с экзотическими яствами. Сами водоемы были под стать декору: выложены полированным камнем, внутри горячая вода, подогреваемая подземным источником. Помещение наполнял пар, в воздухе ощущался слабый металлический привкус. Вокруг разносились плеск воды и смех.

— Почему Мия с вами? — негромко спросила я Лиссу, пока мы пересекали огромное помещение в поисках незанятого водоема.

— Она разговаривала с Мейсоном, когда мы собрались уходить, — тоже очень тихо ответила Лисса. — Бросить ее... это казалось... ну просто...

Даже я согласилась с ней. На лице Мии заметны были признаки горя, но стоило Мейсону заговорить с ней, и это сразу отвлекало ее.

— Я думала, ты не знакома с Адрианом, — добавила Лисса.

И наша связь, и тон ее голоса демонстрировали неодобрение.

В конце концов мы нашли большой водоем, немного в стороне от остальных. На дальнем конце плескались парень и девушка, полностью поглощенные друг другом, но места хватало для всех. Я попробовала воду ногой и тут же отдернула ее.

— Я и не знакома, — ответила я. Осторожно снова сунула ногу в воду, потом начала медленно погружаться. Когда вода дошла до уровня живота, я состроила гримасу. На мне было красно-коричневое бикини, и вода обожгла голый живот.

— Ну, немного ты все же, наверное, знакома с ним. Судя по тому, что он пригласил тебя сюда.

— Да, но разве сейчас он с нами?

Она проследила за моим взглядом. Адриан стоял на другой стороне помещения с группой девушек в бикини, более открытых, чем мой. На одной был купальник от Бетси Джонсон, который я видела в журнале и страстно хотела. Я вздохнула и отвернулась.

К этому времени мы все уже сидели в воде, горячей, словно суп. Лисса, похоже, поверила в то, что у меня с Адрианом совершенно невинные отношения, и я решила, что можно переключиться на другие темы.

— О чем вы толкуете? — прервала я разговор остальных.

Можно, конечно, послушать и догадаться самой, но так было проще.

— О собрании, — взволнованно ответил Мейсон.

Похоже, он уже пришел в себя после того, как увидел меня с Адрианом.

Кристиан устроился на маленькой полке, Лисса примостилась рядом с ним. Обхватив рукой, он слегка отклонял ее назад, чтобы она не соскользнула с края.

— Твой бойфренд жаждет повести армию против стригоев, — сказал он, явно провоцируя меня.

Я вопросительно посмотрела на Мейсона; комментировать вызов, содержащийся в слове «бойфренд», — оно того не стоило.

— Эй, вообще-то это идея твоей тети, — напомнил Мейсон Кристиану.

— Она сказала лишь, что мы должны найти стригоев прежде, чем они снова найдут нас, — возразил Кристиан. — Она не подначивала новичков сражаться. Это делала Моника Селски.

Подошла официантка с подносом, уставленным изысканными хрустальными бокалами на длинных ножках, с посыпанным сахаром краями и каким-то розоватым напитком. У меня возникло сильное подозрение, что это алкоголь и вряд ли тот, кто протащил его, получил на это разрешение. Мой опыт с алкоголем сводился в основном к дешевому пиву. Я взяла бокал и посмотрела на Мейсона.

— По-твоему, это хорошая идея? — спросила я его и осторожно попробовала напиток.

В качестве проходящего обучение стража я всегда должна быть настороже, но сегодня мной снова овладели бунтарские настроения. Напиток на вкус напоминал пунш. Грейпфрутовый сок. Что-то сладкое, наподобие земляники. И определенно алкоголь, но мне он не показался крепким.

Вскоре появилась другая официантка, тоже с подносом, но на этот раз

с едой. Я пробежала по угощениям взглядом и почти ничего не узнала. Здесь было что-то отдаленно напоминающее фаршированные сыром грибы и что-то еще, выглядевшее как круглые куски мяса или колбасы. Как типичное плотоядное, я потянулась именно к одному такому кружку, посчитав, что вряд ли он окажется так уж плох.

— Это foie gras, — сказал Кристиан с ехидной улыбкой, которую я терпеть не могла.

Я настороженно посмотрела на него.

— Что это значит?

— Не знаешь? — Тон у него был самоуверенный, и впервые в жизни голос звучал как у настоящего королевского отпрыска, кичащегося своими элитными знаниями перед нами, мелкими сошками. — Рискни. Выясни.

Лисса испустила раздраженный вздох.

— Гусиная печень. Я отдернула руку. Официантка прошла мимо.

Кристиан рассмеялся. Я сердито воззрилась на него.

Тем временем Мейсону по-прежнему не давал покоя мой вопрос насчет того, хорошая ли идея — разрешить новичкам принимать участие в сражениях еще до окончания школы.

— Чем уж таким важным мы занимаемся? — спросил он с негодованием. — Чем ты занимаешься? Каждое утро бегаешь кругами с Беликовым. Что это дает тебе? Что это дает мороям?

Что? Заставляет сердце биться чаще, а в голову лезут неприличные мысли. Но этого, конечно, я не сказала.

— Мы еще не готовы.

— Нам осталось всего полгода, — вклинился в разговор Эдди.

Мейсон кивнул в знак согласия.

— Вот именно. Чему особенному мы успеем научиться?

— Много чему, — ответила я, думая о том, сколько полезного давали мне занятия с Дмитрием, и прикончила напиток. — Кроме того, как определить предел? Допустим, мы закончим школу на шесть месяцев раньше и приступим к делу. Что дальше? Они решат укоротить обучение и, скажем, отменяют старший класс? Или два старших класса?

Он пожал плечами.

— Сражение меня не пугает. Я мог бы бросить вызов стригую и на втором курсе.

— Ага, — сказала я сухо. — В точности как ты это сделал на горном склоне.

Лицо Мейсона, уже раскрасневшееся от жары, стало пунцовым. Я тут же пожалела о своих словах, в особенности когда Кристиан расхохотался.

— Вот уж не думал дожить до того дня, когда буду согласен с тобой, Роза. Но, увы, это так. — Официантка с коктейлями снова подошла к нам, и мы с Кристианом взяли по бокалу. — Морои должны учиться защищать себя.

— С помощью магии? — внезапно спросила Мия.

Она впервые заговорила с тех пор, как мы оказались здесь. Ответом ей было молчание. Я подумала, что Мейсон и Эдди не ответили, потому что ничего не знают о сражении с помощью магии. Лисса, Кристиан и я промолчали, изо всех сил пытаясь делать вид, будто нам тоже ничего неизвестно. В глазах Мии, однако, вспыхнул странный огонек надежды. Трудно даже представить себе, что она сегодня пережила. Проснувшись, она узнала о смерти матери, а потом часами слушала политические разглагольствования и обсуждение различных боевых стратегий. Сам факт, что она сидела здесь и была... ну почти спокойна, ка»: зался чудом. Мне казалось, дети, по-настоящему любящие своих матерей, вряд ли способны сохранять спокойствие в подобной ситуации.

Поняв, что все настроены и дальше хранить молчание, я в конце концов прервала затянувшуюся паузу:

— Видимо, да, но... мне мало известно об этом.

Я допила второй бокал и отвела взгляд, надеясь, что кто-нибудь поддержит разговор. Увы, этого не произошло. Мия выглядела разочарованной, но больше не вмешивалась, когда Мейсон снова вернулся к проблеме борьбы со стригоями. Я взяла третий бокал и погрузилась в воду настолько, насколько требовалось, чтобы удерживать его. Напиток был другой — шоколадный, с шапкой пены наверху. Я попробовала его и определенно почувствовала жгучий привкус алкоголя. Но посчитала, что шоколад сведет его воздействие на нет.

Созрев для четвертого бокала, я оглянулась, однако официантки нигде не увидела. Внезапно Мейсон показался мне ужасно, ужасно привлекательным: Я была совсем не против, чтобы он уделил мне чуточку романтического внимания, но он по-прежнему талдычил о стригоях и организации нанесения удара в разгаре дня, при солнечном свете. Мия и Эдди энергично соглашались с ним, и у меня возникло ощущение, что, реши он открыть охоту на стригоев прямо сейчас, они присоединятся к нему. Кристиан тоже принимал участие в разговоре, но скорее играл роль «адвоката дьявола». Типично для него. Он отстаивал идею опережающего совместного удара стражей и мороев — как говорила Таша. Мейсон, Мия и Эдди возражали, что, если морои к этому не готовы, решение проблемы должны взять в свои руки стражи.

Честно признаюсь, их энтузиазм был заразителен. Мне скорее нравилась идея получить преимущество неожиданности, самым напав на стригоев. Однако в случаях с Бадика и Дроздовыми все стражи погибли. Поскольку теперь не вызывало сомнений, что стригои сумели организовать в большие группы и получить помощь со стороны, мы должны быть особенно осторожны.

Привлекательный там Мейсон или нет, я не хотела больше слушать, как он рассуждает о своих боевых навыках. Я хотела еще выпить. Встала, перелезла через край водоема и, к моему огромному удивлению, почувствовала, что мир начал вращаться. Такое уже случалось, когда я слишком быстро выбиралась из горячей ванны, но поскольку оно продолжалось и продолжалось, я помяла, что напитки были далеко не так безобидны, как казалось.

Я решила отказаться от четвертого бокала, но мне не хотелось возвращаться обратно; не хотелось, чтобы все поняли, как я пьяна. Я направилась в ту часть помещения, откуда появлялись официантки. Может, там есть запас десертов — шоколадный мусс, к примеру, вместо гусиной печенки. По дороге я очень внимательно смотрела себе под ноги, опасаясь свалиться в один из водоемов и раскроить себе череп.

Я была так сильно сосредоточена на этом, что налетела на кого-то. К моей чести, это была его вина: он врезался в меня.

— Эй, поосторожнее! — сказала я, изо всех сил стараясь сохранить равновесие.

Однако он не обратил на меня внимания, его взгляд был прикован к другому парню — к парню, у которого из носа текла кровь.

Оказывается, я угодила прямо в разгар драки.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Я никогда прежде не встречалась с парнями, принявшими сейчас боевую стойку друг против друга. Обоим было за двадцать, и оба не смотрели по сторонам. Тот, кто врезался в меня, с силой толкнул другого, заставив его пошатнуться.

— Ты боишься! — закричал он.

На нем были зеленые плавки, черные волосы блестели от воды.

— Все вы боитесь! Предпочитаете отсиживаться в своих особняках, предоставляя стражам делать всю грязную работу. И что, интересно, вы будете делать, когда они погибнут? Кто тогда защитит вас?

Другой парень тыльной стороной ладони стер кровь с лица. Я внезапно узнала его — благодаря сильно обесцвеченным светлым волосам. Это он крикнул Таше, что она хочет бросить мороев и сражение. Она назвала его Андреем. Королевский отпрыск, без сомнения. Он тоже попытался нанести удар, но потерпел неудачу, техника у него была никудышная.

— Это безопаснее всего. Если мы послушаемся эту любительницу стригоев, то все будем мертвы. Она стремится уничтожить обе наши расы!

— Она стремится спасти нас! «Любительница стригоев» — надо полагать, Таша. Парень рядом со мной, явно не являющийся королевским отпрыском, был первым за пределами моего круга, кто высказался в ее пользу. Интересно, многие ли другие из числа присутствующих разделяют его взгляды? Он снова врезал Андрею, и мой основной инстинкт — или, может, пуш — заставил меня вмешаться.

Я рванулась вперед и вклинилась между ними. Немного кружилась голова, да и ноги не слишком хорошо держали. Если бы парни не стояли так близко, я, скорее всего, упала бы. Чувствовалось, что обоих мое появление застало врасплох.

— Вали отсюда! — рявкнул Андрей.

Как мужчины и морои, оба были выше и тяжелее меня, но я наверняка была сильнее любого из них поодиночке. Надеюсь, что у меня получится, я взяла каждого за руку, подтянула к себе, а потом со всей силой оттолкнула в разные стороны. Оба чуть не упали, явно не ожидая, что я настолько сильна. Я, правда, тоже слегка пошатнулась.

Тот, в зеленых плавках, сделал шаг ко мне, сверля сердитым взглядом. Я рассчитывала на то, что, придерживаясь старомодных взглядов, он не

станет бить девушку.

— Что ты себе позволяешь? — воскликнул он. Вокруг уже собрались люди, взволнованно наблюдая за происходящим.

— Пытаюсь помешать двум парням выглядеть еще большими идиотами, чем они есть! Вы хотите помочь? Перестаньте сражаться друг с другом! Оторвать друг другу головы — это не спасет мо-роев, просто уменьшит их и без того скудный генофонд. — Я кивнула Андрею. — Таша Озера не стремится уничтожить никого. Она просто хочет, чтобы вы перестали, выступать в роли жертв. — Я повернулась к другому парню. — А ты... тебе еще расти и расти, если ты считаешь, будто драка — это способ отстаивать свою точку зрения. Магия — в особенности наступательная — требует огромного самоконтроля, а пока ты в этом немногого достиг. У меня его и то больше, а если бы ты знал меня, то понимал бы значение моих слов.

Парни ошеломленно уставились на меня. По-видимому, я оказалась эффективнее тазера.^[5] Правда, всего на несколько секунд. Как только шок от моих слов прошел, они снова принялись тузить друг друга. Я попала под перекрестный огонь, и меня попросту отпихнули в сторону, причем я чуть не упала. Внезапно откуда-то сзади на защиту мне ринулся Мейсон, врезав первому подвернувшемуся парню — тому, не королевских кровей.

Парень отлетел назад и с громким всплеском упал в один из водоемов. Я взвизгнула, вспомнив, как раньше сама боялась свалиться туда и раскроить себе череп, однако спустя несколько мгновений он поднялся и принялся протирать глаза от воды.

Я схватила Мейсона за руку, пытаюсь сдержать его, но он вырвался и кинулся к Андрею. С силой толкнул его, и тот врезался в нескольких стоящих рядом мороев — надо полагать, его друзей, — которые, казалось, тоже пытались прекратить драку. Парень в водоеме выбрался оттуда, пылая яростью, и снова устремился к Андрею, но тут уж путь ему преградили мы с Мейсоном. Он сердито посмотрел на нас.

— Не лезь! — предостерегающе сказала я.

Он стиснул кулаки и, казалось, готов был броситься на нас. Но мы выглядели впечатляюще, и, похоже, у него не было свиты, как у Андрея, — который, кстати, продолжал выкрикивать оскорбления, пока друзья уводили его от греха подальше. Бросив несколько угрожающих реплик, парень отступил.

Как только он ушел, я спросила Мейсона:

— Ты в своем уме?

— А?

— Впутался в драку!

— А ты? — возразил он. И конечно, был прав.

— Это другое, — проворчала я.

Он наклонился ко мне.

— Ты пьяна?

— Нет. Конечно, нет. Просто пытаюсь помешать тебе совершить глупость. Твои иллюзии насчет способностей убивать стригоев вовсе не означают, что следует набрасываться на всех подряд.

— Иллюзии? — переспросил он сухо.

И тут на меня накатила тошнота, голову повело. Я двинулась в том же направлении, что и прежде, надеясь ни обо что не споткнуться.

Однако, добравшись до стены, я обнаружила, что никакая это не комната с десертами и выпивкой. Во всяком случае, в моем понятии. Передо мной была комната для «кормления». Несколько людей раскинулись в накрытых атласом шезлонгах, рядом с каждым сидел морой. Запах жасмина витал в воздухе. Ошеломленно — но и зачарованно — я смотрела, как светловолосый морой впился зубами в шею очень хорошенькой рыжеволосой девушки. Все «кормилицы» здесь выглядели исключительно привлекательными, дошло до меня. Вроде актрис или моделей. Для королевских особ — все самое лучшее.

Парень пил кровь долго, жадно, а девушка закрыла глаза, слегка приоткрыв губы. На ее лице расплывалось выражение кайфа, по мере того как моройские эндорфины проникали в кровеносную систему. Я вздрогнула, вспомнив те времена, когда сама впадала в такую же эйфорию. Внезапно в затуманенном алкоголем сознании все это приобрело потрясающе эротичный характер. Фактически я словно подглядывала, как люди занимаются сексом. Закончив и слизнув с губ последние капли крови, морой нежно поцеловал девушку в щеку.

— Хочешь добровольно предложить себя?

Кончики пальцев легко коснулись моей шеи, я подскочила, резко повернулась и увидела зеленые глаза и понимающую усмешку Адриана.

— Убери руку, — потребовала я, стряхивая ее.

— Тогда что ты здесь делаешь?

Я повела рукой вокруг.

— Просто заблудилась.

Он внимательно вглядывался в мое лицо.

— Ты пьяна?

— Нет. Конечно, нет... но... — Тошнота немного унялась, но я все еще чувствовала себя не в форме. — Думаю, мне нужно присесть.

Он взял меня за руку.

— Ну, здесь не стоит. Тебя могут понять неправильно. Пойдем куда-нибудь в спокойное местечко.

Он привел меня в другую комнату. Я с интересом оглянулась по сторонам. Здесь делали массаж. Несколько мороев лежали на столах, служащие отеля массируют им ноги и спины. Массажное масло пахло розмарином и лавандой. В других обстоятельствах массаж — замечательно, однако в данный момент мне меньше всего хотелось лежать на животе.

Я села на покрытый ковром пол и прислонилась к стене. Адриан отошел, вернулся со стаканом воды, сел рядом и протянул его мне.

— Выпей. Это поможет.

— Говорю же, я не пьяна, — промямлила я, но воду выпила.

— Угу. — Он улыбнулся мне. — Ты была молодцом, когда вмешалась в драку. Кто тот парень, что помог тебе?

— Мой бойфренд.

— Мия права. У тебя в жизни много парней.

— Вовсе нет.

— Ладно. — Он все еще улыбался. — А где Василиса? Я думал, она все время рядом с тобой.

— Она со своим бойфрендом.

— Что за тон? Ревность? Ты сама претендуешь на него?

— Господи, нет. Просто он мне не нравится.

— Он плохо с ней обходится? — спросил Адриан.

— Нет. Он обожает ее. Он просто... ну псих.

Это почему-то развеселило Адриана.

— Ага, все-таки ревность. Она проводит с ним больше времени, чем с тобой?

Я проигнорировала его вопрос.

— Почему ты все время спрашиваешь меня о ней? Ты ею интересуешься?

Он засмеялся.

— Успокойся, я не интересуюсь ею в том смысле, как тобой.

— И однако все время заговариваешь о ней.

— Я просто хочу поболтать с ней.

Он ушел и принес мне еще воды.

— Полегчало? — спросил он, протягивая мне стакан, хрустальный, украшенный сложной резьбой.

Он выглядел слишком эффектно для простой воды.

— Да... Я не думала, что напитки такие крепкие.

— В этом их прелесть. — Он засмеялся. — Кстати, о прелести... Тебе замечательно идет красный цвет.

Я поерзала. Мой купальник был не такой открытый, как у тех девушек, и все же демонстрировал больше, чем мне хотелось, имея дело с Адрианом. Или на самом деле я вовсе не против? В нем по-прежнему ощущалось что-то странное. Его самоуверенные манеры раздражали... и все же мне нравилось его общество. Наверное, моя самоуверенность ощущала в нем родственный дух. Где-то в глубине одурманенного разума внезапно вспыхнул свет... но тут же погас, еще до того, как я осознала его значение. Я отпила воды.

— Ты уже минут... м-м-м... десять без сигареты, — заметила я, меняя тему разговора.

Он состроил гримасу.

— Здесь не курят.

— Уверена, ты восполняешь пробел пуншем.

Его улыбка вернулась.

— Ну, некоторые в состоянии удерживать в себе наши спиртные напитки. Как ты насчет этого, кстати?

Я все еще ощущала опьянение, но тошнота ушла.

— Все в порядке.

— Хорошо.

Мне припомнился сон с его участием. Просто сон, но он не отпускал меня, в особенности разговор о тьме. Захотелось расспросить его... хотя я и понимала, это глупо. Это был мой сон, не его.

— Адриан...

Он обратил на меня взгляд зеленых глаз.

— Да, дорогая?

Но я не смогла заставить себя спросить.

— Так, ничего.

Он начал возражать, но потом повернул голову к двери.

— А-а, вот и она.

— Кто...

В комнату вошла Лисса, шаря взглядом по сторонам. Когда она заметила нас, чувство облегчения отразилось на ее лице. Ощущать его, однако, я не могла — опьяняющие вещества типа алкоголя притупляют нашу связь. Еще одна причина, почему мне не следовало так глупо рисковать сегодня.

— Вот ты где. — Она опустилась рядом со мной на колени и кивнула Адриану: — Привет.

— И тебе привет, кузина, — ответил он.

У королевских особ принято иногда так обращаться друг к другу.

— Ты в порядке? — спросила меня Лисса. — Когда я поняла, как сильно ты пьяна, я испугалась, что ты можешь свалиться в какой-нибудь водоем и утонуть.

— Я не... — Нет, отрицать было бессмысленно. — Сейчас все прекрасно.

Адриан разглядывал Лиссу с нехарактерным для него серьезным выражением лица. Это снова напомнило мой сон.

— Как ты нашла ее?

Лисса бросила на него недоуменный взгляд.

— Я... ну... проверяла комнату за комнатой.

— А-а... — Он, казалось, был разочарован. — Я подумал, ты использовала вашу связь.

Мы обе уставились на него.

— Откуда тебе об этом известно? — спросила я.

Только несколько человек в школе знали о нашей связи. Адриан упомянул о ней так небрежно, как типа о цвете моих волос.

— Эй, я не обязан раскрывать свои секреты, — загадочно хмыкнул он. — И кроме того, есть что-то такое, когда вы вместе... Трудно объяснить, но это чертовски круто. Значит, все старые мифы — правда.

Лисса подозрительно рассматривала его.

— Связь работает только в одну сторону. Роза знает, что я чувствую и о чем думаю, а я нет.

— А-а... — Последовала пауза, во время которой я отпила еще воды. — В чем ты специализируешься, кузина?

У нее сделался смущенный вид. То, что она специализируется в духе, должно было оставаться строжайшим секретом, а иначе кто-нибудь мог снова попытаться злоупотребить ее даром. Однако ее всегда беспокоила проблема того, как объяснить другим, почему она не имеет специализации в общепринятом смысле этого слова.

— Ни в чем, — ответила она.

— Позднее цветение, так сказать?

— Нет.

— Ты, наверное, сильна в какой-нибудь другой стихии, верно? Но не настолько, чтобы реально овладеть ею?

Он преувеличенно успокаивающим жестом похлопал ее по плечу.

— Да, но как ты...

В то мгновение, когда его пальцы прикоснулись к ней, она потрясенно

открыла рот. Как будто в нее ударила молния. Необыкновенно странное выражение скользнуло по ее лицу. Даже в состоянии опьянения я почувствовала через нашу связь мощный всплеск радости. Она в полном ошеломлении смотрела на Адриана. Их взгляды встретились. Я не понимала, почему они так смотрят друг на друга, но меня это беспокоило.

— Эй! — сказала я ему. — А ну прекрати! Я же говорила тебе — у нее есть бойфренд.

— Знаю, — ответил он, все еще не спуская с Лиссы взгляда и еле заметно улыбаясь. — Нам с тобой нужно как-нибудь поболтать, кузина.

— Да, — согласилась она.

— Эй! — Я уже совсем перестала что-нибудь понимать. — У тебя же есть бойфренд. Вон он.

Она моргнула и возвратилась в реальность. Мы все повернулись к дверному проему, где стояли Кристиан и остальные. Внезапно я вспомнила, как они застали нас, когда Адриан обнимал меня за плечи. Сейчас ситуация была не намного лучше. Мы с Лиссой сидели по бокам от Адриана, очень близко к нему.

Она вскочила с немного виноватым видом. Кристиан с любопытством разглядывал ее.

— Мы собираемся уходить, — заявил он.

— Хорошо. — Она посмотрела на меня. — Ты готова?

Я кивнула и начала подниматься. Адриан подхватил меня под руку, помог встать и улыбнулся Лиссе.

— Рад был поболтать с тобой. — Потом он промурлыкал мне на ухо: — Не волнуйся. Я же сказал, что не интересуюсь ею в обычном смысле. Ей купальник не идет; впрочем, наверное, и без него она выглядит не лучше.

Я выдернула руку.

— Ну, этого ты никогда не узнаешь.

— У меня богатое воображение.

Мы все направились обратно в основную часть базы. Кристиан бросал странные взгляды на Лиссу, а Мейсон — на меня; вдобавок он как бы сторонился меня, идя впереди с Эдди. К собственному удивлению и дискомфорту, я обнаружила, что иду рядом с Мией. Вид у нее был совершенно несчастный.

— Я... Я правда очень, сочувствую тебе из-за произошедшего, — выдавила я в конце концов.

— Ты не обязана делать вид, будто тебя это заботит, Роза.

— Нет, нет! Я действительно так думаю. Ужасно... Мне очень жаль. — Она не смотрела на меня. — Ты... Ты, наверное, вскоре увидишься с

отцом?

— Как только установят памятник, — сухо ответила она.

— Ох!

Я не знала, что еще сказать, и сдалась, опустив взгляд на ступени, по которым мы поднимались. Неожиданно заговорила Мия.

— Я видела, как ты прекратила эту драку... — медленно протянула она. — Ты упомянула наступательную магию. Тебе известно о ней?

Прекрасно! Она собирается меня шантажировать... или нет? В тот момент она выглядела почти цивилизованным человеком.

— Это просто догадка, — ответила я, не собираясь выдавать Ташу и Кристиана, — реально я мало что знаю. Просто слышала о ней.

— А-а... — Лицо у нее вытянулось. — И что ты слышала?

— Ммм... Ну...

Я попыталась скоропалительно придумать что-нибудь не слишком конкретное — наподобие того, о чем я сказала этим парням. О необходимости владеть собой. Потому что во время схватки со стригоем может отвлечь любая мелочь. Значит, контролировать себя очень важно.

На самом деле таково основное правило стражей, но Мия-то об этом не знала. Ее глаза вспыхнули.

— Что еще? Какие заклинания используются?

Я покачала головой.

— Не знаю. Понятия не имею, как работают заклинания. Моя догадка состоит в том, что каждый из вас должен найти способ использовать свою стихию как оружие. К примеру, повелители огня обладают преимуществом, потому что огонь убивает стригоев. А повелители воздуха способны задушить человека.

Однажды я испытала на себе действие воздуха — через связь с Лиссой ощущения ужасные. Глаза Мии стали как блюдца.

— А повелители воды? Как они могут причи-пить вред стригую?

— Я... ммм... никогда не слышала рассказов о силе магии врды. Извини.

— Ну а сама-то как думаешь? Мог бы кто-то... ну вроде меня... научиться сражаться?

Ах, вот в чем дело! Я вспомнила, как взволнованно она выглядела на собрании, когда Таша говорила о нападении на стригоев. Мия жаждала отомстить стригоям за смерть матери. Неудивительно, что они с Мейсоном так хорошо спелись.

— Мия, — мягко заговорила я, придерживая дверь в вестибюль и пропуская ее, — я догадываюсь, что ты чувствуешь... Но, мне кажется,

сейчас... ну просто горевать.

Она покраснела, и внезапно передо мной предстала обычная злобная Мия.

— Не смей говорить со мной свысока! — отрезала она.

— Эй, ничего подобного! Я серьезно. Просто хочу сказать, не стоит рубить сгоряча, пока ты расстроена. Кроме того...

Я оборвала себя. Она прищурилась.

— Что?

К черту! Она должна знать.

— Ну, я на самом деле не знаю, чем грозит стригую магия воды. Скорее всего, вода — бесполезная стихия в борьбе с ними.

Ярость исказила ее лицо.

— Ты отпетая сука, тебе это известно?

— Я просто сказала правду.

— Ну а теперь позволь мне сказать тебе правду. Когда дело касается парней, ты становишься круглой идиоткой.

Я подумала о Дмитрие. Если она и заблуждается, то лишь отчасти.

— Мейсон замечательный, — продолжала она. — Один из самых привлекательных парней, которых я знаю, а ты на него ноль внимания! Он готов ради тебя на все, а ты путаешься с Адрианом Ивашковым.

Ее слова удивили меня. Может, Мия сама равнодушна к Мейсону? И хотя я-то знала, что не путаюсь с Адрианом, не вызывало сомнений, как это выглядело со стороны. И пусть у нас ничего не было, Мейсон все равно чувствует себя несчастным и преданным.

— Ты права, — понурилась я.

Она вытаращилась на меня, потрясенная моей кротостью, и всю оставшуюся часть пути молчала.

Когда мы добрались до той части базы, где пора было расставаться, я взяла Мейсона за руку и удержала его, помешав последовать за остальными.

— Подожди.

Я считала своим долгом разубедить его насчет Адриана, но тоненький голосок внутри поинтересовался, чем я руководствуюсь: реально ли хочу Мейсона, или мне приятно сознавать, что он хочет меня, и из чистого эгоизма я не желаю терять поклонника? На его лице застыло настороженное выражение.

— Хочу попросить у тебя прощения, — продолжала я. — Не стоило кричать на тебя во время драки—я понимаю, ты просто старался помочь. И с Адрианом... ничего нет. Это правда.

— А выглядит совсем иначе, — сказал Мейсон, но лицо у него начало проясняться.

— Знаю, но, поверь, это все он. Он... втрескался в меня, Ужасно глупо. Видимо, я говорила убедительно, потому что Мейсон улыбнулся.

— Ну, трудно не втрескаться.

— Меня он совсем не интересуется. И никто другой тоже.

Маленькая ложь, но в тот момент, казалось, это не имеет значения. С Дмитрием у меня скоро все закончится, а Мейсон... Мия права. Он замечательный, милый и привлекательный. Нужно быть идиоткой, чтобы упустить его... верно?

Я притянула Мейсона к себе. Других подсказок ему не требовалось. Он наклонился и поцеловал меня, сильно прижав к стене, — в точности как Дмитрий в тренировочном зале. Конечно, ощущения совсем другие, чем с Дмитрием, но, безусловно, приятные. Я обняла Мейсона и притянула его еще ближе.

— Мы могли бы пойти... куда-нибудь, — сказала я.

Он отодвинулся и засмеялся.

— Не сейчас — когда ты пьяна.

— Я больше... я уже... не пьяна.

Я снова притянула его к себе. Он легко поцеловал меня в губы и отступил на шаг.

— Пьяна, пьяна. Послушай, мне нелегко отказываться, поверь. Но если завтра ты не передумаешь — когда протрезвеешь, — тогда и поговорим.

Он снова наклонился и поцеловал меня. Я попыталась обнять его, но он опять вывернулся из моих рук.

— Уймись, девушка, — поддразнил меня он, пятясь в сторону своего коридора.

Я сердито уставилась на него, но он лишь рассмеялся, повернулся и ушел. Моя злость угасла, и я удалилась к себе в комнату с улыбкой на лице.

ПЯТНАДЦАТЬ

На следующее утро я красила ногти — нелегкая задача с таким чертовским похмельем, — когда в дверь постучали. Лисса ушла раньше, едва я проснулась, поэтому я, пошатываясь, пошла к двери, стараясь не испортить лак на ногтях. В коридоре стоял служащий отеля, в руках его была большая коробка. Слегка сдвинув ее, чтобы иметь возможность меня видеть, он сказал:

— Я ищу Розу Хэзевей.

— Это я.

Я взяла у него коробку, большую, но не тяжелую. Торопливо поблагодарила и закрыла дверь. Может, нужно было дать ему на чай? Ох, ладно! Я села на пол и поставила коробку рядом. Маркировка отсутствовала, коробка оклеена обычной упаковочной лентой. Я нашла ручку и начала протыкать ленту. Преуспев в этом, открыла коробку и заглянула внутрь. В ней были духи.

По крайней мере, тридцать маленьких флаконов с духами. О некоторых я слышала, о других нет. Диапазон от безумно дорогих, из тех, что предпочитают кинозвезды, до дешевых, которые мне приходилось видеть в аптеках. «Вечность». «Ангел». «Ванильные поля». «Нефритовый цветок». «Майкл Коре». «Яд». «Гипнотический яд». «Яд целомудрия». «Светло-голубой». «Мускус Юпитера». «Розовый сахар». «Вера Ваш». Один за другим я вытаскивала флаконы из коробки, читала названия и нюхала содержимое.

Я проверила таким образом почти половину флаконов, когда до меня дошло: это от Адриана.

Уж не знаю, как он сумел организовать их доставку в отель в столь короткое время, но, как известно, деньги могут все. Тем не менее подобного рода знаки внимания от богатого, испорченного моря по-прежнему меня не интересовали; по-видимому, он не улавливает посылаемых мной сигналов. С сожалением я начала убирать духи в коробку... но потом остановилась. Конечно, я верну их... но ведь не будет вреда, если я просто понюхаю остальные?

И снова я стала вытаскивать флакон за флаконом. Некоторые просто нюхала, сняв крышку, другими прыскала в воздух. «Интуиция». «Дольче и Габбана». «Шалимар». «Маргаритка». Один за другим ароматы обрушивались на меня: роза, фиалка, сандаловое дерево, апельсин, ваниль,

орхидея...

К тому времени, когда я закончила, нос практически вышел из строя. Все духи предназначались для людей, у которых обоняние слабее, чем у мороев и даже дампиров, так что для меня они оказались очень сильны. Адриан, видимо, понимал, что с меня хватит просто чуть-чуть разбрызгать духи. От всех этих флаконов голова закружилась, а что на моем месте испытал бы морой... это не поддается воображению. Сенсорная перегрузка отнюдь не уменьшила головную боль, с которой я проснулась.

На этот раз я отправила в коробку все флаконы, задержавшись лишь на том аромате, который мне действительно очень понравился. Я заколебалась, сжимая красный флакон в ладони. Открыла его и снова понюхала. Свежий, нежный аромат. В нем ощущался какой-то фрукт или ягода — но не засахаренный и не сладкий. Я уже когда-то нюхала его... похожие духи были у одной девушки в моем общежитии. Она говорила мне название... подобие вишни, но острее... А-а, смородина! Флакон источал тот же аромат, смешиваясь с каким-то цветочным. То ли ландыш, то ли еще что-то — я не могла определить. Как бы то ни было, эта смесь заворожила меня. Нежный аромат... но не слишком. Я прочла название. «Любовь. Любовь».

— Подходяще, — пробормотала я, думая о том, как много любовных проблем одолевали меня в последнее время.

Как бы то ни было, я оставила себе этот флакон и упаковала остальные.

С коробкой в руках я спустилась вниз к портье и взяла у него упаковочную ленту, чтобы снова заклеить коробку, и выяснила, где находится комната Адриана. По-видимому, Ивашковы занимали практически целое крыло. Оно находилось недалеко от комнаты Таши.

Ощущая себя курьером, я пошла по коридору и остановилась перед дверью Адриана. Не успела я постучать, как она открылась. На пороге стоял Адриан. Он выглядел удивленным, как, впрочем, и я.

— Маленькая дамписка, — сказал он радушно. — Вот уж кого не ожидал увидеть здесь.

— Я возвращаю вот это.

Не успел он возразить, как я сунула ему коробку. Он неуклюже, слегка пошатнувшись от неожиданности, подхватил ее, отступил на несколько шагов и поставил ее на пол.

— Не понравились? — спросил он. — Хочешь, достану еще?

— Не присылай мне больше подарков.

— Это не подарок. Просто услуга. Что за женщина без собственных

духов?

— Больше так не поступай, — твёрдо повторила я.

Внезапно голос позади него произнес.

— Роза? Это ты?

Я заглянула ему за спину. Лисса.

— Что ты здесь делаешь?

Из-за головной боли этим утром я заблокировала себя от нее насколько смогла. В нормальных обстоятельствах я мгновенно поняла бы, что она здесь, едва приблизившись к комнате. Сейчас я снова открыла себя Лиссе и почувствовала ее шок. Она не ожидала увидеть меня здесь.

— Что ты делаешь здесь? — спросила она.

— Девушки, девушки! — поддразнил Адриан. — Не стоит сражаться из-за меня.

Я сердито посмотрела на него.

— Никто и не сражается. Я просто хочу знать, что тут происходит.

Запах лосьона для бритья обрушился на меня, и голос за спиной произнес:

— И я тоже.

Я подскочила, обернулась и увидела Дмитрия. Интересно, он-то что делает в крыле Ивашковых?

«Наверное, идет в комнату Таши», — предположил голос у меня в голове.

То, что я запросто могу впутаться в любые неприятности, для Дмитрия не являлось неожиданностью, но присутствие Лиссы явно застало его врасплох. Он прошел мимо меня в комнату, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Предполагается, что девочки не должны находиться в комнатах мальчиков.

Я могла бы заметить, что технически Адриан не учащийся Академии, но понимала, этим от неприятностей не избавиться. Мы не должны находиться в комнате парней.

— И как только это тебе удастся? — огорченно спросила я Адриана.

— Что именно?

— Ставить нас в неловкое положение!

Он засмеялся.

— Вы же сами пришли сюда.

— Тебе не следовало впускать их, — проворчал Дмитрий. — Уверен, тебе известны правила Академии Святого Владимира.

Адриан пожал плечами.

— Да, но я-то не обязан следовать школьным правилам.

— Может, и нет, — холодно сказал Дмитрий. — Но мне казалось, ты все еще уважаешь эти правила.

Адриан закатил глаза.

— Вот уж сюрприз — услышать от тебя лекцию относительно несовершеннолетних девушек.

Гнев вспыхнул в глазах Дмитрия, и на мгновение мне показалось, он потеряет власть над собой. Но нет, он сдержался, и лишь стиснутые кулаки показывали, как он зол.

— Кроме того, — продолжал Адриан, — ничего низменного тут не происходит. Мы просто общаемся.

— Если хочешь «общаться» с юными девушками, делай это в любом публичном месте.

Мне, по правде говоря, не понравилось, что Дмитрий назвал нас юными девушками. Возникло ощущение, что он реагирует слишком остро — отчасти из-за меня, наверное.

Адриан снова рассмеялся, странным таким смехом, от которого по коже побежали мурашки.

— Юные девушки? Юные девушки? Конечно. Юные и одновременно старые. Они мало что видели в жизни и тем не менее видели слишком много. Одна помечена жизнью, другая — смертью... и это о них ты беспокоишься? Беспокойся о себе, дампир. Беспокойся о себе, беспокойся обо мне. Мы — те, кто действительно молод.

Все мы оторопело уставились на него. Думаю, никто не ожидал, что Адриан внезапно разразится такой безумной речью. Но он снова выглядел спокойно. Отвернулся, отошел к окну и вытащил сигареты, бросив на нас взгляд.

— Вам, леди, наверное, и впрямь лучше уйти. Он прав. Я оказываю плохое влияние.

Мы с Лиссой обменялись взглядами, торопливо покинули комнату и вслед за Дмитрием пошли по коридору в вестибюль.

— Это было... странно, — сказала я спустя пару минут.

Очевидное утверждение, но... кто-то же должен был его озвучить.

— Очень, — откликнулся Дмитрий.

В его голосе не было злости, скорее недоумение.

Когда мы оказались в вестибюле, я вслед за Лиссой направилась в нашу комнату, но Дмитрий окликнул меня:

— Роза, можем мы поговорить?

Я почувствовала волну сочувствия со стороны Лиссы, повернулась к

Дмитрию и отошла к стене, чтобы не стоять на пути у других. Мимо нас пронеслась группа мороев в бриллиантах и мехах, с выражением тревоги на лицах. За ними коридорные несли багаж. Люди уезжали в поисках более безопасного места. Порожденная стригоями паранойя еще не схлынула.

Голос Дмитрия вернул ему мое внимание.

— Этот Адриан Ивашков...

Он произнес его имя тем же тоном, как и все остальные.

— Да, знаю.

— Я уже второй раз вижу тебя с ним.

— Да, — с вызовом ответила я. — Мы иногда болтаем.

Дмитрий выгнул бровь и кивнул в ту сторону, откуда мы пришли.

— И часто вы болтаете в его комнате?

В сознании моментально всплыли несколько резких ответов, но первенство захватил один, самый, на мой взгляд, удачный.

— То, что происходит между ним и мной, — не твое дело.

Мне удалось почти в точности повторить тон, к которому он прибег, когда схожим образом отбрил меня насчет себя и Таши.

— Пока ты в Академии, все, что касается тебя, — мое дело.

— Но не моя личная жизнь.

— Ты еще несовершеннолетняя.

— Ну, уже почти. Как-то не верится, что в восемнадцатый день рождения я волшебным образом мгновенно стану взрослой.

— Это точно.

Я покраснела.

— Ты меня неправильно понял. Я имела в виду...

— Я знаю, что ты имела в виду. И в данный момент эти технические детали не имеют значения. Ты — студентка Академии. Я — твой инструктор. Моя работа — помогать тебе и обеспечивать твою безопасность. Находиться в спальне с кем-то вроде него... ну небезопасно.

— Я в состоянии справиться с Адрианом Ивашковым, — пробормотала я. — Он странный — правда странный, — но безвредный.

Втайне я задавалась вопросом — может, проблема Дмитрия в том, что он ревнует? Он не отозвал Лиссу в сторону, чтобы прочесть ей нотацию. Эта мысль доставила мне маленькое удовольствие, но потом я вспомнила, чему удивилась при появлении Дмитрия.

— Кстати, о личной жизни... Ты, надо полагать, шел от Таши?

Я понимала, это мелко, и ожидала услышать ответ вроде «не твое дело». Вместо этого он сказал:

— Нет, я был у твоей матери.

— Хочешь и с ней завести роман?

Я понимала глупость этого высказывания, но колкость была слишком хороша, чтобы упустить ее.

Он, казалось, тоже понял это и просто одарил меня как бы слегка утомленным взглядом.

— Нет, мы просматривали новые данные о стригоях, участвовавших в нападении на Дроздовых.

Мой гнев и желание уколоть растаяли. Дроздовы. Бадика. Внезапно все происшедшее сегодня утром показалось невероятно тривиальным. Как могу я стоять здесь и спорить с Дмитрием о романах, реальных или надуманных, когда он и остальные стражи делают все, чтобы защитить нас?

— И что вы выяснили? — спросила я.

— Нам удалось проследить некоторых стригоев или, по крайней мере, их людей. Есть свидетели, заметившие автомобили, на которых подъехали нападающие. Все с номерами разных штатов — группа, по-видимому, сборная. Однако один из свидетелей запомнил номер, зарегистрированный по некоему адресу в Споконе.

— В Споконе? — недоверчиво переспросила я. — Кто станет укрываться в Споконе?

Я была там однажды. Такой же скучный, как любой другой захолустный северо-западный город.

— Стригои, надо полагать. — Лицо Дмитрия ничего не выражало. — Адрес оказался фальшивкой, но существуют другие доказательства их присутствия там. В городе есть большой торговый центр, а под ним подземные туннели. Стригои были замечены неподалеку.

— Тогда... — Я нахмурилась. — Вы собираетесь выследить их? И кто пойдет? В смысле, Таша ведь об этом все время и говорит... Если бы мы знали, где они...

Он покачал головой.

— Стражи не могут предпринимать ничего без высшего позволения, а оно вряд ли поступит скоро.

Я вздохнула.

— Потому что у мороев все уходит в разговоры.

— Они проявляют осторожность. Меня снова охватило волнение.

— Брось! Даже ты не сторонник осторожности в нашей ситуации. Ты реально знаешь, где прячутся стригои. Стригои, убившие детей. Разве ты не хотел бы напасть на них, когда они этого не ожидают?

Я рассуждала прямо как Мейсон.

— Все не так просто, — ответил он. — Мы подотчетны Совету стражей и морейскому правительству. Мы не имеем права ринуться в бой, повинувшись импульсу. И кстати, мы многого еще не знаем. Никогда не следует вмешиваться в ситуацию, не выяснив всех деталей.

— Снова уроки дзен-буддизма. — Я вздохнула и провела рукой по волосам, заправляя их за уши. — Интересно, почему ты меня вводишь в курс дела? Это ведь информация для стражей, ее новичкам знать не положено.

Дмитрий задумался, выражение его лица смягчилось. Он всегда выглядел потрясающе, но больше всего нравился мне таким.

— Я и раньше говорил кое-какие вещи... которые не должен был говорить. Вещи, не соответствующие твоему возрасту. Тебе всего семнадцать... но ты в состоянии понять и справиться с тем, что не под силу людям и постарше тебя.

Я ощутила легкость и трепетание в груди.

— Правда? Он кивнул.

— Ты все еще очень юная во многих отношениях — и поступках, — однако единственный способ изменить это состоит в том, чтобы обращаться с тобой как со взрослой. Я так и делаю. И это правильно, потому что я знаю — ты воспримешь информацию, поймешь, как она важна, и не станешь ее разглашать.

Мне не понравилось определение «очень юная», но необыкновенно впечатлила идея, что он собирается обращаться со мной как с равной.

— Димка! — произнес женский голос.

К нам подходила Таша Озера. При виде меня она улыбнулась.

— Привет, Роза.

Мое настроение сразу пошло вниз.

— Привет, — вяло ответила я.

Она положила руку на плечо Дмитрию, проведя пальцами по его кожаному пальто. Я злобно уставилась на эти пальцы. Как смеет она прикасаться к нему?

— У тебя опять странный вид, — сказала она ему.

— Какой?

Суровое выражение лица, с которым он разговаривал со мной, теперь исчезло. На губах возникла понимающая, почти игривая улыбка.

— Свидетельство, что ты весь день собираешься быть при исполнении своих обязанностей.

— Правда?

В его голосе прозвучали дразнящие, насмешливые нотки. Она кивнула.

— Когда технически твоя смена заканчивается?

Клянусь — Дмитрий как бы даже слегка оробел.

— Закончилась час назад.

— Нельзя же и дальше вкалывать! — простонала она. — Тебе требуется передышка.

— Ну... если учесть, что я страж Лиссы на постоянной основе...

— Пока, — многозначительно сказала она. Меня затошнило сильнее, чем прошлым вечером.

— Тут наверху большой турнир по бильярду.

— Не могу, — ответил он, все еще улыбаясь. — Да я вообще сто лет не играл...

Что? Дмитрий играет в бильярд?

Внезапно наш недавний разговор об обращении со мной как со взрослой утратил всякий смысл. Отчасти я понимала, это комплимент — но в глубине души мне хотелось совсем другого. Мне хотелось, чтобы он вел себя со мной как с Ташей. Игриво. Поддразнивающе. Отчасти легкомысленно. Они так хорошо знали друг друга, так легко и непринужденно общались.

— Ну пошли! — умоляюще сказала она. — Всего одну партию! Мы их всех сделаем.

— Не могу, — повторил он с явным сожалением. — Учитывая, что происходит.

Она посерьезнела.

— Наверное, ты прав. — Она повернулась ко мне и добавила поддразнивающим тоном: — Надеюсь, ты понимаешь, какую модель стойкости имеешь в его лице. Он всегда на посту.

— Ну, — ответила я, копируя ее легкомысленный тон, — пока, по крайней мере.

Таша недоуменно посмотрела на меня. Вряд ли она подумала, что я насмехаюсь над ней. А вот судя по мрачному виду Дмитрия, он точно понял, что я делаю. Мне тут же стало ясно — в его глазах я свела на нет прогресс в области взросления.

— Мы уже все обсудили, Роза. Помни, что я сказал.

— Да. — Внезапно мне захотелось уйти к себе в комнату и просто поваляться в постели. Я чувствовала себя ужасно уставшей. — Конечно.

Однако, отойдя совсем недалеко, я наткнулась на Мейсона. Великий боже! Мужчины повсюду.

— Ты злишься, — сказал он, едва взглянув на мое лицо; он всегда чутко ощущал мое настроение. — Что случилось?

— Так... административные проблемы. Это было странное утро.

Я вздохнула, не в состоянии выбросить из головы Дмитрия. Глядя на Мейсона, я вспомнила, как вчера вечером искренне верила, будто хочу быть с ним. Что с моей головой в самом деле? Не могу сделать выбор. Пожалуй, лучший способ избавиться от мыслей об одном парне — уделить внимание другому. Я взяла Мейсона за руку и потащила его за собой.

— Пошли. По-моему, мы договорились вчера... ммм... уединиться?

— Надо полагать, теперь ты не пьяна, — шутливо сказал он, но глаза смотрели очень, очень серьезно и заинтересованно. — Я считал, у тебя псе уже выветрилось.

— Эй, я не отказываюсь от своих слов. — Я поискала Лиссу внутренним зрением.

Сейчас она ушла по каким-то королевским делам, наверняка все еще готовится к званому обеду Присциллы Вода.

— Пошли. Ко мне.

Если не считать Дмитрия, якобы случайно проходящего мимо чьей-то комнаты, никто реально не настаивал на соблюдении правила, запрещающего девушкам с парнями находиться в одном помещении. Практически так же обстояло дело в общежитии в Академии. Пока мы с Мейсоном поднимались по лестнице, я сообщила ему о стригоях в Спокане. Дмитрий, правда, велел помалкивать, но я снова ужасно злилась на него и не видела особого вреда, если расскажу Мейсону. Я знала, ему будет интересно.

И оказалась права. Мейсон по-настоящему разволновался.

— Что?! — воскликнул он, когда мы вошли ко мне в комнату. — И они не предпринимают ничего?

Я пожала плечами и села на постель.

— Дмитрий сказал...

— Знаю, знаю, ты уже говорила. Об осторожности и все такое. — Мейсон принялся сердито расхаживать по комнате. — А если эти стригои доберутся до других мороев... до другой семьи? Проклятье! Тогда стражи пожалеют об осторожности.

— Хватит. — Я почувствовала себя задетой, так как, даже лежа на постели, не в состоянии отвлечь его от безумных планов сражений. — Мы все равно ничего не можем поделать.

Он остановился.

— Можем. Можем поехать.

— Куда? — тупо спросила я.

— В Спокан. В городе можно сесть на автобус.

— Я... постой. Ты хочешь, чтобы мы поехали в Спокан и напали на стригоев?

— Именно. Эдди с нами. Мы можем поехать в тот торговый центр. Сейчас стригои неорганизованны, легко дожидаться подходящего момента и убрать их одного за другим...

Я уставилась на него.

— Ты совсем тупица?

— Спасибо за вотум доверия.

— Дело не в доверии. — Я встала и подошла к нему. — Я знаю, ты кому хочешь сумеешь надрать задницу. Видела своими глазами. Но... Мы не можем просто прихватить Эдди и напасть на стригоев. Для такой операции потребуется гораздо больше людей. Нужно все как следует спланировать. Нужна дополнительная информация.

Я положила руки ему на грудь, он накрыл их своими и улыбнулся. Боевой огонь все еще полыхал в его глазах, но, несомненно, мысли начали смещаться в другом направлении. Ко мне.

— Я не хотела обзывать тебя тупым. Прости.

— Ты говоришь так потому, что хочешь повернуть все по-своему.

— Конечно, хочу.

Я засмеялась, с удовольствием заметив, что он расслабился. Характер нашего разговора напомнил мне другой, происходивший некогда между Кристианом и Лиссой в церкви.

— Ладно, — сказал он. — Не стану слишком сильно противиться, если ты используешь меня и своих интересах.

— Вот и хорошо. Мои интересы очень разнообразны.

Я обхватила его руками за шею. Припомнилось, какое удовольствие доставил мне вчера его поцелуй.

Внезапно откуда-то издалека голос Мейсона произнес:

— Ты и впрямь его ученица.

— Чья?

— Беликова. Эта мысль мелькнула у меня, когда ты заявила о сборе дополнительной информации и все такое. Ты рассуждаешь в точности как он. Ты стала гораздо серьезнее.

— Ничего подобного.

Мейсон притянул меня к себе, но внезапно романтическое настроение стало таять прямо на глазах. Я хотела заняться с ним сексом, чтобы на время забыть Дмитрия, а вовсе не беседовать о нем. С чего он вспомнил о наставнике? Предназначение Мейсона — отвлечь меня.

Он, однако, ничего не заметил.

— Ты изменилась, вот и все. Это не плохо... просто ты стала другой.

Что-то в его словах заставило меня разозлиться, но не успела я открыть рот, как он впился в мои губы своими. Естественным образом дискуссия закончилась. Во мне опять проснулась мрачная сила, но я просто перенаправила ее в другую, физическую сторону, дернув Мейсона на себя, в результате чего мы рухнули на постель, ухитрившись не прервать поцелуя. Я впилась ногтями ему в шею, его руки скользнули мне на затылок и развязали «конский хвост», который я соорудила всего несколько минут назад. Перебирая пальцами рассыпавшиеся волосы, он поцеловал меня в шею.

— Ты... изумительная, — пробормотал он.

И я чувствовала, он именно так меня воспринимает. Его лицо светилось любовью ко мне.

Я выгнулась дугой, и его губы плотнее прижались к моей шее, а руки проскользнули под рубашку, начали продвигаться вверх по животу и быстро добрались до края лифчика. Учитывая, что всего минуту назад мы спорили, я слегка удивилась такому стремительному развитию событий. Хотя, если честно... ничего не имела против. Такова вообще моя жизненная установка. Со мной все всегда происходит быстро и интенсивно. В ту ночь, когда мы с Дмитрием пали жертвами заклинания вожеления, нами тоже владела неистовая страсть. Правда, Дмитрий отчасти контролировал ее, и временами мы продвигались вперед медленно... у него это получалось замечательно. Но в основном нам не удавалось сдерживать себя. Сейчас я как будто снова переживала те мгновения. Его руки, ласкающие мое тело. Глубокие, страстные поцелуи.

И тут до меня кое-что дошло. Целовала я Мейсона, но мысленно представляла на его месте Дмитрия. И не просто вспоминала. Я действительно воображала, будто прямо сейчас была с Дмитрием, снова и снова переживала ту необыкновенную ночь. Это было легко — с закрытыми глазами. Но когда я открыла их, то увидела Мейсона. Он так долго обожал меня, так страстно хотел. Я же... я с ним, а представляю на его месте другого...

В этом что-то неправильное.

Я вывернулась из его объятий.

— Нет... Не надо.

Мейсон мгновенно остановился — такой уж он был парень.

— Слишком далеко заходить? — спросил он. — Хорошо. Не будем.

Он снова потянулся ко мне, но я отодвинулась.

— Нет, я просто... не знаю. Давай закончим, ладно?

— Я... — На мгновение он утратил дар речи. — Куда подевались те «множество вещей», которые тебя совсем недавно интересовали?

Да... Ситуация выглядела скверно, но что я ему скажу? «Я не могу быть с тобой, потому что, делая это, думаю о другом парне, которого по-настоящему хочу. Ты для меня — дублер». Идиотизм.

Я сглотнула, чувствуя себя ужасно глупо.

— Прости, Мейс. Я не могу.

Он сел и провел рукой по волосам.

— Ладно. Все в порядке.

— Ты сердишься.

Это я поняла по тому, как звучал его голос. Он смотрел на меня взволнованно.

— Я просто сбит с толку. Не понимаю твоих сигналов. То ты пылаешь, то холодца как лед. То говоришь, что хочешь меня, то, оказывается, нет. Если бы ты остановилась на чем-то одном, это было бы прекрасно, но ты сначала внушаешь одну мысль, а потом уходишь в противоположном направлении. И не только сейчас — все время. Он говорил правду. Я вела себя с ним крайне непоследовательно — иногда заигрывала, иногда полностью игнорировала.

— Может, ты хочешь что-нибудь особенное? — спросил он, когда я не ответила. — Что-нибудь такое... ну не знаю. Чтобы ты испытывала ко мне более сильное чувство?

— Не знаю, — еле слышно сказала я.

Он вздохнул.

— Тогда чего вообще ты хочешь?

«Дмитрия», — подумала я, но вслух повторила:

— Не знаю.

Он застонал, поднялся и зашагал к двери.

— Роза, для человека, настаивающего на важности информации, ты поразительно мало знаешь о себе самой.

Он вышел, хлопнув дверью. Этот звук заставил меня вздрогнуть. Глядя на то место, где только что стоял Мейсон, я осознала — он прав. Мне предстояло еще очень многое узнать о себе.

ШЕСТНАДЦАТЬ

Позже пришла Лисса. После ухода Мейсона я заснула, слишком подавленная, чтобы выбраться из постели и заняться чем-нибудь. Звук открываемой двери разбудил меня. Я обрадовалась при виде ее. Мне ужасно хотелось поговорить о том, как все обернулось с Мейсоном, но, прежде чем открыть рот, я прочла ее мысли. Они были столь же исполнены беспокойства, как мои. Поэтому, как всегда, я уступила пальму первенства ей.

— Что случилось?

Она села на постель, утонув в пуховом одеяле. Ею владели злость и печаль.

— Кристиан.

— Правда?

По-моему, они никогда не ссорились. Часто поддразнивали друг друга, но вряд ли это могло довести ее до слез.

— Он узнал... что я встречалась с Адрианом сегодня утром.

— Ох, черт! Да, это может создать проблему.

Я встала, подошла к туалетному столику, взяла щетку. Поморщилась, глядясь в зеркало в позолоченной раме, и начала расчесывать спутавшиеся за время сна волосы.

Она застонала.

— Но ничего же не было! Кристиан разволновался на пустом месте. Никогда не думала, что он не доверяет мне.

— Он доверяет тебе. Просто ситуация выглядит странно. — Я подумала о Дмитриии и Таше. — Ревность нередко заставляет творить глупости.

— Но ничего не было, — повторила она. — В смысле, ты же присутствовала там... Эй, я так и не поняла, а что ты-то там делала?

— Адриан прислал мне целую гору духов.

— Он... Ты имеешь в виду ту огромную коробку, которую принесла?

Я кивнула.

— Ничего себе!

— Да. Я решила вернуть ее. Вопрос в том, что ты там делала?

— Мы просто разговаривали. — Она слегка оживилась и, казалось, была готова поделиться со мной чем-то, но потом остановилась. Я буквально почувствовала, как мысль почти выскользнула из ее сознания, но

потом Лисса втянула ее обратно. — Я должна многое рассказать, но сначала объясни, что происходит с тобой.

— Ничего со мной не происходит.

— Перестань, Роза. Я не обладаю твоими способностями, но всегда знаю, когда ты бесишься. Ты в таком состоянии примерно с Рождества. В чем дело?

Сейчас не время вникать в то, что произошло на Рождество — когда мамочка поведала мне о Таше и Дмитриии. Но я рассказала Лиссе о Мейсоне — опустив, по какой причине притормозила, просто описала, что произошло.

— Ну... Ты вольна в своих действиях, — сказала она, когда я закончила.

— Ясное дело. Но я обманула его. Можно понять, почему он расстроился.

— Знаешь, парни с такими вещами умеют справляться. Поговори с ним. Он без ума от тебя.

— Не знаю. Не все такие, как ты и Кристиан. Ее лицо омрачилось.

— Кристиан. Просто не верится, что он мог повести себя так глупо.

Я-то как раз вполне могла поверить, но лишь рассмеялась.

— Лисе, вы помиритесь и станете целоваться еще сегодня. И скорее всего, не только целоваться.

Черт, ну и язык у меня! Я тут же пожалела, что не смогла промолчать, но было поздно. Лисса широко распахнула глаза.

— Ты знаешь. — Она в гневе покачала головой. — Конечно, ты знаешь.

— Прости.

Я вовсе не хотела признаваться, что знаю об их свидании в церкви, предпочитая, чтобы она рассказала мне сама.

Она во все глаза смотрела на меня.

— И много ты знаешь?

— М-м-м... Совсем немного, — соврала я. Закончив расчесывать волосы, я играла с рукояткой щетки, избегая взгляда Лиссы.

— Я должна научиться не пускать тебя в свое сознание, — пробормотала она.

— В последнее время это единственный способ «поговорить» с тобой. Еще одна оплошность.

— Что, интересно, ты имеешь в виду? — сердито спросила она.

— Ничего... Я... — Она вперила в меня пронизательный взгляд, и я смутилась. — Не знаю. Просто такое чувство, будто мы теперь мало

разговариваем.

— Чтобы исправить это, нужно желание обеих. Ее голос снова звучал по-доброму.

— Ты права. — Я не стала заострять внимание, что даже при обоюдном желании сложно уединиться, если одна из нас постоянно со своим бойфрендом. Правда, я и сама виновата, утаивая от нее многое, — но сколько раз в последнее время я просто жаждала поговорить с ней? И всегда оказывалось неподходящее время... даже сейчас. — Знаешь, я никогда не думала, что ты станешь первой. Или, точнее, я никогда не думала, что даже в старшем классе все еще останусь девственницей.

— Да, — ответила она сухо. — Я тоже.

— Эй! И что, интересно, ты имеешь в виду?

Она улыбнулась и посмотрела на часы. Ее улыбка угасла.

— Тьфу! Я должна идти на банкет Присциллы. Предполагалось, что Кристиан пойдет со мной, но он со своим идиотизмом отпадает...

Ее взгляд с надеждой обратился ко мне.

— Что? Нет. Пожалуйста, Лисе. Ты же знаешь, я ненавижу эти официальные королевские мероприятия.

— Ох, перестань, — умоляюще сказала она. — Кристиан отказался. Ты же не бросишь меня на съедение волкам? И разве не ты пожаловалась, что мы мало разговариваем? — Я застонала. — Кроме того, когда ты станешь моим стражем, тебе придется сопровождать меня повсюду.

— Знаю, — мрачно ответила я. — Просто хотелось насладиться последними шестью месяцами свободы.

В итоге она уговорила меня пойти с ней, в глубине души мы обе сознавали, что так и будет.

Времени оставалось мало, а мне следовало принять душ, высушить феном волосы и подкраситься. Подчиняясь внезапному порыву, я достала платье Таши и, хотя по-прежнему желала ей всяческих бед за то, что она обольстила Дмитрия, сейчас была благодарна за этот подарок. Я натянула шелковое платье, в восторге от оттенка красного, который выглядел на мне так смертоносно, как я и ожидала. Оно было длинное, в азиатском стиле, с вышитыми по шелку цветами. Высокий ворот и длинный подол оставляли мало открытой кожи, но материал обтягивал тело и придавал сексуальный вид. Синяк к этому времени практически исчез.

Лисса, как всегда, выглядела изумительно. На ней было темно-фиолетовое атласное платье без рукавов от Джона Раски, очень известного морейского дизайнера. Вшитые в бретельки похожие на аметисты кристаллы искрились, оттененные бледной кожи. Волосы она подобрала в

небрежный с виду, но требующий большого искусства узел.

Появившись в банкетном зале, мы приковали к себе множество взглядов. Думаю, королевские особы не ожидали, что принцесса Драгомир приведет на этот давно предвкушаемый, «только по приглашениям» обед свою подругу-дампира. Что ж, в приглашении Лиссы было сказано «и гость»! Мы заняли места за одним из столов с королевскими особами, чьи имена я тут же забыла. Они получали удовольствие от того, что игнорировали меня, а я от процесса игнора.

Кроме того, здесь нашлось на что отвлечься. Зал выдержан в серебряных и голубых тонах. Столы покрывали темно-голубые шелковые скатерти, такие блестящие и гладкие, что страшно есть на них. Стены увешаны канделябрами со свечами, в углу потрескивал украшенный цветным стеклом камин. Все в целом создавало очень эффектную панораму цвета и света. В углу стройная морейская женщина с мечтательным выражением лица негромко играла на виолончели, полностью растворившись в музыке. Звон хрустальных бокалов вносил свою лепту, издавая негромкие, мелодичные звуки.

Сам обед равным образом был изумителен. Еда изысканная, все мне понравилось. Никаких тебе *foie gras*. Лосось в соусе с грибами шиитаки. Салат с грушами и козьим сыром. На десерт пирожные с миндалем. Единственная претензия — очень маленькие порции. Будто они предназначались исключительно для украшения тарелок. Клянусь, я расправилась со всем этим в десять секунд. Мороям, кроме крови, требуется и обычная еда, но в меньшей степени, чем людям или, скажем, растущей дампирской девушке.

Тем не менее одна еда уже оправдывает мой приход сюда, решила я. Одно плохо — когда обед закончился, Лисса заявила, что мы не можем вот так просто взять и уйти.

— Нужно пообщаться, — прошептала она.

— Пообщаться?

Лисса засмеялась, заметив мой дискомфорт.

— Ты же всегда слыла общительным человеком.

Это правда. В подавляющем большинстве случаев я нисколько не тушуюсь и не боюсь разговаривать с людьми. А Лисса обычно робеет. Вот только здесь мы поменялись ролями. Это ее стихия, не моя, и я просто поражалась, видя, как хорошо она вступает в беседы с представителями высшего королевского общества. Она вела себя безупречно, изысканно и любезно. Все жаждали поговорить с ней, и, казалось, она всегда находила нужные слова. В прямом смысле принуждения она не использовала, но

определенно испускала нечто, притягивающее к ней людей. Возможно, неосознанный эффект духа. Даже учитывая, что она принимает таблетки, ее магическая и естественная харизма просачивалась наружу. Если прежде общение всегда было для нее вынужденным и напряженным, сейчас оно протекало с легкостью. Я гордилась ею. Большинство разговоров затрагивали достаточно легкомысленные темы: мода, любовная жизнь королевских особ и тому подобное. Казалось, никто не испытывал желания отравлять атмосферу праздника, заводя речь об омерзительном нападении стригоев.

Поэтому всю оставшуюся часть вечера я просто держалась рядом с Лиссой. Уговаривала себя, что это хорошая практика на будущее, когда я всегда, словно тень, буду следовать за ней по пятам. Истина же состояла в том, что я испытывала неловкость и понимала, что мои обычные грубоватые защитные механизмы тут не сработают. Плюс я болезненно осознавала, что была единственным дампиром среди гостей. Да, здесь присутствовали и другие дампир, но то были официальные стражи, слоняющиеся на периферии зала.

В какой-то момент нас с Лиссой прибило к небольшой группе мороев, чьи голоса звучали все громче. Одного парня я узнала. Это был участник той драки, которую я помогла остановить, только на сей раз он был не в плавках, а в замечательном черном смокинге. Заметив наше приближение, он окинул нас откровенным взглядом, но, по-видимому, меня не вспомнил. И тут же продолжил спор, темой которого стала защита мороев. Парень отстаивал позицию, что морои должны участвовать в нападении на стригоев.

— Ты не понимаешь, это самоубийство, — сказал один из стоящих рядом мужчин, с серебряными волосами и пышными усами. На нем тоже был смокинг, но молодой парень выглядел лучше. — Если морои станут солдатами, наступит конец нашей расы.

— Никакое не самоубийство! — воскликнул молодой парень. — Это необходимость. Мы должны позаботиться о себе. Учиться сражаться и использовать магию — вот замечательные возможности защитить себя, кроме той, которую предоставляют стражи.

— Да, но со стражами нам больше ничего и не нужно, — возразил Серебряный. — Ты наслушался тех, кто не принадлежит к королевским семьям. У них нет собственных стражей, поэтому, ясное дело, они напуганы. Но это не причина ослаблять маю, рисковать нашей жизнью.

— Тогда тихо сидите в бездействии, — внезапно вмешалась в разговор Лисса, совсем негромко, но все вокруг смолкли и обратили взоры на нее. —

Им ставите проблему как «все или ничего». Если им не хотите сражаться, не надо. — Мужчина в какой-то степени успокоился. — Но вы можете позволить себе подобную роскошь лишь потому, что полагаетесь на своих стражей. Большинство мороев такой возможности не имеют. И если они хотят обучаться самозащите, нет никакой причины, почему бы им не научиться использовать свои силы.

Молодой парень расплылся в победоносной улыбке.

— Вот, понимаете?

— Все не так просто, — возразил Серебряный. — Если кто-то настолько выжил из ума, что жаждет погибнуть, тогда прекрасно. Пусть себе. Но где вы сможете приобрести эти так называемые боевые навыки?

— Мы должны освоить собственную магию, а стражи научат нас сражаться физически.

— Вот как? Я знал, к этому идет. Даже если мы откажемся принимать участие в вашей самоубийственной затее, вы лишите нас части стражей ради обучения вашей воображаемой армии.

Молодой парень сердито нахмурился при слове «воображаемой», и у меня мелькнула мысль, не собирается ли он снова пустить в ход кулаки.

— Уж это-то вы обязаны для нас сделать.

— Нет, не обязаны, — сказала Лисса. Заинтригованные взгляды снова обратились на нее. Теперь Серебряный выглядел победоносно, а молодой парень полыхал от гнева.

— Стражи — лучший боевой ресурс, которым мы располагаем.

— Да, — согласилась она, — но это не дает вам права отрывать их от исполнения своих обязанностей.

Услышав ее, Серебряный просиял.

— Тогда как же нам обучаться? — спросил молодой парень.

— Точно так же, как стражи, — ответила Лисса. — Хотите учиться сражаться? Поступайте в одну из академий. Начните с самого начала — как новички. При таком подходе вы не отвлекаете стражей от активной защиты. Академия — безопасное место, и стражи там специализируются в обучении студентов. — Она задумчиво помолчала. — Можно уже сейчас ввести в учебный план студентов-мороев курс самозащиты.

Все, включая меня, изумленно уставились на нее. Она предложила изящное решение, и все остальные поняли его значение. Может, оно удовлетворяло не всем ста процентам требований участников спора, но многим, причем таким способом, который ни одной стороне не причинял вреда. Гениально. Морои разглядывали Лиссу с удивлением и восхищением.

Внезапно все заговорили сразу, так взволновала их эта идея. Они втянули и Лиссу в бурное обсуждение ее плана. Я решила, что все идет просто прекрасно и начала потихонечку продвигаться к краю группы, а потом и вовсе отошла от нее в поисках укромного уголка поближе к двери. По дороге я встретила официантку с уставленным закусками подносом. Все еще чувствуя себя голодной, я подозрительно оглядела их, но не обнаружила ничего, похожего на пресловутую foie gras. И сделала жест в сторону одного блюда, похожего на тушеное мясо.

— Это не гусиная печень? — спросила я.

Официантка покачала головой.

— Это «сладкое мясо». ^[6]

Звучало не так уж плохо. Я потянулась к нему.

— Поджелудочная железа, — произнес голос за спиной.

Я отдернула руку.

— Что?

Официантка восприняла мой испуганный взвизг как отказ и пошла дальше.

В поле зрения возник Адриан Ивашков, явно чрезвычайно довольный собой.

— Ты не морочишь мне голову? — спросила я. — «Сладкое мясо» правда поджелудочная железа?

Не знаю, почему это так сильно меня шокировало. Морои употребляют в пищу кровь. Почему бы им не есть и внутренние органы? Тем не менее я с трудом сдерживала дрожь.

— Это вкусно, — ответил Адриан. Я с отвращением покачала головой.

— О господи! Богатые люди просто чокнутые.

— Что ты делаешь здесь, маленькая дампирка? — с веселым удивлением спросил он. — Преследуешь меня?

— Уж конечно нет, — фыркнула я.

Одет он был прекрасно, как всегда.

— В особенности после тех неприятностей, в которые ты нас втянул.

Красавчик наградил меня провоцирующей улыбкой, и, хотя он по-прежнему сильно раздражал меня, я снова испытала желание оставаться рядом с ним. Что-то здесь было не так, но что?

— Ну, не знаю. — Сейчас он казался полностью и здоровым уме, и ни следа того странного поведения, свидетельницей которого я стала в его комнате.

И да, он выглядел в смокинге гораздо лучше любого присутствующего здесь парня.

— Сколько раз мы с тобой уже встречались? Сейчас пять? Это начинает выглядеть подозрительно. Но не волнуйся, я не скажу твоему бойфренду. Ни одному из них.

Я открыла рот, чтобы возразить, но вовремя вспомнила: ведь он видел меня с Дмитрием. И приложила все усилия, чтобы не покраснеть.

— У меня только один бойфренд. Может, теперь и его нет. И кстати, рассказывать-то не о чем. Ты мне даже не нравишься.

— Правда? — все еще улыбаясь, спросил Адриан и наклонился ко мне, словно собираясь поделиться каким-то секретом. — Тогда почему ты душишься моими духами?

На этот раз я залилась краской и отступила на шаг.

— Вовсе нет. Он засмеялся.

— Конечно да. Я пересчитал флаконы после твоего ухода. Кроме того, я чувствую, как ты пахнешь. Очень милый запах. Резковатый... но свежий — в точности как ты сама глубоко внутри, уверен. И ты применяешь его правильно, знаешь ли. Ровно в той мере, чтобы добавить себе чуть-чуть остроты, но не перебивать собственный запах.

В его устах слово «запах» прозвучало как-то почти неприлично.

Королевские морои могут заставить меня почувствовать неловкость, но самоуверенные парни нет. Я ставлю их на место на регулярной основе. Отбросив робость, я напомнила себе, кто я такая.

— Эй, я имела полное право взять один флакон, — сказала я, потрянув волосами. — Ты сам, предложил их мне. Твоя ошибка знаешь в чем? Ты не понимаешь — то, что я взяла его, ничего не значит. Может, только что тебе не следует так уж швыряться деньгами.

— О, Роза Хэзевей в своем репертуаре. — Он взял с подноса проходящего мимо официанта бокал с чем-то вроде шампанского. — Хочешь?

— Не пью.

— Правильно. — Адриан тем не менее сунул мне в руку другой бокал и отпил из своего. У меня возникло ощущение, что сегодня вечером коктейль у него далеко не первый. — Так. Кажется, наша Василиса поставила моего папу на место.

— Твоего... — Я оглянулась на группу, которую только что оставила. Серебряный все еще стоял там, взволнованно жестикулируя. — Этот мужик твой папа?

— Так мама говорит.

— Ты согласен с ним? Насчет того, что, если морои станут сражаться, это самоубийство?

Адриан пожал плечами и отпил еще глоток.

— Вообще-то у меня нет по этому поводу никакого мнения.

— Такого не может быть — чтобы ты не склонялся ни в ту ни в другую сторону!

— Ну, не знаю. Просто я об этом вообще не думаю — для меня есть вещи поинтереснее.

— К примеру, преследовать меня. И Лиссу. Хотелось бы знать, почему она оказалась в твоей комнате.

Он снова улыбнулся.

— По-моему, это ты преследуешь меня.

— Ах да! Помню, помню. Пять раз... — Я замолчала. — Пять раз?

Он кивнул.

— Нет, всего четыре. — Я начала загибать пальцы на свободной руке. — Самый первый вечер, потом вечер в SRA, потом когда я пришла к тебе в комнату и вот сейчас.

В его улыбке ощущалось нечто загадочное.

— Ну, если ты так говоришь...

— Да, я так говорю... — И снова я оборвала сама себя.

Был и еще один раз, когда я разговаривала с Адрианом. Ну типа того.

— Ты же не имеешь в виду...

— Не имею в виду что?

В его глазах вспыхнули любопытство и надежда, дерзкая самоуверенность ушла из взгляда. Я сглотнула, вспоминая свой сон.

— Ничего.

Действуя почти на подсознательном уровне, я отпила глоток шампанского. На другом конце комнаты Лисса испытывала спокойствие и удовлетворенность. Хорошо.

— Почему ты улыбаешься? — спросил Адриан.

— Потому что Лисса по-прежнему берет верх, обрабатывая эту толпу.

— А чему тут удивляться? Она из тех, кто может очаровать кого угодно, если очень постарается. Даже того, кто ее ненавидит.

Я искоса взглянула на него.

— Я чувствую то же самое, когда разговариваю с тобой.

— Но ты не ненавидишь меня. — Он допил свое шампанское. — Если разобраться, нет.

— Но ты мне и не нравишься.

— Эту формулировку ты не устаешь повторять. — Он сделал шаг ко мне, без угрозы, просто сокращая расстояние между нами до более интимного. — Однако это я уж как-нибудь переживу.

— Роза!

Резкий голос матери вспорол воздух. Несколько человек оглянулись в нашу сторону. Моя мать — сплошной комок гнева — неслась прямо к нам.

СЕМНАДЦАТЬ

— Что ты вытворяешь? — требовательно спросила она, все еще слишком громко.

— Ничего. Я...

— Извините нас, лорд Ивашков, — проворчала она.

Потом, словно я была пяти лет от роду, схватила меня за руку и потащила из зала. Шампанское выплеснулось из моего бокала и обрызгало лиф платья.

— Что, интересно, ты вытворяешь?! — воскликнула я, как только мы оказались в коридоре, и мрачно оглядела свое платье. — Это же шелк. Так его можно и погубить.

Она вырвала у меня бокал и поставила его на ближайший столик.

— Вот и хорошо. Может, хоть это удержит тебя от того, чтобы наряжаться, словно дешевая шлюха.

— Вот это да! — воскликнула я в шоке. — Знаешь, это грубо. И с чего бы в тебе вдруг проснулись материнские чувства? — Я жестом указала на платье. — Оно совсем даже недешевое. Когда Таша подарила его, тебе оно вроде бы понравилось.

— Потому что я никак не ожидала, что ты явишься в нем к мороям и устроишь спектакль.

— Никакого спектакля я не устраивала. И кстати, оно все прикрывает.

— Такое обтягивающее платье слишком много демонстрирует, — возразила она.

Сама она, уж конечно, была одета как все стражи: строгие черные полотняные штаны и такой же блейзер. У нее тоже фигура очень даже женственная, но одежда скрывала это.

— В особенности, когда ты в таком обществе. Твое тело... бросается в глаза. И флирт с мороем не улучшает ситуацию.

— Я не флитовала с ним.

Это обвинение разозлило меня, потому что в последнее время я вела себя хорошо. Раньше я постоянно флитовала — и делала кое-что еще с моройскими парнями, но после нескольких разговоров и одного поставившего меня в неловкое положение инцидента с Дмитрием поняла, как это глупо. Девушке-дампиру нужно вести себя крайне осторожно с мороями, и теперь я постоянно держала это в уме.

Я понимала, что это прозвучит мелочно, но не смогла удержаться и

сказала с усмешкой:

— Кроме того, разве это не то, для чего я предназначена? Подцепить какого-нибудь мороя, чтобы наша раса не угасла? Ты ведь и сама так поступила.

— Не в твоём возрасте, — проворчала она.

— Подумаешь, ты была всего на несколько лет старше меня.

— Не делай глупостей, Роза. Ты слишком молода, чтобы стать матерью. Для этого у тебя нет никакого жизненного опыта — ты ведь фактически и не жила еще. Ты тогда не сможешь делать ту работу, к которой стремишься.

Я почувствовала себя оскорбленной.

— Мы что, в самом деле обсуждаем это? Как мы перешли от моего якобы флирта к внезапному появлению у меня ребенка? У меня не было секса ни с Адрианом, ни с кем-либо еще, но даже если бы и был, я знаю, как предохраняться. Почему ты разговариваешь со мной, словно я несмышленное дитя?

— Потому что ты ведешь себя как дитя. Дмитрий, помнится, тоже говорил мне нечто похожее.

Я сердито воззрилась на нее.

— Теперь ты собираешься отослать меня в мою комнату?

— Нет, Роза. — Внезапно у нее сделался усталый вид. — Можешь не идти в свою комнату, но и туда не возвращайся. Надеюсь, ты не успела привлечь слишком много внимания.

— Можно подумать, я там танцевала в пьяном виде на столе, — буркнула я. — Просто обедала с Лиссой.

— Ты удивишься, если узнаешь, какие пустяки могут породить слухи. В особенности, когда дело касается Адриана Ивашкова.

С этими словами она развернулась и удалилась по коридору. Провожая ее взглядом, я стояла, дрожа от злости и негодования. С какой стати такая чрезмерная реакция? Я не делала ничего плохого. Знаю, у нее паранойя насчет «кровавых шлюх», но это чересчур, даже для нее. И хуже всего, некоторые видели, как она волокла меня оттуда. Для человека, сетующего, что я привлекаю к себе слишком много внимания, она действовала, по меньшей мере, странно.

Из зала вышли два мороя, стоявшие прежде неподалеку от Адриана и меня. Проходя мимо, они таращились на меня и перешептывались.

— Спасибо, мамочка, — пробормотала я себе под нос.

Чувствуя себя униженной, я побрела в противоположном направлении, сама не зная, куда иду. Просто в заднюю часть базы, где было меньше

народу. Коридор в конце концов закончился, но и нем обнаружилась незапертая дверь, выходящая на лестницу. Я начала подниматься по ней, пока не наткнулась еще на одну дверь. К моему удовольствию, она вела на маленькую плоскую крышу, которую, по-видимому, редко использовали. На ней лежал снег, но сейчас стояло раннее утро, солнце сияло ярко, и все мерцало в его лучах.

Я смела снег с большого, похожего на ящик предмета, выглядевшего как часть вентиляционной системы, и села на него, не заботясь о платье. Обхватив себя руками, я с удовольствием разглядывала открывающийся вид, радуясь солнцу, которое было для меня редкостью. Несколько минут спустя позади хлопнула дверь, и этот звук напугал меня. Оглянувшись, я испугалась еще больше, увидев Дмитрия. Сердце слегка затрепетало, и я отвернулась, не зная, чего ожидать. Хрустя подошвами по снегу, он подошел ко мне, снял свое длинное пальто, накинул его мне на плечи и сел рядом.

— Ты, наверное, замерзла.

Так оно и было, но мне не хотелось признавать это.

— Солнце взошло.

Он откинул голову назад, глядя на идеально голубое небо. Я знала — ему так же, как мне, не хватает солнца.

— Тем не менее мы все еще в горах в разгаре зимы.

Я не отвечала. Какое-то время мы просто сидели в спокойном молчании. Время от времени легкий ветерок вздымал вокруг клубы снега. Для мороев сейчас наступала ночь, и большинство из них скоро лягут спать, поэтому на лыжных трассах никого не было.

— Моя жизнь — сплошное несчастье, — в конце концов сказала я.

— Нет, не несчастье, — автоматически ответил он.

— Ты шел за мной с приема?

— Да.

— Я даже не знала, что ты там. — Судя по темной одежде, он присутствовал на приеме в качестве дежурного стража. — Значит, ты видел, как прославленная Джанин подняла шум, утащив меня оттуда..

— Никакого шума не было. Вряд ли кто-нибудь вообще заметил. Я видел, потому что наблюдал за тобой.

Я не позволила себе эмоционально среагировать на последнее заявление.

— А вот она считает иначе. Чтобы избавить ее от волнений, мне следовало весь вечер просидеть в углу.

Я пересказала ему наш разговор в коридоре.

— Она просто беспокоится о тебе, — вздохнул Дмитрий.
— Она слишком остро реагирует.
— Иногда матери склонны проявлять избыточную защиту.
Я устала на него.

— Да, но это же Джанин. И она меня не защищала. Думаю, она больше волновалась, как бы я не поставила ее в неловкое положение. А все эти разговоры о том, что я слишком молода, чтобы стать матерью, вообще полная чушь. Я не собираюсь делать ничего подобного.

— Может, она имела в виду не тебя.

У меня упала челюсть.

«Для этого у тебя нет никакого жизненного опыта — ты ведь фактически и не жила еще. Ты тогда не сможешь делать ту работу, к которой стремишься».

Маме исполнилось двадцать, когда я появилась на свет. Пока я росла, мне всегда казалось, что она родила меня чуть ли не старухой, но теперь... Она же была всего на несколько лет старше! Совсем не старая. Может, она думала, что слишком рано обзавелась ребенком? Может, она плохо справлялась с задачей растить меня из-за молодости? Может, она сожалеет о том, как все сложилось между нами? И может... может, у нее был личный опыт контактов с морейскими мужчинами и люди распространяли о ней слухи? Я унаследовала многие ее черты. В смысле, сегодня вечером я даже заметила, какая красивая у нее фигура. И лицом она хороша — для почти сорокалетней женщины, конечно. В молодости наверняка была очень, очень привлекательна...

Я вздохнула. Не хотелось мне думать об этом, потому что тогда, возможно, я должна буду переоценить свои взаимоотношения с ней — может, даже начать воспринимать ее как реального человека, — а у меня уже и без того слишком много напряженных взаимоотношений с людьми. Лисса всегда беспокоит меня, хотя с ней в последнее время вроде бы все в порядке — в виде исключения. Мой так называемый роман с Мейсоном совсем запутался. И потом, конечно, был еще Дмитрий...

— Что-то мы с тобой не воюем сегодня, — выпалила я.

Он искоса взглянул на меня.

— Хочешь повоевать?

— Нет. Ненавижу воевать с тобой. В смысле, словесно. Я не имею в виду гимнастический зал.

Мне показалось, я заметила намек на улыбку. Всегда полуулыбка для меня. Редко-редко широкая, в полную меру.

— Я тоже не люблю воевать с тобой.

Сидя здесь около него, я диву давалась, чувствуя, как внутри разливается тепло и счастье. С ним рядом всегда появлялось особенное ощущение, какого никогда не возникало в присутствии Мейсона. Невозможно заставить себя полюбить, осознала я. Любовь либо есть, либо ее нет. И если ее нет, нужно иметь мужество признать это.

А если она есть, нужно сделать все, что в твоих силах, чтобы защитить тех, кого любишь.

То, что я произнесла дальше, потрясло меня саму, в сказанном начисто отсутствовал эгоизм, и потому я действительно сказала, что думала.

— Ты должен принять его.

Он вздрогнул.

— Что?

— Предложение Таши. Ты должен им воспользоваться. Это действительно отличный шанс.

Я вспомнила слова мамы о готовности или неготовности иметь ребенка. Я не была к этому готова. Может, в свое время и она не была. Однако Таша была. И я знала, что Дмитрий тоже. Они действительно отлично ладили между собой. Он мог быть ее стражем и иметь от нее детей... Прекрасный вариант для обоих.

— Никогда не думал, что услышу от тебя что-либо подобное, — сказал он с заметным напряжением в голосе. — В особенности после...

— После того, какой сукой я себя проявила? Да? — Я плотнее закуталась в его пальто. От него пахло Дмитрием. Можно было вообразить, будто он обнимает меня. Адриан, возможно, прав, говоря, какой властью обладает запах. — Ну, как я уже сказала... у меня нет больше желания воевать с тобой. Не хочу, чтобы мы возненавидели друг друга. И... Ну... — Я на мгновение зажмурилась и снова открыла глаза. — Какие бы чувства я к тебе ни питала... хочу, чтобы ты был счастлив.

Снова воцарилось молчание. И только тут я ощутила боль в груди.

Дмитрий обнял меня, притянул к себе. Я положила голову ему на грудь.

— Роза... — вот все, что он сказал.

С той ночи с заклинанием вожделения это был первый раз, когда он вот так прикасался ко мне. То, что происходило во время тренировок... совсем другое. Сейчас это даже не имело никакого отношения к сексу. Сейчас это означало просто быть рядом с тем, кого любишь; ощущение такой нашей связи буквально затопило меня.

Пусть Дмитрий уходит к Таше — я все равно буду любить его. Наверное, я всегда буду любить его.

Мне нравится Мейсон, но я, скорее всего, никогда не полюблю его.

Я вздохнула в объятиях Дмитрия, желая одного — чтобы они длились вечно. Быть с ним — правильно и хорошо. Неважно, насколько мне больно думать о нем и Таше, — поступать так, как лучше для него, тоже правильно. Теперь, понимала я, настало время преодолеть свою трусость и сделать еще кое-что правильное. Мейсон сказал, нужно разобраться в самой себе. Ну вот, это произошло.

Неохотно, но я отодвинулась от Дмитрия, вернула ему пальто и встала. Он, чувствуя мое смущение, с любопытством смотрел на меня.

— Куда ты? — спросил он.

— Иду разбить кое-кому сердце, — ответила я. Еще мгновение я позволила себе полюбоваться Дмитрием — темные понимающие глаза и шелковистые волосы. А потом вернулась в здание. Я должна извиниться перед Мейсоном... и сказать ему, что между нами никогда ничего не будет.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Ноги начали уставать от высоких каблуков, поэтому, войдя внутрь, я сняла туфли и пошла босиком. Я ни разу не была в комнате Мейсона, но помнила ее номер, который он как-то упоминал, и потому нашла ее без труда. На мой стук дверь открыл Шейн, товарищ Мейсона по комнате.

— Привет, Роза.

Он отступил в сторону, я вошла и оглянулась. На экране ТВ мелькала реклама — одним из недостатков ночного образа жизни была нехватка в это время хороших программ, — и почти все плоские поверхности покрывали пустые банки и. ыюд газированной воды. Никаких признаков Мейсона.

— Где он? — спросила я.

Шейн подавил зевок и задумался.

— Чуть раньше он побросал вещи в сумку. Я решил, вы с ним отправляетесь на какую-нибудь безумную романтическую прогулку. Пикник или что-то в этом роде. Эй, очень милое платье.

— Спасибо, — пробормотала я и напряженно задумалась.

Упаковал вещи в сумку? Это не имело никакого смысла. Мало того что тут идти некуда, тут и возможности уйти нет. Базу охраняли почище Академии. Мы с Лиссой ни за что не сумели бы вырваться из Академии, если бы она не применила принуждение. Во имя всего святого, зачем Мейсон упаковал сумку, если не собирался никуда уезжать?

Я задала Шейну еще несколько вопросов. Оставалась одна возможная версия, и я решила до конца разобраться с ней, какой бы безумной она ни казалась. Нашла стража, ответственного за охрану и расписание. Он сообщил мне имена стражей, которые охраняли границы базы в то время, когда Мейсона видели в последний раз. Большинство были мне знакомы и сейчас находились уже не на дежурстве, что облегчало поиск.

К несчастью, первые двое вообще сегодня не видели Мейсона. Они начали расспрашивать, почему я ищу его. Я ответила что-то неопределенное и быстро ушла. Третьим в моем списке был парень по имени Алан — страж, обычно в Академии охраняющий кампус начальной школы. Он только что вернулся с горного склона, где катался на лыжах; его снаряжение валялось рядом с дверью. Узнав меня, он расплылся в улыбке.

— Конечно, я видел его, — ответил он, наклонившись к своим ботинкам.

На меня нахлынуло чувство облегчения; до этого момента я не осознавала, как сильно обеспокоена.

— Знаешь, куда он пошел?

— Нет. Выпустил его, Эдди Кастиля... эту, как ее звать... девчонку Ринальди... через северные ворота и больше их не видел.

Я вытаращилась на него. Алан продолжал расшнуровывать лыжные ботинки с таким видом, словно мы обсуждали состояние горного склона.

— Ты выпустил Мейсона, Эдди и... Мию наружу?

— Ага.

— Но... почему?

Он закончил возиться с ботинками и поднял на меня взгляд, с довольным и одновременно смущенным выражением лица.

— Потому что они попросили меня.

Я похолодела. Мне было известно имя стража, дежурившего с Аланом у северных ворот, и я тут же отправилась искать его, но ничего нового не услышала. Он выпустил Мейсона, Эдди и Мию без единого вопроса и подобно Алану не видел в этом ничего плохого. Вид у него при этом был какой-то... оцепенелый, и этот вид я не раз наблюдала прежде — так выглядели люди, когда Лисса применяла к ним принуждение.

В особенности так они выглядели, если Лисса не хотела, чтобы позже они что-либо отчетливо помнили. Она могла сделать так, чтобы воспоминания оказались похоронены глубоко в их сознании, а могла изъять их полностью или заставить всплыть позже. Она, однако, очень хорошо владела принуждением и именно поэтому могла заставить людей вообще все позабыть; то, что у этих стражей все же сохранились какие-то воспоминания, свидетельствовало о том, что их обработал человек, не столь продвинутый в применении принуждения. Кто-то, скажем, вроде Мии.

Я не склонна падать в обморок, но в этот момент почувствовала, что могу потерять сознание. Мир начал вращаться, я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Когда я снова открыла глаза, все вокруг встало на свое место. Прекрасно. Никаких проблем. Идем дальше. Сегодня чуть раньше Мейсон, Эдди и Мия покинули базу. И мало того — с использованием принуждения, что полностью запрещено. Никому не сказали ни слова, просто вышли через северные ворота. Я видела карту окрестностей лыжной базы. Северные ворота перекрывают подъездную дорогу, связанную с единственным относительно крупным шоссе в этой области, ведущим к маленькому городку на расстоянии примерно двенадцати миль. Мейсон говорил, оттуда ходят автобусы.

Спокан.

Спокан — где, возможно, живет шайка стригоев и их людей.

Спокан — где Мейсон мог осуществить свою безумную мечту убивать стригоев.

Спокан — о котором он узнал от меня.

— Нет, нет, нет... — пробормотала я и почти бегом бросилась к себе.

Там сняла платье, надела теплую зимнюю одежду: ботинки, джинсы и свитер. Схватила куртку, перчатки, метнулась к двери и... остановилась. Опять я действую не подумав. Что я собираюсь делать? Нужно рассказать кому-то, это ясно... но тогда у этой троицы будут большие неприятности. И Дмитрий предупреждал меня, чтобы я не болтала об истории со стригоями в Спокане, а ведь он сообщил мне эту информацию в знак уважения к моей взрослости. Так. Пройдет достаточно много времени, прежде чем на базе заметят мое исчезновение. Если, конечно, я смогу отсюда выбраться. Несколько минут спустя я стучалась и дверь Кристиана. Он выглядел сонным и циничным, как обычно.

— Если ты пришла извиняться за нее, — высокомерно заявил он, — то давай начинай и...

— Ох, заткнись! — взорвалась я. — Дело вообще не в ней.

Я торопливо изложила ему все детали происходящего, и даже у Кристиана не нашлось остроумного ответа на услышанное.

— Значит... Мейсон, Эдди и Мия отправились в Спокан охотиться на стригоев?

— Ну да.

— Блин! А ты почему не с ними? Это же вполне в твоем духе.

У меня рука зудела врезать ему, но я сдержалась.

— Потому что я не сумасшедшая! Но я собираюсь догнать их и помешать натворить глупостей.

Тут до Кристиана наконец дошло.

— А от меня что тебе понадобилось?

— Мне нужно выбраться с территории базы. Мия использовала к стражам принуждение. Мне нужно, чтобы ты сделал то же самое. Я знаю, ты умеешь.

— Умею, — согласился он. — Но... Ну... — Чуть ли не в первый раз он выглядел смущенным. — Я не очень хорош в этом. И на вампиров принуждение практически не действует. Лисе в сто раз сильнее меня, а может, и любого мороя.

— Знаю. Но я не хочу втягивать ее в неприятности.

Он фыркнул.

— Но ты не против втянуть в них меня, так?

— В общем, да.

— Ты — та еще штучка, тебе это известно?

— Да. Уж какая есть.

Итак, пять минут спустя мы с ним шагали к северным воротам. Солнце еще стояло высоко, и большинство гостей находились в здании. Это хорошо — так, я надеялась, легче сбежать.

«Какая глупость!» — звучало у меня в голове. Все равно что самоубийство. Почему Мейсон пошел на это? Да, он носился со своей безумной идеей, что надо срочно действовать, и был явно расстроен тем, что стражи не предпринимают ничего в связи с последним нападением. И тем не менее. Неужели настолько расстроен? Он должен осознавать опасность. А может... может, я так сильно выбила его из колеи, что он бросился и омут головой? И сумел уговорить Эдди и Мию отправиться вместе с ним? Их-то, впрочем, убедить не так уж трудно. Эдди пойдет за Мейсоном куда угодно, а Мия пылала таким же энтузиазмом, как он, и просто рвалась расправиться со всеми стригоями в мире.

И все же, несмотря на все вопросы, одолевавшие меня в связи с тем, что они сделали, одна вещь не вызывала сомнений — я сама рассказала Мейсону о Споконе. Очевидно, вся вина лежит на мне — если бы не я, ничего бы не произошло.

— Лисса всегда смотрит человеку в глаза, — подсказывала я Кристиану, пока мы шли к выходу. — И говорит очень, очень спокойно. А больше я ничего не знаю. Ну, еще она сильно сосредоточивается, что и тебе советую. Сосредоточься на том, чтобы навязать им свою волю.

— Без тебя знаю! — рявкнул он. — Я видел, как она это делает.

— Прекрасно! — бросила я в ответ. — Просто постарайся, чтобы от тебя был толк.

Прищурившись, я разглядела у ворот лишь одного стража. Улыбка фортуны! Сейчас как раз была смена караула. При солнечном свете риск появления стригоев уменьшается. Стражи, конечно, по-прежнему при исполнении, но могут позволить себе немного расслабиться.

Наше появление вроде бы не слишком обеспокоило дежурного.

— Что вы здесь делаете, ребятки?

Кристиан сглотнул, его лицо заметно напряглось.

— Ты пропустишь нас через ворота, — сказал он.

Голос немного дрожащий — еще бы, он, конечно, сильно нервничал, — но в остальном у него получилось очень похоже на успокаивающий тон Лиссы. К несчастью, никакого эффекта на стража это

не произвело. Как и подчеркивал Кристиан, воздействовать на стражей с помощью принуждения почти невозможно. Мне просто повезло. Страж улыбнулся нам.

— Чего-чего? — явно забавляясь, спросил он.

Кристиан снова попробовал:

— Ты позволишь нам выйти.

Улыбка сделалась слегка неуверенной, страж удивленно мигнул. Его глаза не остекленели, как у жертв Лиссы, но Кристиану удалось ненадолго «зачаровать» его. К сожалению, мне было ясно — этого мало, чтобы заставить стража выпустить нас и все забыть. По счастью, меня долго обучали принуждать людей без применения магии.

Рядом с постом стоял огромный фонарь, два фута в длину и весом не меньше семи фунтов. Я схватила его и обрушила на затылок стража. Он замычал и рухнул на землю. Он не заметил моего приближения, и, несмотря на то, что я сделала ужасную вещь, мне было жаль, что здесь не присутствовал один из моих инструкторов, который, конечно, оценил бы мой «подвиг».

— Господи Всемогуций! — воскликнул Кристиан. — Ты напала на стража!

— Да. — Вот тебе и попытка вернуть ребят, не навлекая ни на кого неприятностей. — Просто я не уверена, что ты так уж силен в принуждении. Я отвечу за последствия — но позже. Спасибо за помощь. Давай возвращайся, пока не пришел его сменщик.

Он покачал головой и соорудил гримасу.

— Нет, я пойду с тобой.

— Нет! — возразила я. — От тебя мне нужно было одно — чтобы ты помог мне выйти наружу. Не стоит навлекать на себя лишние неприятности.

— Я уже по уши в неприятностях! — Кристиан кивнул на стража. — Он видел мое лицо. В любом случае я засветился, почему бы не помочь тебе спасти положение? Хотя бы в виде исключения не будь такой врединой.

Мы заторопились прочь, и я бросила последний, виноватый взгляд на стража. Я была уверена, что своим ударом не причинила ему серьезного вреда и он не замерзнет, — учитывая, как ярко светит солнце.

Мы шли по шоссе уже минут пять, когда до меня дошло, что у нас есть проблема. Хотя Кристиан был закутан с ног до головы и надел темные очки, солнце оказывало на него свое негативное воздействие. В результате мы двигались медленнее, чем могли бы; а между тем пройдет совсем

немного времени, прежде чем выведенного мною из строя стража обнаружат и устроят за нами погоню.

За нашими спинами возникла машина — не академическая, — и я приняла решение. Я по меньшей мере неодобрительно отношусь к поездкам автостопом. Даже человек вроде меня понимает, как это опасно. Но нам требовалось попасть в город быстро, и я в состоянии разделаться с любым парнем, если бы он вздумал прицепиться к нам. По счастью, когда машина поравнялась с нами, в ней обнаружилась пара средних лет. Они явно волновались за нас, и больше ничего.

— Ребятки, с вами все в порядке?

Я спрятала за спину поднятый вверх большой палец.

— Наш автомобиль застрял на дороге. Вы не подбросите нас в город, откуда я могу позвонить папе?

Это сработало. Пятнадцать минут спустя они высадили нас у заправочной станции. Они просто рвались нам помочь, и мне с трудом удалось отделаться от них. В конце концов мы сумели убедить их, что с нами все будет в полном порядке, и прошли несколько кварталов до автобусной станции. Как я и предполагала, городок оказался невелик. Он обслуживал три маршрута: два вели на другие лыжные базы и один в Лоустон, штат Айдахо. Я отчасти надеялась, что мы заловим Мейсона и компанию до прихода автобуса — тогда можно было бы вернуть их обратно без особых неприятностей. Увы, никаких следов чертовых беглецов не обнаружилось. Жизнерадостная женщина на кассе подтвердила мою догадку. Она запомнила всю троицу и то, что они купили билеты до Спокана через Лоустон.

— Черт! — не удержалась я.

Женщина осуждающе вскинула брови. Я посмотрела на Кристиана.

— У тебя есть деньги на автобус?

По дороге мы разговаривали мало. Я лишь объяснила ему, как по-дурацки он себя повел в отношении Лиссы и Адриана. Ко времени прибытия в Лоустон мне удалось его убедить, что само по себе можно рассматривать как маленькое чудо. Остальной путь до Спокана он проспал, но я не смогла. Меня без конца грызла мысль, что все это моя вина.

В Спокан мы прибыли во второй половине дня. Пришлось расспросить прохожих, но в конце концов мы нашли человека, знающего тот торговый центр, о котором говорил Дмитрий. Он находился довольно далеко от автобусной станции, но после почти пятичасовой езды ноги затекли, и я жаждала движения. До захода солнца было еще далеко, но оно уже стояло низко и менее губительно действовало на вампиров, поэтому Кристиан

тоже не возражал пройтись.

И, как часто бывает, когда все вокруг спокойно, я почувствовала притяжение со стороны Лиссы и позволила себе погрузиться в нее, поскольку хотела знать, что происходит на лыжной базе. — Я знаю, ты хочешь защитить их, но мы должны знать, где они.

Лисса сидела на постели в нашей комнате, а Дмитрий и мама буравили ее взглядами. Говорил Дмитрий. Это было интересно — видеть его планам и Лиссы. Она питала к нему дружественное унижение — совсем не то что напряженный клубок эмоций, которые всегда испытывала я.

— Я уже сказала — не знаю, — ответила Лисса. — Понятия не имею, что произошло.

В ней бурлили волнение и страх за нас. Было грустно видеть ее такой обеспокоенной, но в то же время я порадовалась, что не стала втягивать ее в наши дела. Чего не знаешь, о том и рассказать не сможешь.

— Просто не верится, что они не сообщили тебе, куда отправились, — заявила моя мать. Голос ее звучал ровно, но от беспокойства морщины резко обозначились на лице. — В особенности учитывая вашу... связь.

— Она работает только в одну сторону, — печально сказала Лисса. — Вам же известно.

Дмитрий опустился на колени, его глаза окапались на уровне глаз Лиссы. Для него всегда было важно — заглянуть человеку в глаза.

— Ты уверена, что совсем ничего не можешь рассказать нам? Их нет в городе. Мужчина, продающий билеты на автобусной станции, не видел их... хотя мы практически не сомневаемся, куда они направляются.

Мужчина на автобусной станции? Еще одна улыбка фортуны. Видимо, женщина, которая продала нам билеты, сменилась и ушла домой. Стиснув зубы, Лисса сердито смотрела на него.

— Неужели я не сказала бы вам, если бы знала? Неужели не понимаете, я тоже беспокоюсь за них? Говорю же — я понятия не имею, где они. И зачем они ушли... это кажется совершенно бессмысленным. В особенности почему они выбрали в спутницы Мию.

Я почувствовала, как ей больно — больно, потому что она в стороне от того, что мы делаем, пусть даже мы неправы. Дмитрий вздохнул и откинулся назад. Судя по выражению лица, он поверил ей. Чувствовалось также, он обеспокоен — и притом не только в профессиональном плане. Он беспокоился за меня, и это ранило сердце.

— Роза? — Голос Кристиана заставил меня вернуться к действительности. — Думаю, мы на месте.

Перед торговым центром простиралась широкая площадь. Угол

главного здания занимало кафе, его столиками было уставлено открытое пространство. Люди входили в комплекс и выходили из него; их хватало тут даже в это время дня.

— Ну и как мы будем искать их? — спросил Кристиан.

— Может, если мы станем действовать как стригои, они попытаются прикончить нас.

Еле заметная улыбка тронула уголки его губ. Моя шутка ему понравилась — хотя он в жизни не признался бы в этом. Мы вошли в торговый центр. Как и в любом другом, здесь было полно мелких магазинчиков, и неуместно подумалось, что если — может быть — мы найдем троицу быстро, нам удастся еще и шопингом заняться.

Мы с Кристианом дважды обошли весь центр, но не увидели никаких признаков друзей или чего-то, похожего на туннели.

— Может, мы не туда попали, — в конце концов сказала я.

— А вдруг они, — предположил Кристиан, — пошли в какой-то другой... постой!

Я проследила взглядом за его указующей рукой. Три «преступника» сидели прямо в центре ресторанного дворика. И выглядели такими подавленными, такими несчастными, что я почти пожалела их.

— Сейчас я готов убить за камеру, — с ухмылкой сказал Кристиан.

— Тут нет ничего смешного.

Я зашагала к столику, за которым сидела троица, и внутренне испустила вздох облегчения. Они явно не нашли никаких стригоев, все были живы, и есть надежда, что удастся отбуксировать их обратно до того, как мы вляпаемся в еще большие неприятности.

Они не замечали меня до тех пор, пока я не оказалась прямо у них перед носом. Эдди вскинул голову.

— Роза? Что ты тут делаешь?

— Вы из ума выжили? — закричала я. Несколько человек поблизости бросили на нас

удивленные взгляды.

— Вы понимаете, какие вас ждут неприятности? И во что вы нас втянули?

— Как, черт побери, вы нашли нас? — негромко спросил Мейсон, с тревогой оглядываясь по сторонам.

— Вы, ребята, злоумышленники никудышные, — ответила я. — Ваш информант на автобусной станции выдала вас. Ну и конечно, я сообразила, что вы отправились на бессмысленную охоту на стригоев.

Судя по выражению лица Мейсона, он все еще не был счастлив видеть

меня. Ответила, однако, Мия:

— Никакая она не бессмысленная.

— Правда? Вы хоть одного стригоя убили? Или нашли хоть одного?

— Нет, — признался Эдди.

— Хорошо, — сказала я. — Считайте, вам повезло.

— Почему ты против убийства стригоев? — пылко спросила Мия. — Разве не этому тебя учат?

— Меня учат выполнять разумные задачи, а не ребяческие фокусы.

— Это не ребячество! — воскликнула она. — Они убили мою мать, а стражи и в ус не дуют. Даже их информации нельзя доверять. В туннелях нет никаких стригоев. Скорее всего, и в городе их нет.

Ее заявление явно произвело на Кристиана впечатление.

— Вы нашли туннели?

— Да, — ответил Эдди. — Но, как она сказала, без толку.

— Мы должны осмотреть их, прежде чем уйти, — сказал мне Кристиан. — И если информация ошибочная, то никакой опасности нет.

— Нет! — взорвалась я. — Мы возвращаемся домой. Немедленно.

Мейсон выглядел устал.

— Мы собираемся еще раз обыскать город. Даже ты, Роза, не можешь заставить нас вернуться.

— Да, но школьные стражи смогут, когда я позвоню им и объясню, что вы здесь.

Назовите это шантажом или пустой болтовней, эффект тот же. Все трое посмотрели на меня с таким выражением, словно я нанесла удар под дых.

— Ты правда готова сделать это? — спросил Мейсон. — Предать нас?

Я потеряла глаза, в отчаянии спрашивая себя, почему именно я выступаю здесь в качестве голоса разума. Где та девушка, которая сбежала из школы? Мейсон прав. Я изменилась.

— Предательство тут ни при чем. Я просто хочу, чтобы вы остались живы.

— Думаешь, мы такие уж беззащитные? — спросила Мия. — Думаешь, нас запросто можно убить?

— Да, — ответила я. — Разве что ты открыла способ использовать воду как оружие.

Она вспыхнула, но промолчала.

— У нас при себе серебряные колья, — сказал Эдди.

Фантастика. Они еще и украли колья. Я умоляюще посмотрела на Мейсона.

— Мейсон, пожалуйста. Откажитесь от своих намерений. Давайте вернемся.

Он устремил на меня долгий, пристальный взгляд и в конце концов вздохнул.

— Ладно.

Эдди и Мия выглядели ошеломленно, но среди них Мейсон явно был лидером, и без него самостоятельно они действовать не могли. Мия, казалось, восприняла это решение тяжелее всех, и мне стало больно за нее. Она практически не имела времени оплакать мать, месть — вот ее способ справиться со своим горем. Ею необходимо серьезно заняться, когда мы вернемся.

Кристиана, однако, по-прежнему будоражила идея подземных туннелей. Ничего удивительного — учитывая, как много времени он проводил ни чердаке церкви.

— Я посмотрел расписание, — сказал он. — До следующего автобуса еще уйма времени.

— Нельзя же лезть прямо в логово стригоев, — отметила я, направляясь к выходу с торговой площади.

— Нет тут никаких стригоев, — возразил Мейсон. — Это просто помещение, которые используют вахтеры и уборщики. Мы вообще не заметили ничего хоть сколько-нибудь странного. Я правда считаю, что информация стражей ошибочна.

— Роза, давай получим хоть какое-то удовольствие, — гнул свое Кристиан.

Все уставились на меня, Я почувствовала себя Мамашей, которая в кондитерском магазине отказывается покупать детям леденцы на палочке.

— Ладно, уговорили. Но учтите — всего один беглый взгляд.

Троица повела нас с Кристианом в противоположный конец торгового центра, к двери с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА». Проскользнув мимо двух вахтеров, мы уперлись в другую дверь, которая вывела к уходящей вниз лестнице. На мгновение мною овладело ощущение дежавю — вспомнилось, как Адриан вел нас на свою SPA-вечеринку. Правда, здесь ступени гораздо грязнее и воняло мерзко.

Наконец мы добрались до самого низа. Это был скорее не туннель, а узкий коридор, с грязными цементированными стенами, с безобразными люминесцентными лампами. Коридор тянулся влево и вправо. Повсюду стояли самые обычные коробки с моющими средствами и электрическими принадлежностями.

— Видишь? — сказал Мейсон. — Скукота.

— А там что?

Я сделала жест в одном и в другом направлении.

— Ничего. — Мия вздохнула. — Хочешь, посмотри сама.

Мы пошли вправо — и действительно ничего нового не обнаружили. Я совсем было решила, что это и впрямь «скукота», как увидела на стене, мимо которой мы проходили, написанные черным буквы. Я остановилась, разглядывая их. Вот как они выглядели.

Д
Б
К
О
Т
Д
В
Л
Д
З
С
И

Некоторые помечены черточками или крестиками, но смысл «послания», если можно так выразиться, оставался непонятным. Мия заметила, что я рассматриваю.

— Это, наверно, связано с уборщиками, — сказала она. — Или какая-нибудь компания написала.

— Скорее всего, — ответила я, продолжая изучать надпись.

Остальные бесцельно шатались туда и обратно, не понимая, почему я так зачарована бессмысленным столбиком букв. Я и сама этого не понимала, но что-то удерживало меня на месте.

И потом меня осенило.

«Б» — Бадика, «З» — Зеклос, «И» — Ивашков...

Я вытаращила глаза. Первые буквы всех королевских фамилий, вот что это такое. Здесь три буквы «Д», но то, как они следовали одна за другой, наводило на мысль, что буквы располагались в порядке, соответствующем размеру семей. Вначале стояли самые маленькие семьи — Драгомир, Бадика, Конта, — и чем дальше, тем больше, вплоть до гигантского клана Ивашковых в конце. Я не понимала значения черточек рядом с буквами, но быстро заметила, какие из них помечены крестиками: Бадика и Дроздов.

Я отошла от стены.

— Нужно убираться отсюда. — Меня напугал звук собственного голоса. — Немедленно.

Остальные удивленно смотрели на меня.

— Почему? — спросил Эдди. — Что происходит?

— Позже объясню. А сейчас пошли.

Мейсон сделал жест в том направлении, куда мы шли.

— Там есть выход на расстоянии нескольких кварталов отсюда. Ближе к станции.

Я устремила взгляд в темную неизвестность.

— Нет. Возвращаемся тем же путем, каким пришли.

Мы так и сделали. Все смотрели на меня как на сумасшедшую, но вопросов никто не задавал. Когда мы вышли из торгового центра, я с облегчением отметила, что солнце еще не село, хотя опустилось уже к самому горизонту, отбрасывая на дома оранжево-красные отблески. Остающегося дневного света хватит, чтобы мы добрались до автобусной станции, не наткнувшись ни на одного стригоя.

И теперь я не сомневалась, что стригои в Спокане есть. Информация Дмитрия была правильной. Я не совсем понимала, что означал этот список, но, ясное дело, он имел какое-то отношение к недавним нападениям. Нужно как можно быстрее сообщить об этом другим стражам, а вот остальным из нашей компании не следует говорить о моем открытии, пока мы не окажемся в безопасности на базе. Если бы Мейсон понял смысл букв, с него хватило бы вернуться в туннели.

К станции мы шли практически в молчании. Думаю, остальных пугало мое настроение. Даже Кристиан воздерживался от ехидных замечаний. Внутри меня бушевала буря эмоций, колеблясь между яростью и чувством вины, когда я снова и снова подвергала переоценке свою роль во всем происшедшем.

Внезапно идущий впереди Эдди остановился, И я чуть не налетела на него. Он оглянулся по сторонам.

— Где мы?

Выбросив из головы тягостные мысли, я тоже оглянулась. Ни одно здание не показалось мне знакомым.

— Проклятье! — воскликнула я. — Мы что, заблудились? Неужели никто не следил, каким путем мы идем?

Нечестный вопрос — поскольку уж я-то точно этого не делала, но мой темперамент снова вырвался на волю. Мейсон внимательно взгляделся в мое лицо и вскинул руку.

— Вон оттуда.

Мы развернулись и пошли по узкой улочке между двумя домами. Я не испытывала уверенность, что мы идем правильно, но лучшей идеи в голову не пришло. И еще мне не хотелось торчать на одном месте и спорить.

Мы успели отойти совсем недалеко, когда я услышала шум двигателя и визг шин. Мия шла посреди улицы, и инстинкт защиты сработал прежде, чем я разглядела, что к нам приближается. Схватив за руку, я резко дернула ее в сторону, к стене дома. Парни сделали то же самое.

Из-за угла появился большой серый фургон с затемненными стеклами и поехал в нашу сторону. Мы вжались в стену, ожидая, пока он проедет мимо.

Вот только он этого не сделал.

Снова взвизгнув шинами, он остановился прямо напротив нас, и дверь скользнула в сторону, открываясь. Оттуда вывалились три крупных мужчины — и снова включился мой инстинкт. Я понятия не имела, кто они такие и чего хотят, но дружелюбием тут и не пахло. Больше ничего мне понимать и не требовалось.

Один из них направился к Кристиану, но я метнулась вперед и нанесла ему удар. Парень едва пошатнулся, но был явно удивлен, что вообще почувствовал его. Скорее всего, он не ожидал, что от такой мелкой особы может исходить какая-то угроза. Оставив в покое Кристиана, он двинулся ко мне. Периферийным зрением я отметила — Мейсон и Эдди приняли боевую стойку, защищая двух других. Мейсон даже вытащил украденный серебряный кол. Мия и Кристиан стояли словно прикованные к месту.

Нападающие рассчитывали на свою силу. Они никогда не изучали технических приемов нападения или защиты. Плюс они — люди, а мы обладали силой вампиров. К несчастью, в нашей позиции присутствовал недостаток — мы оказались зажаты между ними и стеной. Нам некуда отступить. И, что более важно, нам было что терять. Например, Мию.

И парень, который дрался с Мейсоном, по-видимому, тоже осознал это. Оставив Мейсона, он схватил ее. Блеснул пистолет, и он вдавил дуло ей в шею. Я попятилась от своего противника и крикнула Эдди, чтобы он остановился. Нас приучили мгновенно реагировать на такого рода приказы, и он замер, вопросительно глядя на меня. Увидев Мию, он побелел как мел.

Мне страстно хотелось одного — колотить этих людей, кто бы они ни были, но я не могла рисковать Мией. Он тоже понимал это. Ему даже не требовалось угрожать нам. Хотя и человек, он знал о нас достаточно, чтобы понимать — ради того, чтобы защитить Мию, мы выйдем из игры. В головы новичков с раннего детства вдальбливают: «Только они имеют

значение».

Все остановились, переводя взгляды с него на меня. По-видимому, нас воспринимали как лидеров.

— Чего ты хочешь? — бросила я.

Парень еще сильнее вдавил пистолет в шею Мии, и она издала жалобный всхлип. Несмотря на разговоры о сражениях, она была мельче меня и далеко не так сильна. И слишком испугана, чтобы пошевелиться.

Парень наклонил голову в сторону открытой двери фургона.

— Я хочу, чтобы вы сели в машину. И не затевайте ничего, а иначе ей конец.

Я посмотрела на Мию, на фургон, на остальных своих друзей и потом снова на этого парня. Вот дерьмо!

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Ненавижу оказываться в беспомощном положении. И ненавижу уступать без боя. То, что произошло в темном проулке, не было настоящим боем. Если бы дело обстояло иначе... если бы меня победили в бою и тем самым заставили подчиниться... ну тогда да. Может, я и смирилась бы. Может быть. Но меня не победили. Я едва-едва испачкала руки. И теперь приходилось уступать без единого движения.

Как только мы уселись на полу фургона, они связали всем нам руки за спиной с помощью гибких наручников — стянутых вместе полосок пластика, удерживающих не хуже, чем металлические.

Ехали мы почти в полном молчании. Время от времени мужчины что-то бурчали, обращаясь друг к другу, но так тихо, что мы ничего не слышали. Кристиан и Мия, возможно, были в состоянии различить слова, но не могли ничего передать нам. Мия выглядела такой же испуганной, как на улице, и, хотя страх Кристиана быстро сменился характерной для него высокомерной яростью, даже он не осмеливался предпринять какие-нибудь действия в присутствии охранников.

Я порадовалась, что он держит себя в руках. Если бы он нарушил приказ, любой из этих мужчин, без сомнения, отделал бы его как следует и ни я, ни остальные новички не смогли бы остановить их. Это-то больше всего и сводило с ума. Инстинкт защиты мороев так глубоко засел во мне, что я даже о себе не беспокоилась. Кристиан и Мия — вот на ком сосредоточились все мои мысли. Они — те, кого я должна вытащить из заварухи.

Кто эти мужчины? Загадка. Они люди, но я ни на мгновение не допускала мысли, будто компания дампигов и мороев стала жертвой случайного похищения. Нас поймали с определенной целью. Похитители не завязали нам глаза и не предпринимали других попыток скрыть от нас путь следования; это казалось мне плохим знаком. Может, они думали, что мы недостаточно знаем город, чтобы понять, куда нас везут? Или просто решили, что это не имеет значения, поскольку мы никогда не выберемся оттуда, где окажемся? Я понимала лишь — мы удаляемся от центра в направлении пригорода. Спокан оказался в точности таким неприглядным, как я себе представляла; Там, где не было сугробов чистого белого снега, вдоль улиц тянулись грязные слякотные лужи, на лужайках разбросаны пятна грязи. Вечнозеленых растений совсем мало. По сравнению с ними

тонкие, голые лиственные деревья напоминали скелеты. Их вид лишь усугублял ощущение надвигающейся беды.

Прошло меньше часа, когда фургон свернул в тихий тупик и мы подъехали к самому обычному, хотя и большому дому. Поблизости стояли другие здания, похожие друг на друга, как часто бывает в пригороде, и это пробудило во мне надежду. Может, удастся прибегнуть к помощи соседей. Мы въехали в гараж, дверь открыли, и нас отпели в дом. Внутри он выглядел гораздо интереснее. Антикварные вещи, диванчики на ножках в виде лап, удобные кресла. Большой аквариум с морскими рыбками. Над камином перекрещенные мечи. На стене — одна из тупых современных картин, представляющих собой изогнутые, беспорядочно разбросанные по холсту линии.

Часть меня, которой доставляло удовольствие уничтожать врагов, с удовольствием изучила бы висящие над камином мечи в деталях, но на перлом этаже мы не задержались. По узкой лестнице нас повели вниз, в подвал, такой же большой, как первый этаж над ним. Подвал имел несколько коридоров с закрытыми дверями и напоминал крысиный лабиринт. Похитители уверенно провели нас по нему в маленькую комнату с бетонным полом и некрашеными, обитыми фанерой стенами.

Мебель внутри состояла из нескольких неудобных на вид деревянных кресел с твердыми, плоскими спинками — спинками, позволяющими снова связать нам руки. Мужчины усадили нас в них таким образом, что Мия и Кристиан оказались на одном конце комнаты, а остальные — дампир — на другом. Тот из них, который, по-видимому, был лидером, внимательно следил, как второй бандит связывал руки Эдди гибкими наручниками.

— За этими нужно приглядывать особо внимательно. — Он кивнул на нас. — Они будут сопротивляться. — Его взгляд скользнул по лицу Эдди, Мейсона и моему.

Несколько мгновений мы, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза, во мне клокотала злость. Он повернулся к своему коллеге.

— И за ней, в частности.

Когда нас, к его удовлетворению, крепко связали, он отдал остальным бандитам еще несколько приказов и ушел, громко хлопнув дверью. Пока он поднимался по лестнице, эхо шагов отдавалось по всему дому. Потом наступила тишина.

Мы сидели, глядя друг на друга. Спустя несколько минут Мия всхлипнула и прошептала.

— Что вы собираетесь...

— Заткнись! — проворчал один из бандитов и сделал

предостерегающий шаг в ее сторону.

Она побледнела и съежилась, но, судя по ее виду, готова была продолжить. Я поймала ее взгляд и покачала головой. Она больше не произнесла ни слова, только глаза были широко распахнуты и губы дрожали.

Нет ничего хуже, чем ждать, не зная, что произойдет дальше. Собственное воображение может оказаться беспощаднее любого тюремщика. Поскольку охранники вообще не разговаривали с нами и уж тем более не сообщали, что у них для нас припасено, перед моим внутренним взором разворачивались сценарии один ужаснее другого. Первая угроза — пистолеты; я пыталась представить себе, как ощущается входящая в тело пуля. Больно, скорее всего. И как они будут нас расстреливать? В сердце или в голову? Быстрая смерть. А если, к примеру, в живот? Медленная, мучительная смерть. Я содрогнулась, представив, как жизнь по капле истекает из меня. Эти «кровавые» мысли вызвали в памяти дом Бадика: может, бандиты перережут нам горло? Не сомневаюсь, у них есть не только пистолеты, но и ножи.

Конечно, я удивлялась, почему мы все еще живы. Ясное дело, им что-то нужно от нас, но что? Они не задавали вопросов — следовательно, информация им не требовалась. И они люди. Что может понадобиться от нас людям? Обычно мы опасались столкновения с каким-нибудь безумным убийцей или тем, кто жаждет ставить на нас эксперименты. Эти, похоже, не относились ни к тем ни к другим.

Так чего же они хотят? Зачем мы здесь? Снова и снова я воображала ужасные, просто отвратительные вещи. И, судя по физиономиям моих друзей, с ними происходило то же самое. Комнату наполнял запах пота и страха. Я потеряла счет времени и внезапно оказалась вырвана из собственных жутких фантазий звуком шагов на лестнице. В комнату вошел лидер похитителей. Остальные тут же подтянулись, чувствовалось, что они напряжены. О господи! Вот оно, осознала я. То, чего мы ждали.

— Да, сэр, — говорил лидер. — Они здесь, как вы и хотели.

В конце концов до меня дошло. За этим похищением кто-то стоял. Меня охватила паника. Я должна сбежать!

— Выпусти нас отсюда! — завопила я, пытаюсь разорвать свои путы. — Выпусти нас отсюда, сукин...

Я оборвала себя, внутренне съежившись. В горле пересохло. Сердце забилося с перебоями. Охранник ввел в комнату мужчину и женщину, которых я не знала. Но одно я поняла: это...

...стригой.

Реальные, живые — ну образно говоря — стригои. Внезапно все встало на свои места. Отчеты о происходящем в Спокане оказались не просто точны. Случилось то, чего мы опасались, — стригои работают вместе с людьми. Это меняет все. Дневной свет больше не обеспечивает безопасности. Ни о какой безопасности любого из нас вообще больше речи не идет. Хуже того, я поняла, что это, наверное, те самые мерзавцы стригои, которые с помощью людей напали на две моройские семьи. Снова нахлынули ужасные воспоминания: тела и кровь повсюду. Желчь подступила к горлу, и я попыталась переключиться на настоящее, хотя оно и не сулило ничего хорошего.

У мороев бледная кожа, которая легко краснеет и обгорает. Но эти вампиры... кожа у них окапалась белая-белая, как будто выкрашенная меловым раствором. Вокруг зрачка — красный кружок, подтверждающий, какими именно монстрами они были.

Женщина, по правде говоря, напомнила мне Наталью — мою бедную подружку, чей отец уgomонил ее стать стригоем. Спустя несколько мгновений я поняла, что на самом деле они вовсе не похожи. Женщина невысокого роста, с неумело обесцвеченными темными волосами, скорее всего, до обращения была человеком. Ощущение же сходства объяснялось тем, что она тоже была «свежим» стригоем — как Наталья. Это стало очевидно, когда я сравнила ее со стригоем-мужчиной. В лице женщины еще оставалась жизнь, пусть совсем немного. Его же лицо... было лицом смерти.

В его лице отсутствовали какие-либо эмоции, окрашенные теплом и мягкостью. Выражение холодной расчетливости, с оттенком злобного удивления — вот и все. Высокий, типа Дмитрия, и стройный, что свидетельствовало о его изначально моройской природе. Черные волосы до плеч выделялись на фоне яркой алой рубашки. Глаза такие темные, что, не будь в них красных кругов, было бы невозможно сказать, где кончается зрачок и начинается радужная оболочка.

Один из охранников с силой толкнул меня, хотя я и молчала, и посмотрел на стригоя-мужчину.

— Вставить ей кляп?

Внезапно я осознала, что вжимаюсь в спинку кресла, бессознательно стремясь оказаться как можно дальше от стригоя. Он тоже осознал это, и тонкая улыбка тронула его губы.

— Нет, — ответил он низким, вкрадчивым голосом. — Я не против послушать, что она желает сказать. — Он вскинул бровь, не спуская с меня взгляда. — Пожалуйста, продолжай.

Я сглотнула.

— Нет? Нечего добавить? Хорошо. Если что-нибудь еще придет в голову, можешь высказываться свободно.

— Исайя, — воскликнула женщина, — почему ты держишь их здесь? Почему не связываешься с остальными?

— Елена, Елена, — пробормотал Исайя. — Веди себя хорошо. Я не собираюсь упускать шанс порадовать себя двумя морями и... — он зашел за кресло и приподнял мои волосы, заставив меня содрогнуться, потом он точно так же осмотрел шеи Мейсона и Эдди, — и тремя полукровками-дампирами.

Он произнес эти слова с почти счастливым вздохом, и до меня дошло, что он проверял, есть ли на нас татуировки стражей.

Прошагав к Мие и Кристиану, Исайя остановился, положив руку на бедро и внимательно разглядывая их. Мия лишь мгновение смотрела ему в глаза и тут же отвернулась. Чувствовалось, что Кристиан испуган, но он все же заставил себя не отводить взгляда. Я испытала чувство гордости за него.

— Посмотри на эти глаза, Елена. — Она подошла и встала рядом с Исайей. — Бледно-голубые. Как лед. Как аквамарины. Такие бывают почти исключительно в королевских семьях. Бадика. Онера. Некоторые из Зеклосов.

— Озера, — сказал Кристиан, явно стремясь показать, что не испытывает страха.

— Правда? Не может быть... — Исайя наклонился ближе к Кристиану. — Хотя возраст соответствующий... и эти волосы... — Он улыбнулся. — Сын Лукаса и Мойры?

Кристиан промолчал, но выражение его лица подтверждало эту догадку.

— Я знал твоих родителей. Замечательные люди. Не имеющие себе равных. Их гибель — позор... но... осмелюсь сказать, они сами навлекли ее на себя. Я говорил им, чтобы они не возвращались за тобой. Пытаться пробудить тебя, такого юного, было бы пустой тратой времени. Они отвечали, что просто хотят держать тебя поблизости, а пробудят, когда ты станешь постарше. Я предостерегал их, что это может плохо обернуться, но... — Он пожал плечами. Термин «пробуждать» стригои использовали в разговорах друг с другом, имея в виду обращение. Он нес в себе почти религиозный оттенок. — Они не послушались, и случилась беда.

В глазах Кристиана кипела ненависть, глубокая и мрачная. Исайя снова улыбнулся.

— Исайя! — с подвыванием снова обратилась к нему Елена. — Позови

остальных...

— Хватит командовать мной!

Исайя схватил ее за плечо и оттолкнул, да так, что она пролетела через всю комнату и едва не пробила стену. Она лишь успела выбросить руку, чтобы слегка смягчить удар. У стригоев рефлексy лучше, чем у дампиpов и даже мороев, ей не повезло, он застал ее врасплох. И на самом деле он едва коснулся ее. Толчок был легким — и тем не менее обладал силой.

Все это еще больше усилило мое убеждение, что он относился к совершенно другому разряду. Его сила во много раз превосходила ее. Она просто муха, которую он запросто мог прихлопнуть. Мощь стригоев возрастает с годами — по мере потребления моройской крови и, правда с менее выраженным эффектом, крови дампиpов. Этот мужчина был не просто старьй, поняла я; он древний. И за долгие годы выпил много, много крови. Лицо Елены исказилось от ужаса, и я понимала ее. Стригои все время встают друг против друга. Если бы он захотел, то запросто мог бы оторвать ей голову.

Она съежилась, отводя взгляд.

— Я... Прости, Исайя.

Он пригладил рубашку, хотя в этом не было особой нужды. И снова, как и прежде, придал своему голосу звучание холодного расположения.

— Ты, конечно, можешь иметь свое мнение, Клена, и я не возражаю, чтобы ты высказала его цивилизованным способом. Что, по-твоему, нам делать с этими юнцами?

— Ты должен... то есть, я думаю, мы должны просто употребить их прямо сейчас. В особенности мороев. — Чувствовалось, она изo всех сил старается не подвывать и не раздражать его. — Если только... Может, ты собираешься устроить еще один званый обед? Это было бы сущее расточительство. Нам придется поделиться, а ты знаешь, остальные не поблагодарят тебя. Они никогда не благодарят.

— Нет, на званый обед я их не потрачу, — надменно объявил он, — но пока и убивать не стану. Ты молода, Елена, и думаешь лишь о сиюминутном удовольствии. Когда доживешь до моих лет, не будешь такой... нетерпеливой.

Заметив, что он отвел взгляд, она закатила глаза.

Он повернулся к нам и скользнул взглядом по мне, Мейсону и Эдди.

— Вам троим, боюсь, придется умереть. Этого не избежать. Хотелось бы сказать, что я сожалею, но чего нет, того нет. Так устроен мир. У вас, однако, есть выбор, как именно принять смерть. Зависит от вашего поведения. — Его взгляд задержался на мне. Вообще-то непонятно, почему

все здесь, похоже, рассматривали меня как смутьяна. Ну может, так оно и было, — Некоторые из вас умрут мучительнее, чем другие.

Страх на лицах Мейсона и Эдди был точным отражением моего собственного. А Эдди даже захныкал, клянусь, я слышала. Исайя резко, повременному, повернулся на пятках и встал лицом к Мие и Кристиану.

— Вам двоим, по счастью, повезло — у вас есть выбор. Умрет лишь один из вас. Второй обретет прославленное бессмертие. Я даже буду настолько добр, что возьму его под свое крыло, пока он не станет старше. Воспринимайте это как проявление моего милосердия.

Я не смогла удержаться и буквально подавилась смехом. Исайя обернулся и воззрился на меня. Я молчала, ожидая, что он швырнет меня через всю комнату, как Елену, но он лишь стоял и пристально смотрел. Этого оказалось достаточно. Сердце бешено заколотилось, на глазах выступили слезы. Я не могла справиться со своим страхом... какой позор! Мне хотелось быть как Дмитрий. Может, даже как моя мать. Спустя несколько долгих, мучительных мгновений Исайя снова повернулся к мороям.

— Итак, как я сказал, один из вас пробудится и обретет вечную жизнь. Но подталкивать вас к этому я не буду. Вы сделаете этот выбор с готовностью.

— Уж конечно нет, — сказал Кристиан.

Он сумел вложить в эти слова весь вызов, на какой был способен, но для всех в комнате было очевидно, что он напуган до смерти.

— Ах, как мне нравится дух Озера, — задумчиво произнес Исайя и перевел взгляд на Мию, Мерца красными глазами; та в ужасе вжалась в спинку кресла. — Но ты не позволяй ему обойти себя, моя дорогая. В обычной, некоролевской крови тоже есть сила. И вот как все будет происходить. — Он кивнул на нас, дампинов. От его взгляда у меня мороз побежал по коже; почудилось, что я ощущаю вонь гниения. — Тот, кто хочет жить, должен убить одного из этих трех. — Он повернулся к мороям. — Вот и все. Ничего такого неприятного. Просто сообщите одному из этих джентльменов, что готовы сделать это. Они развяжут вас. Потом вы выпьете у него кровь и пробудитесь как один из нас. Тот, кто сделает это первым, обретет свободу. Второй пойдет на обед для Елены и меня. В комнате повисло тяжелое молчание.

— Нет, — сказал Кристиан. — Ничто не заставит меня убить одного из моих друзей. Мне плевать, что вы сделаете. Я умру первым.

Исайя пренебрежительно отмахнулся от него.

— Легко быть храбрым, когда ты не голоден. Посидишь тут несколько

дней безо всякой пищи... и да, эти трое начнут выглядеть очень даже аппетитно. И такие они и есть. Дампиры восхитительны. Некоторые предпочитают их мороям, и, хотя сам я никогда не разделял подобных убеждений, в качестве разнообразия считаю их вполне приемлемыми.

Кристиан свирепо смотрел на него.

— Не веришь? — спросил Исая. — Сейчас продемонстрирую.

Он перешел в нашу часть комнаты. Я поняла, что он собирается сделать, и заговорила, не успев хорошенько подумать.

— Возьми у меня! — выпалила я. — Напейся моей крови.

Самодовольство Исая на мгновение дало трещину, он вскинул брови.

— Ты предлагаешь себя добровольно?

— Я уже делала это прежде. В смысле, позволяла морою «кормиться». Я не против. Мне это нравится. Только не трогай остальных.

— Роза! — воскликнул Мейсон.

Не обращая на него внимания, я умоляюще смотрела на Исая. На самом деле я не хотела, чтобы он пил мою кровь, от одной мысли об этом мне делалось нехорошо. Но я действительно уже давала прежде свою кровь, и пусть уж он заберет ее у меня, чем прикоснется к Эдди или Мейсону.

Он оценивающе смотрел на меня с таким бесстрастным выражением лица, что его мысли оставались для меня загадкой. На мгновение мне показалось, он согласится, но тут он покачал головой.

— Нет. Пока нет.

Он прошел дальше и остановился перед Эдди. Я с такой силой натянула свои путы, что они врезались в кожу. Но не поддались.

— Нет! Оставь его в покое!

— Замолчи! — буркнул Исая, не глядя на меня, и приложил ладонь к щеке Эдди. Тот задрожал и так сильно побледнел, что, казалось, вот-вот упадет в обморок. — Я могу сделать это легко, а могу причинить тебе боль. Если будешь вести себя тихо, получишь первое.

Мне хотелось закричать, хотелось обозвать Исая самыми грязными словами, хотелось обрушить на него град угроз. Но я не могла. Взгляд обшаривал комнату в поисках выхода, но, как и прежде, его не было. Нас окружали голые светлые стены без окон. И единственная дверь, надежно охраняемая. Я была беспомощна — как и в тот момент, когда нас затаскивали в фургон. Я почувствовала, что плачу — не столько от страха, сколько от огорчения. Какой я страж, если не могу защитить своих друзей?

Однако я молчала, и на лице Исая промелькнуло выражение удовлетворения. Флуоресцентные лампы придавали его коже

тошнотворный сероватый оттенок, что еще больше подчеркивали темные круги под глазами. Мне так хотелось врезать ему!

— Хорошо. — Он улыбнулся Эдди и приподнял его голову таким образом, чтобы их взгляды встретились. — Теперь скажи, ты не будешь бороться со мной?

Как я уже говорила, Лисса хорошо владела принуждением, но на такое она была неспособна. Спустя несколько мгновений Эдди улыбнулся.

— Нет. Я не буду бороться с вами.

— Хорошо, — повторил Исая. — И подставишь мне свою шею по доброй воле?

— Конечно, — ответил Эдди, откидывая назад голову.

Исая наклонился, и я перевела взгляд на потертый ковер. Не хотела смотреть на это. Эдди испустил негромкий, счастливый стон. В целом «кормление» проходило тихо — без хлюпанья или чмоканья.

— Ну вот и все.

Услышав, что Исая заговорил, я подняла взгляд. С его губ капала кровь, и он провел по ним языком. Рана на шее Эдди была мне не видна, но, конечно, она тоже кровоточила. Мия и Кристиан смотрели, широко распахнув глаза, охваченные страхом, но одновременно зачарованные. Эдди пребывал в счастливом состоянии наркотического тумана, вызванного и эндорфинами, и принуждением; его взгляд бесцельно блуждал по сторонам.

Исая выпрямился и улыбнулся мороям, слизывая с губ последние капли крови.

— Видите? — сказал он им, направляясь к двери, — Это проще простого.

ДВАДЦАТЬ

Требовалось изобрести план бегства, и как можно быстрее. К несчастью, для осуществления возникающих идей требовалось то, что было недоступно моему контролю. Если бы нас полностью предоставили самим себе, тогда мы смогли бы выскользнуть наружу. Или чтобы нам попался тупой охранник, которого удалось бы обмануть и опять же удрать. Чтобы вырваться на свободу, нас, как минимум, должны плохо охранять. Ничего подобного, однако, не происходило. Прошло двадцать четыре часа, а наша ситуация практически не изменилась. Мы оставались пленниками и по-прежнему были связаны. Охранники сохраняли бдительность, как стражи. Почти.

Если и были какие-то передышки, то лишь связанные с туалетом — всегда под строгим присмотром, что само по себе сопровождалось ощущением унижения. Нам не давали ни еды, ни воды. Для меня это было нелегко, но смешанная человеческая и вампирская природа делает дампиров выносливее. Я могла справиться с ощущением дискомфорта, хотя быстро дошла до состояния, при котором убила бы ради чизбургера и хорошо, очень хорошо промасленной картошки фри.

Что же касается Мии и Кристиана... ну с ними дело обстояло намного сложнее. Морои могут неделями обходиться без еды и воды — если получают кровь. Без крови они могут продержаться несколько дней, прежде чем почувствуют дурноту и слабость, — при условии, что получают какое-то другое питание. Именно в таком режиме жили мы с Лиссой, когда сбежали, поскольку каждый день «кормить» ее я не могла.

Лишите мороев еды, воды и крови, и их выносливость резко пойдет на убыль. Я просто хотела пить, но Мия и Кристиан чувствовали себя безумно изголодавшимися. Они уже спали с лица, глаза горели лихорадочным огнем. И каждый последующий визит Исаяи лишь усугублял проблему. А он постоянно спускался вниз, разглагольствовал в своей безумно раздражающей манере и перед уходом снова пил кровь Эдди. В его третий визит было заметно, что Мия и Кристиан практически истекают слюной. Тоже голодный, но постоянно насыщаемый эндорфинами Эдди, по-моему, даже не отдавал себе отчета, где мы.

В таких условиях я по-настоящему спать не могла, но на второй день начала время от времени проваливаться в дремоту. Голод и истощение оказывают такое действие. В какой-то момент я действительно заснула, что

было удивительно. Мне приснился сон — и я все время отчетливо осознавала, что это сон, — в котором я стояла на побережье. Я даже очень быстро сообразила, где именно. Побережье Орегона — песчаное, теплое, с раскинувшимся в отдалении Тихим океаном; Мы с Лиссой как-то ездили туда, когда жили в Портленде. День тогда был великолепный, но долго находиться на солнце она не могла. В результате мы быстро убрались оттуда, но мне всегда хотелось задержаться там подольше и насладиться всем этим. Сейчас в моем распоряжении было столько света и тепла, сколько пожелаю.

— Маленькая дамписка, — произнес за спиной голос. — Наконец-то.

Я обернулась в удивлении и увидела Адриана Ивашкова. На нем были штаны цвета хаки, свободная рубашка и — в свойственном ему небрежном стиле — никакой обуви. Темные волосы ерошил ветер, руки в карманах; он стоял, рассматривая меня с фирменной усмешкой.

— Ты по-прежнему хорошо защищена, — добавил он.

В первое мгновение мне показалось, он смотрит на мою грудь, но потом я поняла, что его взгляд устремлен на живот. На мне были джинсы, топ от бикини, маленький голубой брелок в виде глаза на этот раз свисал с пупка, а запястье обвивали четки.

— А ты снова на солнце, — сказала я. — Надо полагать, это твой сон.

— Наш сон.

Я поводила носком ноги по песку.

— Как у двух человек может быть общий сон?

— О, люди постоянно видят общие сны, Роза.

Нахмурившись, я подняла на него взгляд.

— Я хочу знать, что ты имел в виду. Насчет тьмы вокруг меня. Что это означает?

— Если честно, не знаю. Вокруг всех свет — кроме тебя. Ты утопаешь во тьме, и тьма у тебя от Лиссы.

Я почувствовала себя еще более сбитой с толку. Не понимаю.

— Не могу углубляться, — сказал он. — Я здесь не затем.

— Ты здесь по какой-то причине? — спросила я, скользя взглядом по серо-голубой воде; ее вид гипнотизировал.

Он шагнул вперед и стиснул мою руку, заставив посмотреть на себя. Все его легкомыслие исчезло. Он был смертельно серьезен.

— Где ты?

— Здесь, — ответила я недоуменно. — Как и ты.

Адриан покачал головой.

— Нет, я не то имею в виду. Где ты в реальном мире?

В реальном мире? Вокруг нас побережье внезапно стало расплывчатым — словно кино не в фокусе. Спустя несколько мгновений картинка снова прояснилась. Я напрягла мозги. Реальный мир. Внезапно возникли образы — кресла, охранники, гибкие наручники.

— В подвале... — медленно заговорила я. И вдруг все воспоминания вернулись, вдребезги разбив красоту момента. — О господи, Адриан! Вы должны помочь Мие и Кристиану. Я не могу...

Адриан сильнее сжал мне руку.

— Где? — Мир снова задрожал и на этот раз не вернулся в фокус. — Где вы, Роза?

Мир начал распадаться. Адриан начал распадаться.

— Подвал. В доме. В...

Адриан исчез. Я проснулась. Меня разбудил звук открываемой двери.

В комнату ворвался Исаяя в сопровождении Елены. При виде нее я с трудом сдержала усмешку. Он излучал высокомерие, беспредельную подлость и абсолютное зло. Он лидер. У него хватает силы и могущества реализовывать свою жестокость. Но Елена? Она — лакей. Она угрожала нам и делала злобные замечания, но ее способность воплотить их в жизнь слабовата, она просто его напарница. Подлиза и полное ничтожество.

— Привет, детки, — хохотнул он. — Как чувствуете себя сегодня?

Ответом ему стали мрачные взгляды. Прошагав к Мие и Кристиану, он остановился, заложив руки за спину.

— Никаких изменений настроения с моего последнего визита? Вы держитесь ужасно долго, и это расстраивает Елену. Видите ли, она очень голодна, но, осмелюсь предположить, не настолько, как вы двое.

Кристиан прищурился и сказал сквозь стиснутые зубы:

— Пошел к черту!

Елена зарычала и метнулась вперед.

— Не смей...

Исайя взмахом руки остановил ее.

— Оставь его в покое. Просто придется чуть подольше подождать, и, по правде говоря, это ожидание развлекает меня.

Взгляд Елены вонзился в Кристиана, словно кинжал.

— Признаться, — продолжал Исаяя, тоже разглядывая Кристиана, — я никак не могу решить, чего хочу больше: убить тебя или присоединить к нам. И то и другое имеет свои приятные стороны.

— Не надоело слушать самого себя? — спросил Кристиан.

Исайя задумался.

— Нет. Пожалуй, нет. Это мне тоже никогда не надоедает.

Он развернулся и направился к Эдди. После «кормлений» бедняга едва мог сидеть, заваливаясь в своем кресле. Хуже того, теперь Исайе не требовалось прибегать к принуждению. Лицо Эдди осветила глупая улыбка — он жаждал еще одного укуса. Он превращался в наркомана, как любой «кормилец».

Дикая злость и отвращение затопили меня.

— Проклятье! — закричала я. — Оставь его в покое!

Исайя посмотрел на меня.

— Уймись, девочка. Ты не выглядишь такой забавной, как мистер Озера.

— Правда? — взорвалась я. — Если я так сильно тебя раздражаю, так доказывай на мне свою тупую точку зрения. Кусай меня, не его. Поставь меня на место, а заодно продемонстрируй, какое ты дерьмо.

— Нет! — воскликнул Мейсон. — Укуси меня!

Исайя закатил глаза.

— Великий боже! Какое благородство. Вы тут все спартанцы, что ли?

Он подошел к Мейсону, подсунул палец под его подбородок и приподнял голову.

— Ты на самом деле этого вовсе не хочешь. Ты предлагаешь себя ради нее. — Он оставил Мейсона, подошел ко мне и вперил в меня взгляд своих черных-черных глаз. — А ты... Вначале, по-моему, ты тоже не хотела. Но сейчас?

Он опустился на колени, чтобы сравняться со мной ростом.

Я не отводила взгляда, хотя понимала, что тем самым увеличиваю риск принуждения.

— Полагаю, ты сказала то, что думаешь. И благородство здесь ни при чем. Ты хочешь этого. Тебя ведь уже кусали прежде. — Его голос действовал магически. Гипнотически. Впрямую он не использовал принуждения, но ему определенно была свойственна некая противоестественная харизма. Как Лиссе и Адриану. Я жадно ловила каждое слово. — Много раз, по-моему.

Он склонился надо мной, горячо дыша в шею. За его спиной Мейсон закричал что-то, но я сосредоточилась лишь на том, насколько зубы Исайи близки к моей коже. За последние несколько месяцев я давала кровь всего раз, и то потому, что Лиссе это было крайне необходимо. До того она кусала меня, по крайней мере, дважды в неделю на протяжении двух лет, и только недавно я начала осознавать, какое сильное привыкание у меня развилось. В мире не существует ничего — ничего! — сравнимого с вкусом мороя, такое блаженство снисходит на тебя. Конечно, по всем отзывам,

укус стригоя оказывает более мощное воздействие...

Я сглотнула, внезапно осознав, как бешено колотится сердце и как тяжело я дышу. Исайя издал негромкий смешок.

— Да. Ты — «кровавая шлюха» в процессе становления. К несчастью для тебя — потому что ты не получишь от меня желаемого.

Он отодвинулся, и я обмякла в кресле. Без дальнейшего промедления он вернулся к Эдди и стал пить. Я не могла смотреть, но на этот раз из-за овладевшей мной зависти, а не отвращения. Страстное желание жгло меня изнутри. Я мучительно жаждала этого укуса, жаждала каждой клеточкой тела.

Закончив, Исайя двинулся к двери, но потом остановился.

— Не тяните, — предостерегающе сказал он, обращаясь к Мие и Кристиану. — Не упустите возможность спастись. — Он наклонил голову в мою сторону. — У вас даже есть добровольная жертва.

Он ушел. Через пространство комнаты наши с Кристианом взгляды встретились. Его лицо, казалось, выглядело даже более исхудалым и измученным, чем часа два назад. В его взгляде горел голод, а в моем, понимала я, страстное желание удовлетворить этот голод. Господи! Что с нами сделали? Думаю, у него мелькнула та же мысль. Иго губы изогнулись в горькой улыбке.

— Ты никогда не выглядела так хорошо, Роза, — успел сказать он, прежде чем охранник велел и ему заткнуться.

На протяжении дня я немного подремала, однако Адриан мне больше не снился. Вместо этого, пребывая в наполовину бессознательном состоянии, я почти нечаянно проскользнула на хорошо знакомую территорию: сознание Лиссы. После всех фантастических переживаний двух последних дней оказаться у нее в голове равнялось возвращению домой. Она находилась в одном из банкетных залов базы, только сейчас он был пуст. Она сидела на полу в дальнем конце, стремясь не привлекать к себе внимания. И сильно нервничала, ожидая чего-то — или, точнее, кого-то. Несколько минут спустя в зал вошел Адриан.

— Кузина! — сказал он вместо приветствия, сел рядом с ней и подтянул к себе колени, не заботясь о том, как это скажется на дорогах брюках. — Извини, что опоздал.

— Все в порядке.

— Ты не знала, что я здесь, пока не увидела меня, правда?

Она покачала головой, чувствуя себя, как никогда, сбитой с толку.

— И сидя здесь со мной... ты действительно ничего не замечаешь?

— Нет.

— Ну, надеюсь, это вскоре придет.

— Как оно выглядит для тебя? — спросила она, сгорая от любопытства.

— Знаешь, что такое аура?

— Ну... как бы круги света вокруг человека, да? Достижение новой эры?

— Вроде того. Все испускают своего рода духовную энергию. Ну, почти все.

Оговорка заставила меня подумать, что, может, он вспомнил обо мне и якобы окружающей меня тьме.

— Анализируя цвет и внешний вид ауры, можно много сказать о человеке, — продолжал он. — Ну, если можешь ее видеть.

— И ты можешь. По моей ауре заметно, что я владею духом?

— Твоя в основном золотистая. Как и моя. В зависимости от ситуации к этому цвету примешиваются другие, но золотистый остается всегда.

— И многих ты знаешь таких, как мы?

— Немногих. Но время от времени попадаются. Они стараются помалкивать. Ты первая, с кем я заговорил. Я даже не знал, что это называется «дух». Жаль, мне ничего не было известно об этом, когда выяснилось, что у меня нет никакой специализации. Тогда я решил, что просто какой-то уродец.

Лисса подняла руку, пристально глядя на нее, нидимо стремясь разглядеть сияние вокруг. Ничего. Она вздохнула и уронила руку. И только тут до меня дошло. Адриан тоже был повелителем духа. Вот почему он проявлял такой интерес к Лиссе, вот почему хотел поговорить с ней, расспросить о нашей связи и специализации Лиссы. Это также объясняло множество других вещей — например, харизму, под воздействием которой я всякий раз не хотела уходить, оказавшись рядом с ним. В тот день, когда мы с Лиссой были у него в комнате, он использовал принуждение — именно таким образом он заставил Дмитрия уйти.

— Итак, они в конце концов отпустили тебя? — спросил Адриан.

— Да. Они в конце концов решили, что я действительно ничего не знаю.

— Хорошо. — Он задумчиво помолчал. — А ты уверена, что ничего не знаешь?

— Я уже отвечала тебе на этот вопрос. Наша связь в ту сторону не работает, и я ничего не могу с этим поделать.

— М-м-м... А должна бы.

Она сердито посмотрела на него.

— По-твоему, я что-то скрываю? Если бы я могла найти ее, я сделала бы это!

— Знаю. Но раз ваша связь вообще существует, она наверняка очень сильна. Используй ее, чтобы поговорить с ней во сне. Я пытался, но мне не удается продержаться достаточно долго, чтобы...

— Что ты сказал? — воскликнула Лисса. — Ты разговаривал с ней во сне?

Теперь у него сделался недоуменный вид.

— Конечно. Ты не знаешь, как это делается?

— Нет! Ты шутишь? Как такое вообще возможно?

Мои сны...

Я вспомнила рассказ Лиссы о необъяснимых морейских феноменах, о вещах, доступных пользователям духа и далеко выходящих за рамки исцеления, о вещах, о которых никто даже толком ничего не знает. Выходит, Адриан оказался в моем сне не случайно. Он сумел проникнуть в мое сознание, может, примерно так, как я проникаю в сознание Лиссы. Эта мысль вызвала ощущение неловкости. Лисса же, похоже, пока даже не осознавала, как обстоит дело.

Он провел рукой по волосам и наклонил голову назад, задумчиво глядя на хрустальную люстру.

— Ладно. Итак, ты не видишь ауры и не говоришь с людьми во сне. Что же ты можешь?

— Я... Я могу исцелять. Животных. И растения. Могу вернуть мертвого к жизни.

— Правда? — Чувствовалось, что ответ произвел на него впечатление. — Ладно, это здорово. Что еще?

— М-м-м... Я могу использовать принуждение.

— Это мы все можем.

— Нет, я по-настоящему могу заставить человека сделать все, что пожелаю... даже плохое.

— И я тоже. — Его глаза вспыхнули. — Интересно, что произошло бы, попытайся ты применить это ко мне?

Она с выражением неуверенности рассеянно водила пальцами по красному ковру.

— Ну... я не могу.

— Ты же сказала, что можешь.

— Могу... но не прямо сейчас. Я принимаю лекарства... от депрессии... и они обрубают мою связь с магией.

Он вскинул руки.

— Как в таком случае я могу научить тебя проникать в сны? И как иначе мы можем найти Розу?

— Послушай, — сердито заговорила она, — я не хочу принимать таблетки. Но без них... я совершаю по-настоящему безумные поступки. Опасные поступки. Вот что дух делает с тобой?

— Я ничего не принимаю — и все в порядке.

Нет, не совсем в порядке, понимала я. И Лисса тоже.

— Ты выглядел очень странно в тот день, когда Дмитрий зашел в твою комнату, — напонила она. — Болтал бессмыслицу.

— Ах, это? Да... Время от времени такое случается. Но, серьезно, очень редко. Самое большее, раз в месяц.

Казалось, он говорит искренне.

Лисса пристально смотрела на него, внезапно начав переоценивать его. Вдруг Адриан может использовать дух без таблеток и каких-либо вредных побочных эффектов? Именно этого она и желала всем сердцем. Кроме того, она не была уверена, что таблетки продолжают работать...

Он улыбнулся, догадавшись, о чем она думает.

— Что скажешь, кузина? — Ему не требовалось использовать принуждение, настолько искушающим было его предложение само по себе. — Я могу научить тебя всему, что знаю, — если ты сможешь дотянуться до магии. Конечно, понадобится время, чтобы медикаменты полностью вышли из твоего организма, но когда это произойдет...

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Только этого мне сейчас и не хватало! Я могла справиться со всеми выходками Адриана: если бы он запал на нее, приучил бы курить свои дурацкие сигареты... да что угодно. Только не это. Меньше всего мне хотелось, чтобы Лисса отказалась от таблеток. Я неохотно покинула ее сознание и вернулась в зловещую реальность. Интересно посмотреть, как дальше будут развиваться события между Адрианом и Лиссой, но подглядывать за ними... Нет, нехорошо. Ладно. Сейчас мне реально необходим план. Нужно действовать. Нужно вытащить нас отсюда. Но, оглядываясь по сторонам, я видела, что ситуация ничуть не изменилась, и следующие несколько часов провела, прикидывая и размышляя.

Сегодня нас охраняли трое. Они выглядели немного усталыми, но рвения не утратили. Эдди, казалось, полностью отключился, Мейсон тупо смотрел в пол. На другой стороне комнаты Кристиан устремил яростный взгляд в пространство, Мия, похоже, спала. Чувствуя, как безумно пересохло горло, я чуть не рассмеялась, вспомнив, что говорила ей о бесполезности магии воды. В бою от воды действительно немного толку, но сейчас я отдала бы что угодно, лишь бы Мия заставила появиться хоть немного...

Магия.

Почему я раньше не подумала о ней? Мы не беспомощны. Ну, не совсем.

В сознании медленно складывался план — скорее всего, безумный, но лучшего у нас не было. Сердце заколотилось в предвкушении, и я проследила за тем, чтобы сохранять спокойное выражение лица, а то охранники могли бы заметить внезапное озарение. Кристиан наблюдал за мной с другой стороны комнаты. Он заметил краткую вспышку моего возбуждения и понял — я что-то задумала. В его взгляде вспыхнуло любопытство, он не меньше меня хотел действовать.

Господи, как нам это проделать? Мне требовалась помощь Кристиана, но как дать ему понять, что у меня на уме? Фактически я даже не уверена, сумеет ли он помочь, — настолько он ослабел. Я смотрела ему в глаза, силясь передать мысль. На его лице возникло выражение замешательства, но решимость никуда не исчезла. Убедившись, что ни один охранник прямо на меня не смотрит, я слегка изменила позу, натянула запястья и, изогнувшись, насколько могла, посмотрела себе за спину, после чего снова

встретилась взглядом с Кристианом. Он непонимающе нахмурился, и я снова проделала то же телодвижение.

— Эй! — громко заговорила я.

Мейсон и Мия удивленно дернулись.

— Вы, парни, в самом деле задумали уморить нас? Разве нельзя дать хоть немного воды?

— Заткнись! — сказал один из охранников. Стандартная реакция в случае, когда кто-либо из нас пытался заговорить.

— Да ладно вам! — как можно развязнее продолжала я. — Неужели даже маленького глотка нельзя? Горло просто горит. Буквально огнем.

При последних словах мой взгляд метнулся к Кристиану, а потом снова вернулся к охраннику к которому я обращалась.

Как и ожидалось, он встал с кресла и двинулся ко мне.

— Не заставляй меня повторяться, — проворим он.

Неизвестно, сможет ли он применить насилие, но пока мне не хотелось подталкивать его к этому. Кроме того, я подала знак. Если Кристиан не понял намека... ну тогда все. Надеюсь, что выгляжу испуганной, я замолчала. Охранник вернулся на свое место и спустя какое-то время перестал сверлить меня взглядом. Я снова посмотрела на Кристиана и натянула запястья.

«Давай же, давай! — думала я. — Сложи два и два».

Внезапно его брови взлетели вверх, и он изумленно посмотрел на меня. Хорошо. Он явно что-то понял. Оставалось надеяться — именно то, что я хотела. На его лице возникло вопросительное выражение: дескать, ты серьезно? Я энергично закивала. Он задумался ненадолго, а потом сделал глубокий, долгий вдох.

— Ладно, — сказал он.

Все снова подскочили.

— Заткнись, — автоматически среагировал один из охранников усталым голосом.

— Нет, — заявил Кристиан. — Я готов. Готов пить.

Все, включая меня, на несколько мгновений окаменели. Это было не совсем то, что я имела в виду.

Лидер охранников встал.

— Только не вздумай морочить нам голову.

— Не собираюсь. — На лице Кристиана возникло лихорадочное, отчаянное выражение, думаю, оно не было полностью притворным. — Я устал от всего этого. Хочу выбраться отсюда и не хочу умирать. Я буду пить... вот ее.

Он кивнул на меня. Мия в смятении взвизгнула. Мейсон обозвал Кристиана такими словами, за которые в школе получил бы строгое взыскание.

Нет, это определенно было не то, что я имела ввиду.

Два других охранника вопросительно посмотрели на лидера.

— Позвать Исайю? — спросил один из них.

— Не думаю, что он здесь, — ответил лидер. Несколько мгновений он вглядывался в лицо Кристиана, а потом принял решение.

— И не хочу беспокоить его зря — вдруг просто какой-то фокус. Пусть идет, а там посмотрим.

Один из охранников достал острые кусачки, зашел за спину Кристиану и наклонился. Я услышала, как щелкнул разрезаемый пластик. Схватив Кристиана за руку, охранник рывком поставил его на ноги и повел ко мне.

— Кристиан! — гневно воскликнул Мейсон, с такой силой пытаясь разорвать свои путы, что слегка сдвинул кресло. — Ты в своем уме? Не позволяй им!

— Вам, ребята, придется умереть, но не мне, — огрызнулся Кристиан, отбрасывая с глаз черные волосы. — Другого способа выбраться нет.

Я не понимала, что происходит, но была уверена, что продемонстрировала бы больше эмоций, если бы мне действительно угрожала смерть. Два охранника стояли по бокам Кристиана, настороженно глядя, как он наклоняется ко мне.

— Кристиан, — прошептала я, удивляясь тому, насколько естественно звучат нотки страха в моем голосе, — не делай этого.

Его губы изогнулись в горчайшей из улыбок, так часто возникающих на его лице.

— Мы с тобой никогда не любили друг друга, Роза. Если уж я должен убить кого-то, пусть это будешь ты. — Его слова звучали так холодно, так расчетливо, так правдоподобно. — Кроме того, мне казалось, ты сама хочешь этого.

— Нет. Пожалуйста, не...

Один из охранников толкнул Кристиана.

— Кончай с этим — или вернешься на свое место.

На губах Кристиана играла та же зловещая улыбка.

— Прости, Роза. Когда-нибудь ты все равно умрешь. Почему бы не уйти легко и приятно? — Он приблизил лицо к моей шее. — Будет немного больно.

Я действительно не верила в происходящее. Почему? Потому что он сказал... неправду? Я неловко заерзала. По общему мнению, если из тебя

выпивают всю кровь, ты одновременно получаешь такое количество эндорфинов, что практически не чувствуешь боли. Как бы засыпаешь, и все. Конечно, это лишь предположения. Умершие от укуса люди не возвращаются обратно, чтобы поделиться с нами своим опытом.

Кристиан обнюхивал мою шею, при этом мои волосы частично скрывали его лицо. Я почувствовала прикосновение губ к коже, такое мягкое, что на память пришли их с Лиссой поцелуи. Спустя мгновение кожи коснулись кончики его клыков. И потом я почувствовала боль. Самую настоящую боль.

Но она была вызвана не укусом. Его зубы лишь слегка сдавили кожу, не пронзая ее. Он повел языком по шее, но не высасывал кровь. Если уж на то пошло, это походило скорее на странный, извращенный поцелуй. Нет, боль ощущали запястья. Жгучую боль. Кристиан использовал свою магию, направив жар на мои гибкие кандалы, — в точности как я и хотела. Он понял мой призыв. Пока он как бы пил мою кровь, пластик нагревался все сильнее и сильнее. Если бы кто-то взгляделся, находясь поблизости, он, возможно, заметил бы, что Кристиан притворяется, однако мои волосы в большой степени скрывали его от охранников.

Я знала, пластик нелегко расплавить, но только сейчас по-настоящему поняла насколько. Требовалась очень высокая температура; ощущение, как будто мои руки погрузили в лаву. Пластик обжигал кожу ужасно. Я извивалась, пытаясь облегчить боль, и при этом заметила, что наручники слегка поддаются. Они становились мягче. Отлично. Уже кое-что. Просто нужно потерпеть еще немного. Кристиан все же слегка укусил меня, видимо для правдоподобия, но это продолжалось всего секунд пять, и я получила совсем немного эндорфинов, определенно недостаточно, чтобы заглушить ужасную, все нарастающую боль в руках. Я захныкала, и это, видимо, придало всей сцене больше правдоподобия.

— Просто глазам своим не верю, — пробормотал один из охранников. — Он и впрямь делает это.

Я слышала, как Мия плачет. Жгучая боль нарастала. Никогда в жизни не испытывала я таких мучений, но большая часть уже осталась позади, и вытерпеть остальное было легче, поскольку то, что раньше представлялось лишь возможностью, становилось реальностью.

— Эй! — внезапно воскликнул охранник. — Чем это пахнет?

Пахло расплавляемым пластиком. Или, может, расплавляемой плотью. По правде говоря, это не имело значения, поскольку, когда я в следующий раз пошевелила запястьями, они вырвались из липких, обжигающе горячих наручников. У меня было десять секунд, чтобы застать охранников

врасплох, и я использовала их. Вскочила с кресла, оттолкнув Кристиана. По обеим сторонам от него стояли охранники, один все еще с кусачками. Молниеносным движением я выхватила их у него и вонзила ему в щеку. Он издал булькающий вскрик, но я не стала дожидаться, чтобы полюбоваться делом своих рук. Преимущество эффекта неожиданности заканчивалось, и я не могла впустую тратить время. Выдернув кусачки, я принялась молотить второго парня.

Удары ногой, как правило, у меня получались сильнее, чем кулаками. Тем не менее я и кулаками сумела в достаточной мере забить его, заставив пошатнуться. К этому моменту лидер охранников уже пришел в себя. Как я и опасалась, при нем был пистолет, и он достал его.

— Не двигаться! — закричал он, целясь в меня.

Я замерла. Охранник сделал шаг вперед и схватил меня за руку. Парень, в которого я вонзила кусачки, стонал, лежа на полу. Продолжая целиться в меня, лидер начал говорить что-то, но потом внезапно вскрикнул. Пистолет вспыхнул бледно-оранжевым и выпал из его рук. В местах соприкосновения с ним кожа воспалилась и покраснела. Кристиан разогрел металл, поняла я. Да! Нам с самого начала нужно было использовать этот магический прием. Если мы выкарабкаемся, я стану сторонницей Таши. Мысль о том, что морои не должны использовать магию, настолько въелась в сознание, что нам даже в голову не пришло прибегнуть к ней раньше.

Я повернулась к парню, который держал меня за руку. Не думаю, что он ожидал от миниатюрной девушки такого умения драться плюс все еще пребывал в шоке от случившегося. Места было достаточно, и я врезала ему ногой в живот — удар, на который на боевых занятиях наверняка получила бы высшую оценку. Он хрюкнул и отлетел к стене. Миг — и я набросилась на него. Схватила за волосы и стукнула головой о пол с силой, достаточной, чтобы вывести из игры, но не убить. И тут же вскочила, удивляясь тому, что их лидер до сих пор не бросился на меня. Шок от ожога пистолетом уже должен был пройти. Однако, развернувшись, я обнаружила, что все тихо. Лидер лежал без сознания на полу, а над ним склонился только что освободившийся Мейсон. Рядом стоял Кристиан, с кусачками в одной руке и пистолетом в другой. Пистолет все еще испускал жар, но, видимо, Кристиан был невосприимчив к нему. Он целился в охранника, проткнутого кусачками. Тот оставался в сознании, просто истекал кровью, но замер под дулом пистолета.

— Черт! — пробормотала я, одним взглядом охватив всю сцену.

Подошла к Кристиану и протянула к нему руку.

— Дай сюда, пока ты кого-нибудь не ранил.

Я ожидала услышать едкий ответ, но он просто отдал мне пистолет дрожащими руками. Я засунула его за пояс. Вглядевшись в лицо Кристиана, я заметила, какой он бледный, — как будто в любой момент мог потерять сознание. Для того, кто голодал два дня, он потратил слишком много сил на свою магию.

— Мейс, найди наручники, — скомандовала я.

Не поворачиваясь к нам спиной, он попятился к ящику, где охранники держали запас наручников. Вытащил три полоски пластика и что-то еще. Вопросительно глядя на меня, продемонстрировал моток клейкой ленты.

— Отлично, — сказала я.

Мы привязали охранников к креслам. Один был в сознании, но мы «утихомирили» и его, после чего залепили им рты клейкой лентой. В конце концов они очнутся, и нам ни к чему, чтобы они подняли шум.

Освободив Мию и Эдди, мы обсудили следующий ход. Кристиан и Эдди едва стояли, но, по крайней мере, Кристиан осознавал происходящее. Лицо Мии было залито слезами, однако я решила, что воспринимать приказы она в состоянии. Таким образом, реально действующей силой оказались мы с Мейсоном.

— Судя по часам вон того парня, сейчас утро, — заявил Мейсон. — Нам нужно лишь выбраться наружу. И все, мы окажемся за пределами их досягаемости. Если, конечно, здесь нет других людей.

— Они говорили, Исайи сейчас здесь нет, — еле слышно пролепетала Мия. — Мы сумеем выбраться, верно?

— Эти люди пробыли с нами не один час, — сказала я. — Может, они ошибаются насчет Исайи. Нам нельзя допустить ни одного неосторожного шага.

Мейсон медленно открыл дверь и выглянул в пустой коридор.

— Думаешь, отсюда есть выход наружу?

— Это было бы большой удачей, — пробормотала я и повернулась к остальным. — Оставайтесь здесь. Мы проверим подвал.

— А если кто-нибудь придет?! — воскликнула Мия.

— Никто не придет, — заверила я ее.

Я и впрямь была уверена, что в подвале никого нет, иначе они уже давно прибежали бы, услышав шум. Если же кто-то будет спускаться по лестнице, мы услышим его первыми.

Тем не менее мы с Мейсоном были очень осторожны, обходя подвал, выглядывая из-за всех углов и прикрывая друг другу спину. Настоящий крысиный лабиринт, как мне и запомнилось, когда нас вели сюда.

Длинные коридоры и множество комнат. Мы открывали двери одну за другой. Везде пусто, не считая кресел. Я содрогнулась, подумав, что наверняка в этих помещениях тоже держали пленников.

— Ни одного окна в этом проклятом месте, — пробормотала я, когда мы закончили обход. — Придется подниматься по лестнице.

Мы двинулись к нашей комнате, но прежде чем добрались до нее, Мейсон схватил меня за руку.

— Роза...

Я остановилась и посмотрела на него.

— Да?

Его голубые глаза — серьезные, как никогда, — были полны раскаяния.

— Это я все испортил.

Мне припомнились события, приведшие к такому печальному исходу.

— Нет, Мейсон, это мы все испортили.

Он вздохнул.

— Надеюсь... Надеюсь, когда все закончится, мы сможем сесть поговорить и во всем разобраться. Не следовало мне так злиться на тебя.

Я хотела сказать ему, что, когда он исчез, я как раз шла к нему объявить — между нами ничего быть не может. Однако сейчас ни время, ни место не подходили для заявления о разрыве, поэтому я сжала его руку и солгала:

— Я тоже надеюсь.

Он улыбнулся, и мы вернулись к остальным.

Быстро обсудили план и начали красться вверх по ступеням. Я шла впереди, за мной Мия, поддерживающая спотыкающегося Кристиана. Замыкал шествие Мейсон, который практически тащил Эдди.

— Я должен идти первым, — пробормотал Мейсон, когда мы добрались до верха лестницы.

— Нет! — огрызнулась я и положила руку на дверную ручку.

— Да, но если что-то случится...

— Мейсон...

Я устремила на него твердый взгляд, и внезапно в моем сознании вспыхнул образ матери в тот день, когда напали на Дроздовых, — хладнокровной, полностью держащей себя в руках даже после всех ужасных событий. Тогда требовался лидер — в точности как сейчас. И я постараюсь быть им настолько, насколько в моих силах, постараюсь быть такой, как она.

— Если что-то случится, — продолжала я, — ты должен вывести их

отсюда. Бегите быстро, бегите далеко. И не возвращайтесь без целой орды стражей.

— Но ты станешь первой, на кого могут напасть! И что, по-твоему, я должен делать? — прошипел он. — Бросить тебя?

— Да. Ты должен забыть обо мне, если есть возможность вывести их отсюда.

— Роза, я не буду...

— Мейсон! — Я снова представила себе мать, призывающую всю свою мощь и силу ради того, чтобы вести за собой остальных. — Ты можешь сделать это или нет?

Несколько долгих, тягостных мгновений мы в упор смотрели друг на Друга; остальные ждали затаив дыхание.

— Могу, — сухо ответил он.

Я кивнула и отвернулась от него. Дверь скрипнула, и я состроила гримасу. Едва дыша, я абсолютно неподвижно замерла наверху лестницы, оглядываясь и прислушиваясь. Дом и его оригинальное убранство выглядели точно так же, как когда нас привели сюда. Темные шторы прикрывали все окна, но по краям пробивался яркий и солнечный свет, и никогда он не ощущался таким замечательным, как в этот момент. Выйти на него означало свободу.

Ни звуков, ни движения. Оглянувшись, я попыталась вспомнить, где передняя дверь. Она была, по сути, недалеко, но в данный момент казалось, нас разделяет пропасть.

— Пошли на разведку, — прошептала я Мейсону, надеясь, что так он легче перенесет то, что я не пустила его вперед.

Он дал Мие поддержать Эдди, и мы с Мейсоном быстро обежали жилое пространство. Никого. Путь от лестницы до передней двери свободен. Я выпустила вздох облегчения. Мейсон снова подхватил Эдди, и мы двинулись, в напряжении, все на нервах. Господи, мы, похоже, выберемся, осознала я. Действительно выберемся. Просто не верилось, какая удача нам привалила. Мы были так близки к гибели — а теперь еще чуть-чуть, и все останется позади. Мы переживали один из тех моментов, которые заставляют ценить жизнь и заставляют менять ее к лучшему. Когда клянешься себе, что не упустишь предоставленного судьбой второго шанса сделать это...

Я услышала их почти одновременно с тем, как увидела прямо перед собой. Как будто магическое заклинание вызвало Исайю и Елену из воздуха. Вот только магия тут ни при чем, осознала я. Просто стригои движутся необыкновенно быстро. Они, наверное, находились в какой-то из

комнат первого этажа, которые мы сочли пустыми и не стали осматривать, чтобы не терять времени даром. Внутренне я обругала себя за то, что не проверила каждый дюйм этого этажа. Где-то в глубине сознания прозвучали насмешливые слова, которые я бросила матери в классе Стэна: «У меня возникло чувство, будто вы напортачили. Почему было не обыскать тщательно все помещение и не удостовериться, что там нет стригоев? По-моему, вы избавили бы себя от многих неприятностей».

Карма — настоящая сука.

— Детки, детки, — почти пропел Исая. — Мы так не договаривались. Вы нарушаете правила игры.

Жестокая улыбка заиграла на его губах. Он забавлялся, ни в малейшей степени не воспринимая нас как угрозу. И если честно, был прав.

— Быстро и далеко, Мейсон, — произнесла я еле слышно, не отрывая взгляда от стригоев.

— Ну надо же... Если бы взгляды могли убивать... — Тут в голову Исая пришла одна мысль, и он дугой выгнул бровь. — Ты что, воображаешь, будто одна справишься с нами обоими?

Он захихикал. Елена захихикала тоже. Я стиснула зубы.

Нет, я не рассчитывала справиться с ними обоими. Фактически я была чертовски уверена, что меня ждет смерть. Но я была уверена, что сначала сумею отвлечь на себя их внимание. Я метнулась к Исая, но пистолет нацелила на Елену. На стража можно вот так неожиданно наброситься — но не на стригоя. Они осознали мое намерение фактически до того, как я начала двигаться. Правда, пистолет в моих руках стал для них неожиданностью. И хотя Исая блокировал мое нападение почти без усилий, я сумела выстрелить в Елену до того, как он схватил меня за руку и остановил. От грохота выстрела у меня на мгновение заложило уши, а Елена вскрикнула от боли и удивления. Я целилась ей в живот, но из-за толчка попала в бедро. Особого значения это, впрочем, не имело. Никаким выстрелом ее не убьешь, просто рана в животе гораздо болезненнее.

Исая с такой силой сжимал мне запястье, что я подумала — он ломает мне кости. Пистолет выпал из руки, ударился о пол, подскочил и заскользил к двери. Елена в ярости вопила и пыталась оцарапать меня. Исая велел ей взять себя в руки и оттолкнул меня, чтобы она не смогла дотянуться. Все это время я молотила руками и ногами не столько в надежде вырваться, сколько с целью учинить им максимальные неприятности.

И потом: сладчайший из звуков. Передняя дверь открылась.

Мейсон воспользовался преимуществом того, что они заняты мной.

Оставив Эдди с Мией, он обежал вокруг меня и, обхватив Исайю, потащил его к открытой двери. Тот развернулся с быстротой молнии и вскрикнул, когда в лицо ему хлынул солнечный свет. Он, конечно, испытывал страдания, но рефлексy отнюдь не утратил. Не выпуская меня и прихватив Елену, он вместе с нами рывком переместился с пятна света в глубь гостиной, причем Елену он тащил за руку, а меня за шею.

— Уводи их отсюда! — закричала я.

— Исайя... — начала Елена, вырываясь из его хватки.

Он толкнул меня на пол и развернулся, глядя вслед убегающим жертвам. Сейчас, когда он больше не стискивал мне шею, я хватала ртом воздух и неотрывно смотрела на дверь сквозь завесу волос. И успела увидеть, как Мейсон перетащил Эдди через порог, на солнечный свет, где они оказались в безопасности. Мия и Кристиан убежали раньше. Я едва не разрыдалась от облегчения.

Исайя в ярости повернулся ко мне — глаза черные, ужасные, — нависая надо мной с высоты своего огромного роста. Его лицо всегда выглядело жутко, но сейчас... Сказать «отвратительно, злобно, чудовищно» значило ничего не сказать. Он схватил меня за волосы и вздернул вверх. Я закричала от боли, а он наклонил голову, так что наши лица оказались практически прижаты друг к другу.

— Ты жаждала укусов, девчонка? Хотела стать «кровавой шлюхой»? Ну, это мы можем устроить, во всех смыслах этих слов. И тебе не будет приятно. И это не оцепенение. Это больно — принуждение работает в обе стороны, знаешь ли, и я могу заставить тебя поверить, что ты испытываешь самую жуткую боль в жизни. И я могу сделать так, что умирать ты будешь долго, очень долго. Ты будешь кричать. Ты будешь плакать. Ты будешь умолять меня прекратить мучения и позволить тебе умереть...

— Исайя, — в гневе воскликнула Елена, — просто убей ее наконец! Если бы ты сделал это раньше, как я говорила, ничего не произошло бы.

Не отпуская меня, он сверкнул глазами в ее сторону.

— Не смей прерывать меня!

— Ты слишком любишь эффекты. — Клянусь, она по-настоящему подвывала. Никогда не думала, что стригои на такое способны, это выглядело почти комически. — И слишком расточителен.

— Не смей дерзить мне!

— Я голодна. Я всего лишь говорю, что нужно...

— Отпусти ее или я убью тебя.

Мы все повернулись на этот новый голос, мрачный и полный ярости. В дверном проеме стоял обрaмленный светом Мейсон с моим пистолетом в

руке. Несколько мгновений Исая молча разглядывал его, а потом сказал почти скучающим тоном:

— Ну давай попробуй.

Мейсон не колебался. Он всадил в грудь Исая всю обойму. С каждой пулей стригой слегка вздрагивал, однако продолжал стоять и не отпускал меня. Вот что такое быть старым, могущественным стригоем, поняла я. Пуля в бедре причиняет боль молодой вампирке. Но Исая? Получить подряд несколько пуль в грудь для него просто досадная неприятность.

Мейсон тоже осознал это, его лицо окаменело, когда он отбросил пистолет.

— Уходи! — закричала я.

Он все еще стоял на солнце и, значит, в безопасности.

Но он не послушался меня, бросился к нам, покинув спасительный свет. Я удвоила силы, стараясь отвлечь от него внимание Исая. Увы. Исая оттолкнул меня к Елене, когда Мейсон был еще на полпути к нам, молниеносным движением блокировал его и схватил, как прежде меня.

Только в отличие от меня он не стал вздергивать его за волосы и раздражаться долгой, угрожающей тирадой об ожидающей его мучительной смерти. Исая просто остановил Мейсона, сжал его голову обеими руками и резко повернул ее. Послышался тошнотворный хруст. Глаза Мейсона широко распахнулись... и стали пустыми.

Со вздохом раздражения Исая швырнул обмякшее тело Мейсона туда, где, вцепившись в меня, стояла Елена. Она упала рядом с нами. Перед глазами все поплыло от головокружения и тошноты.

— Вот, — сказал Исая Елене, — может, теперь ты уймешься. И оставь мне немного.

ДВАДЦАТЬ ДВА

Меня охватили ужас и шок, даже мелькнула мысль — теперь душа моя сохнет, а мир прямо здесь и сейчас подойдет к концу. Потому что после такого он не мог существовать дальше. Ничто и никто не может продолжать существовать дальше после такого. Мне хотелось затопить криком боли всю вселенную. Мне хотелось плакать, пока я не растаю. Мне хотелось упасть рядом с Мейсоном и умереть вместе с ним.

Елена отпустила меня, по-видимому решив, что я не представляю собой опасности, находясь между ней и Исайей, и повернулась к телу Мейсона.

Все чувства во мне замерли, я просто действовала не раздумывая.

— Нет. Не прикасайся к нему.

Я не узнавала собственного голоса. Елена закатила глаза.

— Вот еще наказание! Я начинаю понимать Исайю — тебя действительно нужно заставить страдать, а потом убить.

Отвернувшись от меня, она опустилась на пол и перевернула Мейсона на спину.

— Не прикасайся к нему! — завопила я.

И толкнула ее, практически без толку. В ответ она тоже толкнула меня, чуть не сбив на пол. Мне с трудом удалось удержаться на ногах. Исайя с интересом наблюдал за нами, явно забавляясь. Потом он перевел взгляд на пол: четки Лиссы выпали из кармана моей куртки. Он подобрал их. Стригои могут прикасаться к освященным предметам: рассказы, будто они боятся креста, — чушь.

На освященную землю, правда, они ступать не могут. Он перевернул крест и провел пальцем по выгравированному дракону.

— А, вещичка Драгомиров, — задумчиво произнес он. — Я и забыл о них. Ничего удивительного. Она что, одна осталась? Или их двое? Тут и помнить-то не о чем. — Взгляд его ужасных красных глаз сфокусировался на мне. — Ты знаешь кого-нибудь из них? Нужно заняться ими в ближайшие дни. Не слишком трудно...

Внезапно я услышала взрыв. Вода вырвалась из аквариума, разнеся стекло вдребезги. Осколки полетели и в мою сторону, но я не обращала на них внимания. В воздухе вода объединилась и кривобокий шар. И он поплыл. К Исайе. У меня просто челюсть отвисла при виде этого. Он тоже смотрел на шар, больше с изумлением, чем со страхом. По крайней мере,

до тех пор, пока вода не окутала его голову и не стала душить. Его невозможно не только застрелить, но и задушить. Однако он явно чувствовал себя чертовски дискомфортно.

Его руки взметнулись к лицу в отчаянной попытке содрать с себя воду. Без толку. Пальцы просто проходили сквозь нее. Елена забыла о Мейсоне и вскочила.

— Что это? — взвизгнула она и начала трясти Исайю в бесполезной попытке освободить его. — Что происходит?

И снова я не раздумывала, я действовала. Рука сжала большой осколок стекла разбитого аквариума. Зазубренный и острый, он порезал мне руку.

Метнувшись вперед, я вонзила осколок в грудь Исайи, целясь в сердце, расположение которого так долго училась находить во время учебных занятий. Исайя испустил придушенный водой крик и рухнул на пол. Его глаза закатились — он потерял сознание от боли. Елена смотрела на меня — столь же шокированная, как я, когда Исайя убил Мейсона. Исайя, конечно, не был мертв, просто временно сброшен со счетов. Судя по выражению лица Елены, она не предполагала, что такое возможно.

Самым разумным в этот момент казалось броситься к двери и выбежать на безопасный солнечный свет. Вместо этого я рванула в противоположном направлении, к камину. Схватила один из висящих над ним антикварных мечей и повернулась к Елене. Бежать далеко не было нужды, поскольку она уже пришла в себя и устремилась ко мне.

Она зарычала от ярости и попыталась схватить меня. Я никогда не училась работе с мечом — зато меня учили сражаться с любым оружием, которое окажется под рукой. Действуя неуклюже, но эффективно, я использовала меч, чтобы не подпускать к себе Елену.

Она обнажила белые клыки.

— Я заставлю тебя...

— Страдать, заплатить за все и пожалеть, что я вообще на свет родилась?

На память пришел бой с мамой, когда я все время занимала оборонительную позицию. Сейчас так действовать нельзя, нужно атаковать. Сделав выпад, я попыталась нанести удар Елене. Неудачно. Она предвосхищала каждое мое движение. Внезапно за ее спиной застонал Исайя — он начал приходить в себя. Она оглянулась, всего на долю мгновения, но этого хватило, чтобы нанести ей удар мечом по груди. Я разрезала ткань рубашки и поцарапала кожу, не больше. Тем не менее она вздрогнула и посмотрела на свою грудь, явно в панике. Думаю, воспоминание об осколке стекла в сердце Исайи все еще свербило в ее

сознании. Именно это мне и требовалось.

Я слегка отступила и нанесла удар, вложив в него всю свою силу. Лезвие меча пронзило ее шею сбоку, сильно и глубоко. Она издала ужасающий, тошнотворный вопль, от которого у меня по коже побежали мурашки, и сделала шаг в мою сторону. Я вытащила меч и нанесла новый удар. Она вцепилась руками в горло, колени у нее подогнулись. Я колола и рубила, с каждым разом меч все глубже погружался в шею. Отрезать голову оказалось труднее, чем я думала. К тому же меч наверняка был не просто старый, но и тупой.

Однако в конце концов у меня хватило здравого смысла понять, что она больше не движется. Голова лежала отдельно от тела, мертвые глаза смотрели на меня, как будто она не могла поверить в случившееся. По правде говоря, я и сама не могла. Кто-то вскрикнул, и, как это ни абсурдно, я подумала, что Елена. Потом я повела взглядом по комнате. В дверном проеме стояла Мия с выпученными глазами и совсем позеленевшая, как будто ее вот-вот вырвет. Где-то в глубине сознания сверкнула мысль, что она взорвала аквариум. Выходит, магия воды не совсем уж бесполезна.

Исайя, все еще вздрагивая, пытался подняться на ноги, но я оказалась рядом прежде, чем он сумел полностью распрямиться. Снова запел меч, каждый удар порождал боль и кровь. Сейчас я чувствовала себя опытным профи. Исайя упал на пол.

Перед моим внутренним взором стояло зрелище, как он ломает Мейсону шею, и я рубила, рубила — со всей силой, на какую была способна. Точно эти яростные удары могли изгладить из памяти ужасное воспоминание.

— Роза! Роза!

Сквозь пропитанный ненавистью туман я почти не обратила внимания на призыв Мии.

— Роза, он мертв!

Медленно, дрожа, я остановили руку и перевела взгляд на его тело — и на голову, лежащую отдельно. Мия была права. Он мертв. Совсем, совсем мертв.

Я оглянулась по сторонам. Кровь везде, но ужас гнусного зрелища сознание на самом деле не замечало. Мой мир сузился до выполнения двух простых задач. Убить стригоев. Защитить Мейсона. Все остальное находилось за пределами восприятия.

— Роза... — Мия дрожала, в ее голосе звучал страх, и боялась она меня, не стригоев. — Роза, нужно уходить. Пошли.

Я перевела взгляд на останки Исая, несколько мгновений смотрела на

него, а потом, все еще с мечом в руке, медленно сползла к телу Мейсона.

— Нет, — прохрипела я. — Не могу оставить его. Вдруг придут другие стригои. — Глаза горели, точно я отчаянно хотела расплакаться. А может, и не поэтому, не знаю. Жажда крови все еще бурлила во мне, жестокость и ярость — единственные эмоции, на которые я была способна.

— Роза, мы потом вернемся за ним. Другие стригои и впрямь могут прийти. Значит, нужно уходить.

— Нет, — повторила я, не глядя на нее. — Я не брошу его одного.

Свободной рукой я погладила Мейсона по волосам.

— Роза...

Я вскинула голову.

— Уходи! — закричала я. — Уходи и оставь нас в покое.

Она сделала несколько шагов вперед, и я вскинула меч. Она замерла.

— Уходи, — повторила я. — Найди остальных.

Мия медленно попятилась к двери, бросила на меня последний, отчаянный взгляд и выбежала наружу.

Наступила тишина. Я перестала изо всех сил стискивать рукоять меча, но не выпустила его из руки. Навалилась на тело Мейсона, положила голову ему на грудь, безразличная ко всему: к миру вокруг, к самому бегу времени. Может, прошли секунды, может, часы. Я не осознавала этого. Не осознавала ничего, кроме того, что не могу бросить Мейсона. Я пребывала в измененном состоянии — только оно позволяло мне хотя бы отчасти отгородиться от ощущения ужаса и горя. Мне не верилось, что Мейсон мертв. Мне не верилось также, что я сама породила смерть. Пока я отказывалась признавать и то и другое, мне удавалось обмануть себя, что ничего не произошло.

В конце концов послышались шаги и голоса. Я подняла голову. В дверь потоком вливались люди, много людей. Я не узнавала никого из них, но мне и не требовалось. Они представляли собой угрозу, от которой я должна была защитить Мейсона. Двое направились ко мне, и я вскочила, вскинув меч и защищая лежащее у моих ног тело.

— Не подходите! — предостерегающе сказала я. — Держитесь подальше от него.

Они продолжали приближаться.

— Назад! — закричала я.

Один остановился, другой нет.

— Роза, — мягко произнес голос, — положи меч.

Руки задрожали. Я сглотнула.

— Оставьте нас.

— Роза!

Снова тот же голос, голос, который я знала когда-то. В конце концов почти против воли я начала осознавать, что происходит вокруг. Взгляд сфокусировался на лице стоящего передо мной человека. Карие глаза Дмитрия, его взгляд, мягкий и одновременно решительный, был прикован ко мне.

— Все в порядке, — произнес он. — Теперь все будет в порядке. Можешь положить меч.

Руки задрожали еще больше, с такой силой я вцепилась в рукоятку.

— Не могу. — Говорить было больно. — Не могу оставить его одного. Я должна защитить его.

— Ты его защитила, — сказал Дмитрий.

Меч выпал из руки, с громким клацаньем ударившись о деревянный пол. Вслед за ним я опустилась на четвереньки, страстно желая заплакать, но слезы не приходили. Дмитрий обнял меня и помог встать. Вокруг нас звенели голоса, и одного за другим я узнавала людей, которым доверяла. Дмитрий потянул меня к двери, но я была не готова уйти. Вцепилась в его рубашку, комкая ткань. Одной рукой обнимая меня, другой он погладил мои волосы и отвел их от лица. Я прислонила к нему голову, а он все гладил и гладил меня по волосам, бормоча что-то по-русски. Я не понимала ни слова, но мягкий тон действовал успокаивающе.

Стражи разбежались по всему дому, осматривая каждый его дюйм. Двое подошли к нам и опустились на колени рядом с телами, на которые я не желала смотреть.

— Это она сделала? Обоих?

— Меч сто лет не затачивали!

Станный булькающий звук вырвался из моего горла. Дмитрий успокаивающе сжал мне плечо.

— Уведи ее отсюда, Беликов, — произнес за его спиной женский голос, хорошо знакомый голос.

Дмитрий снова сжал мне плечо.

— Пошли, Роза. Пора.

На этот раз я подчинилась. Он вывел меня из дома; каждый шаг давался с болью и трудом, но Дмитрий поддерживал меня. Разум все еще отказывался признавать реальность происшедшего. Все, что я могла, — просто бездумно следовать указаниям.

В конце концов я оказалась в одном из самолетов Академии. Двигатели взревели, когда самолет взлетал. Дмитрий пробормотал, что сейчас вернется, и оставил меня одну. Я смотрела прямо перед собой, как

будто изучая детали переднего сиденья. Кто-то сел рядом и накинул мне на плечи одеяло. Только тут я осознала, как сильно дрожу, и плотнее закуталась в одеяло.

— Я з-з-замерзла... Почему я так замерзла?

— Ты в шоке, — ответила Мия.

Я повернулась и посмотрела на нее. Светлые кудри, большие голубые глаза... Что-то в ее облике пробудило во мне воспоминания. Внезапно все разом навалилось на меня. Я плотно зажмурилась.

— О господи... — Я открыла глаза и снова посмотрела на Мию. — Ты спасла меня... спасла, когда взорвала аквариум. Это наверняка твоих рук дело. Тебе не следовало возвращаться.

— А тебе не следовало бросаться за мечом.

Справедливо.

— Спасибо, — сказала я. — То, что ты сделала. Никогда не думала, что такое возможно. Блестящий ход.

— Я и сама не знала, что такое возможно, — задумчиво, с печальной улыбкой сказала она. — Вода не годится как оружие, помнишь?

Я подавилась смехом, хотя сейчас те мои слова вовсе не казались смешными. Больше нет.

— Вода — замечательное оружие, — заявила я. — Когда мы вернемся, тебе обязательно нужно научиться использовать ее.

Ее лицо просияло, в глазах пылала страсть.

— Мне ужасно хочется этого. Больше всего на свете.

— Мне очень жаль... Ну, из-за того, что случилось с твоей мамой.

— Тебе повезло, твоя еще жива, — прошептала Мия. — Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

Я отвернулась и снова уставилась на переднее сиденье. И сама испугалась, услышав, что говорю:

— Хотелось бы увидеть ее.

— Она здесь, — с оттенком удивления сказала Мия. — Она прибыла с посланной сюда группой. Ты не заметила ее?

Я покачала головой. Мы помолчали. Потом Мия встала и ушла. Спустя минуту кто-то опустился на соседнее сиденье. Мне не требовалось смотреть, чтобы понять, кто это. Я просто знала.

— Роза! — позвала мать.

Это был первый раз, когда я услышала неуверенность в ее голосе. И возможно, страх.

— Мия сказала, ты хочешь видеть меня. — Я не отвечала и не смотрела на нее. — Что... Что тебе нужно?

Я не знала, что мне нужно. Не знала. Жжение в глазах стало нестерпимым, и, не успев осознать этого, я расплакалась. Мучительные рыдания сотрясали все тело. Долго сдерживаемые слезы хлынули наружу. Страх и печаль, которые я загоняла в глубину, вырвались на волю с такой силой, что я едва могла дышать.

Мать обняла меня, и, спрятав лицо на ее груди, я разрыдалась еще сильнее.

— Я понимаю, — мягко говорила она, крепко обнимая меня. — Я понимаю.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

В день церемонии молний заметно потеплело. Фактически стало так тепло, что большая часть снега у кампуса растаяла и вокруг каменных зданий Академии побежали узенькие серебристые ручьи. До конца зимы еще далеко, и я понимала, в ближайшие дни все снова замерзнет. Сейчас, однако, ощущение было такое, будто весь мир плачет. Для меня инцидент в Спокане обернулся незначительными синяками и порезами. Хуже обстояло дело с ожогами, возникшими при расплавлении гибких наручников. Однако труднее всего справиться со смертью, причиной которой я стала, и смертью, которую видела. Больше всего мне хотелось съездить где-нибудь в укромном месте и не разговаривать ни с кем, кроме, может быть, Лиссы. Однако на четвертый день после возвращения в Академию меня нашла мать и сказала, что настало время нанесения знаков.

Я даже не сразу поняла, о чем она толкует. Но потом до меня дошло: обезглавив двух стригоев, я заработала две татуировки в виде молнии. Мои первые. Я была ошеломлена. Всю жизнь, думая о себе в будущем исключительно как о страже, я предвкушала получение этих знаков. Воспринимала их как символы почета. Но теперь? Теперь они, главным образом, станут напоминанием о том, что я хотела забыть.

Церемония происходила в здании стражей, в большом зале, используемом для собраний и банкетов. Ничего общего с огромным обеденным залом на лыжной базе — все сугубо функционально, практично; в общем, отвечало духу стражей. Голубовато-серый ковер, без ворса, тканый. Белые стены с черно-белыми фотографиями Академии Святого Владимира в разные периоды ее существования. Никаких других украшений или фанфар, и тем не менее торжественность, даже мощь момента ощущалась. Присутствовали все стражи кампуса — кроме новичков. Они ходили по залу, собираясь группками, но почти не разговаривая. Когда церемония началась, они безо всяких указаний выстроились рядами, не спуская с меня взглядов.

Я сидела на стуле в углу зала, наклонившись вперед и, соответственно, свесив на лицо волосы. За моей спиной страж по имени Лионель поднес татуировочную иглу к шее. Я знала его все время, что была в Академии, но никогда не предполагала, что именно он наносит знаки молнии.

Прежде чем начать, он негромко переговорил с моей матерью и Альбертой.

— У нее нет знака обещания, — сказал он. — Она ведь еще не закончила школу.

— Такое бывает, — ответила Альберта. — Она убила двоих. Делай молнии, а знак обещания она получит позже.

Я, в общем-то, регулярно загоняю себя в ситуации, когда испытываю боль, и никак не ожидала, что нанесение татуировок — такое мучительное дело. Но прикусила губы и не издала ни звука, пока Лионель делал свое дело. Процесс, казалось, длился целую вечность. Покончив с ним, Лионель протянул мне два зеркала, и не без труда я ухитрилась увидеть свою шею сзади. Там, на покрасневшей и чувствительной коже, появились теперь два крошечных черных знака, бок о бок. Слово «молния» мы произносим по-русски, но знаем, что оно означает: именно это и символизировала зазубренная форма знаков. Два знака: один за Исайю, второй за Елену.

После того как я рассмотрела их, Лионель наложил мне на шею повязку и проинструктировал, как ухаживать за ними, пока они не заживут. Большую часть советов я пропустила мимо ушей, но решила, что смогу переспросить позже. Я все еще была в некотором роде в шоке от происшедшего. Потом все собравшиеся в зале стражи подходили ко мне по одному и выражали свое расположение — объятием, поцелуем в щеку или добрыми словами.

— Приветствуем тебя в наших рядах, — произнесла Альберта и крепко обняла меня.

Ее загрубелое лицо приобрело необычно мягкое выражение. Когда подошла очередь Дмитрия, он не сказал ни слова, но, как обычно, его глаза выражали все — и гордость, и нежность; я с трудом сдержала слезы. Он мягко коснулся моей щеки, кивнул и отошел. Когда Стэн — инструктор, с которым я имела стычки с самого первого моего дня в Академии, — обнял меня и сказал: «Теперь ты одна из нас. Я всегда знал, что ты будешь среди лучших», — я чуть не потеряла сознание.

А потом, когда ко мне подошла мать, я, как ни старалась, не смогла сдержать слез. Она вытерла их и мягко провела пальцами по моей шее.

— Никогда не забывай, — сказала она.

Никто не поздравлял меня, и я была рада.

Смерть — не то, из-за чего можно приходить в исторг.

Когда все закончилось, настала очередь угощения. Я подошла к сервировочному столу и положила себе на тарелку миниатюрные тарталетки с фетой и кусок мангового пудинга. Съела все, практически не чувствуя вкуса пищи, и отвечала на вопросы, наполовину не осознавая, что говорю. Я была «робот Роза», выполняющий то, что от него ждут. Кожа на

шее горела от татуировок, а внутренним взором я все время видела голубые глаза Мейсона и красные Исайи.

Меня не покидало чувство вины за то, что я не в состоянии по-настоящему радоваться в свой Большой День, но испытала облегчение, когда наконец люди начали расходиться. Уходя, они говорили слова прощания, и тут ко мне подошла мать. Если не считать сказанного на сегодняшней церемонии, мы мало с ней разговаривали с того момента, как я разрыдалась в самолете. Я все еще испытывала по этому поводу какое-то странное чувство... и отчасти смущение. Она никогда не упоминала о том случае, и все же природа наших взаимоотношений совсем чуть-чуть, но изменилась. Мы не стали близкими друзьями... но и врагами больше не были.

— Лорд Селски скоро уезжает, — сообщила она, когда мы стояли у входа в здание неподалеку от того места, где я накричала на нее в тот первый день, когда мы разговаривали. — Значит, и я тоже.

— Понимаю.

Вопрос о том, чтобы она осталась, даже не возникал. Такова жизнь. Страж там, где его морой. Они важнее. Она устремила на меня задумчивый взгляд карих глаз. Впервые за долгое время возникло ощущение, что мы смотрим глаза в глаза, раньше мне всегда казалось, что она глядит на меня сверху вниз. Сейчас мне не хватало до ее роста всего полфута.

— Ты все сделала хорошо, — заявила она наконец. — Учитывая обстоятельства.

Это был лишь наполовину комплимент, но большего я и не заслуживала. Теперь я понимала все промахи и ошибки, приведшие к событиям в доме Исайи. В некоторых виновата я, в некоторых нет. Хотелось бы мне изменить кое-что из того, что я сделала, но мать была права: в конце концов, я сделала лучшее, что смогла.

— Убивать стригоя вовсе не доставило мне удовольствия, — вздохнула я.

Она одарила меня грустной улыбкой.

— Да. Это никогда не доставляет удовольствия.

Я подумала о множестве знаков на ее шее, обо всех этих убийствах. И содрогнулась.

— Эй, послушай! — Желая сменить тему разговора, я достала из кармана маленький брелок в виде голубого глаза. — Эта вещь, которую ты подарила мне. Н-назар?

Почему-то я запнулась на этом слове. Она выглядела удивленной.

— Да. Как ты узнала?

Я не хотела рассказывать ей про свои сны с Адрианом.

— Кое-кто объяснил мне. Он защита, верно? Задумчивое выражение промелькнуло на ее лице, и потом она кивнула.

— Да. На Ближнем Востоке существует старое суеверие... Считается, тот, кто хочет причинить тебе вред, может проклясть тебя или воздействовать «дурным глазом». Назар предназначен для того, чтобы нейтрализовать «дурной глаз»... и тем самым защищает того, кто его носит.

Я провела пальцами по стеклянному предмету.

— Ближний Восток... м-м-м... Турция?

Губы матери изогнулись в улыбке.

— Да, именно Турция. — Она на мгновение заколебалась. — Это... подарок... который я получила много лет назад... — Ее взгляд ушел вглубь, затерялся в воспоминаниях. — Когда я была в твоих годах, многие мужчины уделяли мне... внимание. Внимание, казавшееся лестным вначале. Временами бывает трудно определить разницу между настоящей привязанностью и желанием просто использовать тебя. Но если чувствуешь, что настоящее... Ну, когда-нибудь поймешь.

До меня дошло тогда, почему она так заботилась о моей репутации, — видимо, в свою молодость мать не раз подвергалась досужим домыслам. И я поняла, почему она отдала мне назар. Его подарил ей мой отец. Мне показалось, она не хочет продолжать разговор, и я свернула тему. Достаточно сознавать, что их отношения все-таки выходили за рамки деловых в плане заботы о генах. Мы попрощались, и я вернулась к своим занятиям. Все знали, где я была этим утром, и все хотели посмотреть на мои знаки молнии. Я не упрекала их. Поменяйся мы ролями, и я тоже надоедала бы тому, кто оказался на моем месте.

— Ну давай же, Роза, — умоляюще сказал Шейн Рейес.

Мы возвращались с утренней тренировки, и он то и дело дергал меня за «конский хвост». Я сделала в уме пометку завтра распустить волосы. Другие следовали за нами по пятам и вторили его просьбам.

— Да, давай! Покажи нам, что ты заработала! Их глаза сияли пылом и восхищением. Я была героем — их собственная одноклассница, обезглавившая главу банды стригоев, которая терроризировала нас все каникулы. Однако я встретила взглядом с тем, кто стоял позади всех: в его глазах не было ни пыла, ни восхищения. Эдди. Увидев, что я смотрю на него, он улыбнулся еле заметной, грустной улыбкой. Он понимал.

— Извините, ребята, — сказала я, обращаясь к остальным. — Повязку нельзя пока снимать. Распоряжение доктора.

Они недовольно заворчали, а потом осыпали меня вопросами о том,

как я убила стригоя. Обезглавливание — один из самых трудных и редких способов, да и расхаживать с мечом как-то не принято. Ну, я постаралась как можно лучше поведать о событиях, но придерживалась только фактов и не восхваляла убийство.

По окончании школьного дня мы с Лиссой пошли ко мне в спальный корпус. Со времени событий в Спокане у нас с ней практически не было возможности поговорить. Меня много и долго допрашивали, а потом состоялись похороны Мейсона. У Лиссы тоже свободного времени не находилось, со всеми этими покидающими кампус королевскими особами. С ней я почувствовала себя лучше. Конечно, я могла в любой момент проникнуть в ее сознание, но гораздо приятнее находиться рядом с человеком, которому ты небезразлична. У двери в мою комнату на полу лежал букет благоухающих цветов. Я со вздохом подняла их, даже не взглянув на прикрепленную карточку.

— От кого они? — спросила Лисса, пока я отпирала дверь.

— От Адриана. — Мы вошли в комнату, и я кивнула на стол, где стояли еще несколько букетов, и поставила фрезии в воду рядом с ними. — Жду не дождусь, когда он уедет. Мое терпение на исходе.

Она удивленно посмотрела на меня.

— А-а, ты не знаешь.

Благодаря нашей связи меня пронзило неприятное чувство, что я не обрадуюсь тому, что сейчас услышу.

— Чего не знаю?

— Он не уезжает. Хочет остаться здесь на какое-то время.

— Он должен уехать! — Насколько я знала, он приехал в кампус исключительно из-за похорон Мейсона, и мне до сих пор не понятно почему. Может, просто напоказ. А может, чтобы отслеживать Лиссу и меня. — Он же в колледже учится. Или, может, в университете. Точно не знаю, но чем-то он занят.

— Он пропустит семестр.

Я удивленно посмотрела на нее. Она улыбнулась при виде моего изумления.

— Он останется поработать со мной и... госпожой Кармак. Он раньше и не подозревал о существовании духа. Просто знал, что не имеет специализации, но обладает какими-то странными способностями. Он помалкивал об этом — за исключением тех случаев, когда сталкивался с другими пользователями духа. Однако они знали не больше его.

— Я должна была раньше догадаться, — задумчиво сказала я. — Что-то такое в нем... Мне всегда хотелось разговаривать едим, представляешь?

Он обладает харизмой. Как и ты. Полагаю, она как-то связана с духом, принуждением и всем прочим. И меня тянет к нему... хотя он мне и не нравится.

— Ты уверена? — поддразнила меня она.

— Уверена, — непреклонно ответила я. — И эта штука со снами мне тоже не по вкусу.

Она широко распахнула нефритовые глаза.

— Это же круто! Ты всегда знаешь, что происходит со мной, а вот я связаться с тобой никогда не могла. Мне очень жаль, что, когда вы исчезли, я еще ничего не знала про сны и не помогла найти вас.

— А вот мне нет. Я рада, что Адриан не сумел уговорить тебя отказаться от лекарств.

Об этом мне стало известно лишь спустя несколько дней после Спокана. Лисса не согласилась с предположением Адриана. Однако позже она призналась мне, что, если бы наше с Кристианом отсутствие затянулось, она, возможно, «сломалась» бы.

— Как ты себя чувствуешь в последнее время? — спросила я, вспомнив ее волнения по поводу лекарств. — Тебе по-прежнему кажется, что они больше не помогают?

— М-м-м... Ну, трудно объяснить. Я чувствую себя ближе к магии, как будто они не блокируют дух полностью. Но никаких побочных эффектов нет... вроде плохого настроения или чего-то такого.

— Это же замечательно! Прекрасная улыбка осветила ее лицо.

— Конечно. Появляется надежда, что когда-нибудь я смогу работать с магией.

Так приятно видеть ее довольной! Я улыбнулась в ответ. Меня всегда огорчало, когда к ней возвращались мрачные эмоции, и я порадовалась за подругу.

«Свет вокруг всех — кроме тебя. Ты утопаешь во тьме, и эта тьма у тебя от Лиссы».

Слова Адриана бились в моем сознании. С чувством тревоги я вспомнила, как вела себя последние недели две. Эти взрывы злости. Мятежность — необычная даже для меня. Черный клубок эмоций в душе...

Нет, решила я. Ничего похожего. Мрачные чувства Лиссы имели в качестве основы магию, мои — стресс. Кроме того, теперь я чувствовала себя прекрасно. Заметив, что она устремила на меня пристальный взгляд, я попыталась вспомнить, на чем остановился наш разговор.

— Может, в конце концов у тебя и впрямь получится. Если Адриан использует дух и не нуждается при этом в таблетках...

Она внезапно рассмеялась.

— Ты не знаешь, да?

— Что?

— Адриан лечится по-своему.

— Лечится? Но он говорил... — Я застонала. — Конечно! Сигареты. Алкоголь. И бог знает что еще.

Она кивнула.

— Да. Он никогда не бывает трезвым.

— Но, скорее всего, не ночью... вот почему он может проникать в мои сны.

— Господи, как мне хотелось бы научиться, — вздохнула Лисса.

— Может, когда-нибудь и научишься. Просто постарайся в процессе не стать алкоголичкой.

— Не стану. Но я научусь. Никто из других повелителей духа не умел, Роза... ну кроме святого Владимира. Я буду учиться, как он. Я научусь использовать дух — так, чтобы не страдать от этого.

Я улыбнулась и положила руку ей на плечо. Я верила в нее — без малейших сомнений.

— Знаю.

В разговорах мы провели большую часть вечера — до тех пор, пока не настало время моих занятий с Дмитрием. Расставшись с Лиссой, я не могла выкинуть из головы кое-что, постоянно беспокоящее меня. Хотя банда была довольно многочисленна, все стражи сходились во мнении — их лидером был Исая. Это не означало, что опасность миновала; но ясно было: его последователям потребуется время, чтобы создать новую группу.

Однако я никак не могла забыть список, который видела в туннеле в Спокане, тот самый, где перечислялись все королевские фамилии в порядке возрастания их размеров. И Исая упоминал о Драгомирах. Он знал, их почти не осталось, и говорил о них так, как если бы желал сам стереть с лица земли эту семью. Конечно, теперь он мертв... но вдруг есть и другие стригои, одержимые этой идеей?

Я покачала головой. Нечего беспокоиться — по крайней мере, сейчас. Сначала нужно оправиться от происшедшего. Но скоро, однако, совсем скоро придется разобраться с этим. Я даже не знала, будут ли продолжаться наши занятия, но тем не менее направилась в раздевалку. Переоделась, пошла в гимнастический зал и в комнате с инвентарем обнаружила Дмитрия, читающего очередной детектив. Он поднял на меня взгляд. В последние дни мы мало виделись с ним, наверное, занят с Ташей, решила я.

— Я подумал, может, ты заглянешь. Он заложил книгу закладкой.

— Сейчас же время занятий. Он покачал головой.

— Нет. Сегодня никаких занятий. Сначала тебе нужно полностью прийти в себя.

— Со здоровьем у меня все в полном порядке. Видишь? Прекрасно держусь на ногах.

Я постаралась вложить в свои слова как можно больше фирменной бравады Розы Хэзевей. Дмитрий, однако, на удочку не попался.

— Сядь, Роза.

Он сделал жест в сторону соседнего кресла.

Я на мгновение заколебалась, но потом послушалась. Он передвинул свое кресло, и мы оказались напротив друг друга. Я посмотрела в эти замечательные темные глаза, и сердце у меня затрепетало.

— Никому легко не даются первые... убийства. Даже когда речь идет о стригоях... ну, формально это все равно означает лишить жизни. С этим трудно примириться. А если учесть все испытания, выпавшие на твою долю... — Он вздохнул и взял мою руку в свою. Его пальцы были в точности такие, как мне запомнилось, — длинные, сильные, загрубевшие за годы тренировок. — Когда я увидел твое лицо... когда мы нашли тебя в этом доме... ты не представляешь, что я почувствовал.

Я сглотнула.

— Что... Что ты почувствовал?

— Опустошенность... Глубокую печаль... Ты была жива, но выглядела так... Я не думал, что ты вообще когда-нибудь поправишься. И сердце разрывалось при мысли, что это случилось с тобой в таком юном возрасте. — Он сжал мою руку. — Но ты снова станешь собой — теперь я вижу. И рад. Однако ты еще не в форме. Пока нет. Потерять кого-то, тебе небезразличного... всегда нелегко.

Я оторвала взгляд от его глаз и уставилась в пол.

— Это моя вина, — произнесла я еле слышно.

— М-м-м?

— Гибель Мейсона.

Даже не видя лица Дмитрия, я знала: его переполняет сочувствие.

— Ох, Роза! Нет. Ты приняла несколько неправильных решений... следовало сказать другим, когда ты поняла, куда он отправился... Но не стоит корить себя. Не ты же убила его.

Я подняла взгляд, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

— Можно сказать, что я. То, почему он туда отправился... моя вина. Я рассказала ему о Споконе, хотя ты просил меня не...

Из уголка глаза выкатилась слеза. Нет, определенно пора бороться с

этим. Как прежде мать, Дмитрий нежно стер слезу с моей щеки.

— Ты не должна обвинять себя, — сказал он. — Может, ты и сожалеешь о некоторых действиях и хотела бы поступить иначе, но в итоге Мейсон сам принял решение. Он мог никуда не ехать — но предпочел поступить иначе. Окончательное решение принадлежало ему, какова бы ни была твоя первоначальная роль.

Когда Мейсон вернулся за мной, он сделал это под влиянием своих чувств ко мне. То, чего Дмитрий всегда опасался: если у нас с ним возникнут какие-то взаимоотношения, это может привести к тому, что мы поставим под угрозу себя... и моря, которого будем защищать.

— Я просто хотела бы... ну не знаю... хотела сделать что-нибудь...

Загнав обратно слезы, я выдернула руку и встала — прежде чем ляпну еще какую-нибудь глупость.

— Мне нужно идти, — хрипло сказала я. — Сообщи, когда решишь снова возобновить тренировки. И спасибо за... разговор.

Я уже почти повернулась, когда услышала, как он резко бросил:

— Нет!

Я оглянулась.

— Что «нет»?

Он не отрывал от меня взгляда, и что-то теплое, удивительное, мощное прошло между нами.

— Нет, — повторил он. — Я сказал ей «нет». Таше.

— Я... — Челюсть у меня отвалилась чуть не до пола. — Но почему? Такой шанс выпадает раз в жизни. Ты мог бы иметь ребенка. И она... она... ну ты знаешь... она питала к тебе интерес...

Еле заметная улыбка мелькнула на его лице.

— Да, питала. И питает. Поэтому я и сказал ей «нет». Я не могу ответить тем же... не могу дать ей то, что она хочет. Не могу, когда... — Он шагнул ко мне. — Когда мое сердце совсем в другом месте.

Я едва не расплакалась снова.

— Но ты, казалось, ею интересовался. И продолжал твердить, как незрело, по-девчоночьи я себя веду.

— Ты и ведешь себя по-девчоночьи, — улыбнулся Дмитрий, — потому что юна. Однако ты понимаешь суть, Роза. Ты способна понять то, что не могут люди гораздо старше тебя. В тот день... — Я мгновенно сообразила, какой день он имеет в виду — когда он прижал меня к стене. — Ты была права насчет того, каких трудов мне стоит держать себя в узде. Никому никогда не удавалось заметить это... И я испугался. Ты испугала меня.

— Почему? Ты не хочешь, чтобы это стало кому-то известно?

Он пожал плечами.

— Известно это кому-то или нет, не имеет значения. Имеет значение тот факт, что существует кто-то — а именно ты, — понимающий меня так хорошо. Когда человек может читать в твоей душе, это делает тебя открытым. Уязвимым. Гораздо легче быть с тем, кто лишь чуть больше чем случайный друг.

— Вроде Таши?

— Таша Озера изумительная женщина. Красивая, смелая. Но она не...

— Она не понимает тебя.

Он кивнул.

— Я знал это, но все равно хотел... этих отношений. Знал, будет легко, и надеялся, что она поможет мне оторваться от тебя. Думал, она поможет мне забыть тебя.

А я то же самое думала о Мейсоне.

— Но ей это не удалось.

— Да. Ну и... снова та же проблема.

— Потому что мы не можем быть вместе.

— Да.

— Из-за разницы в возрасте.

— Да.

— И, еще важнее, из-за того, что нам обоим предстоит стать стражами Лиссы, и мы должны быть полностью сосредоточены на ней... а не друг на друге.

— Да.

Я задумалась ненадолго, а потом посмотрела прямо ему в глаза.

— Ну, — сказала я наконец, — насколько я понимаю, пока мы еще не стражи Лиссы.

Я вся подобралась, ожидая резкой отповеди. Несомненно, я получу очередной урок дзен-буддизма. Что-нибудь о внутренней силе и терпении, о том, что наше будущее зависит от выбора, который мы делаем сегодня, и прочая чепуха в том же духе. Вместо этого он поцеловал меня. Время остановилось, когда он протянул руки и ладонями обхватил мое лицо. Наклонил голову и легко скользнул губами по моим губам. Намек на поцелуй, но постепенно он становился все более жарким и проникновенным. В конце концов Дмитрий оторвался от моих губ, но только ради того, чтобы поцеловать в лоб. Это длилось несколько секунд, и все время он крепко обнимал меня.

Как мне хотелось, чтобы поцелуй длился вечно! Разомкнув объятия, он провел рукой по моим волосам и дальше по щеке. Отступил на шаг и

направился к двери.

— Увидимся позже, Роза.

— На следующей тренировке? — спросила я. — Мы ведь возобновим их? В смысле, тебе еще многому предстоит научить меня.

Стоя в дверном проеме, он оглянулся и улыбнулся.

— Да. Многому.

Как обычно, эта книга была написана благодаря помощи и поддержке моих друзей и семьи. В особенности я должна поблагодарить моих консультантов: Кейтлин, Дэвида, Джея, Джеки и Кэт. Вы, ребята, провели на связи он-лайн в ночное время больше часов, чем я могу сосчитать. Без вас я не сумела бы пробиться через безумие работы над этой книгой.

Спасибо также моему агенту Джиму Маккарти, который переворачивал небеса и землю, отодвигая предельные сроки, чтобы дать мне возможность закончить книгу. Я рада, что ты прикрывал мне спину. И конечно, огромное спасибо Джессике Ротенберг и Бену Шренку из Рейзабилла за их неустанную поддержку и тяжелый труд.

notes

Примечания

1

Имеется в виду шесть футов семь дюймов. (Здесь и далее прим. перев.)

Хет-трик — спортивный термин: три гола, забитые одним игроком за одну игру.

Маршмэллоу — суфле из кукурузного сиропа, сахара, крахмала, желатина и др. компонентов. Поджаривается на палочке на открытом огне.

Per se — сам по себе (лат.). (Прим. перев.)

Тазер — специальное оружие, используемое полицией, временно парализующее преступника и не вызывающее отдаленных последствий.

«Сладкое мясо» — блюдо из поджелудочной железы.